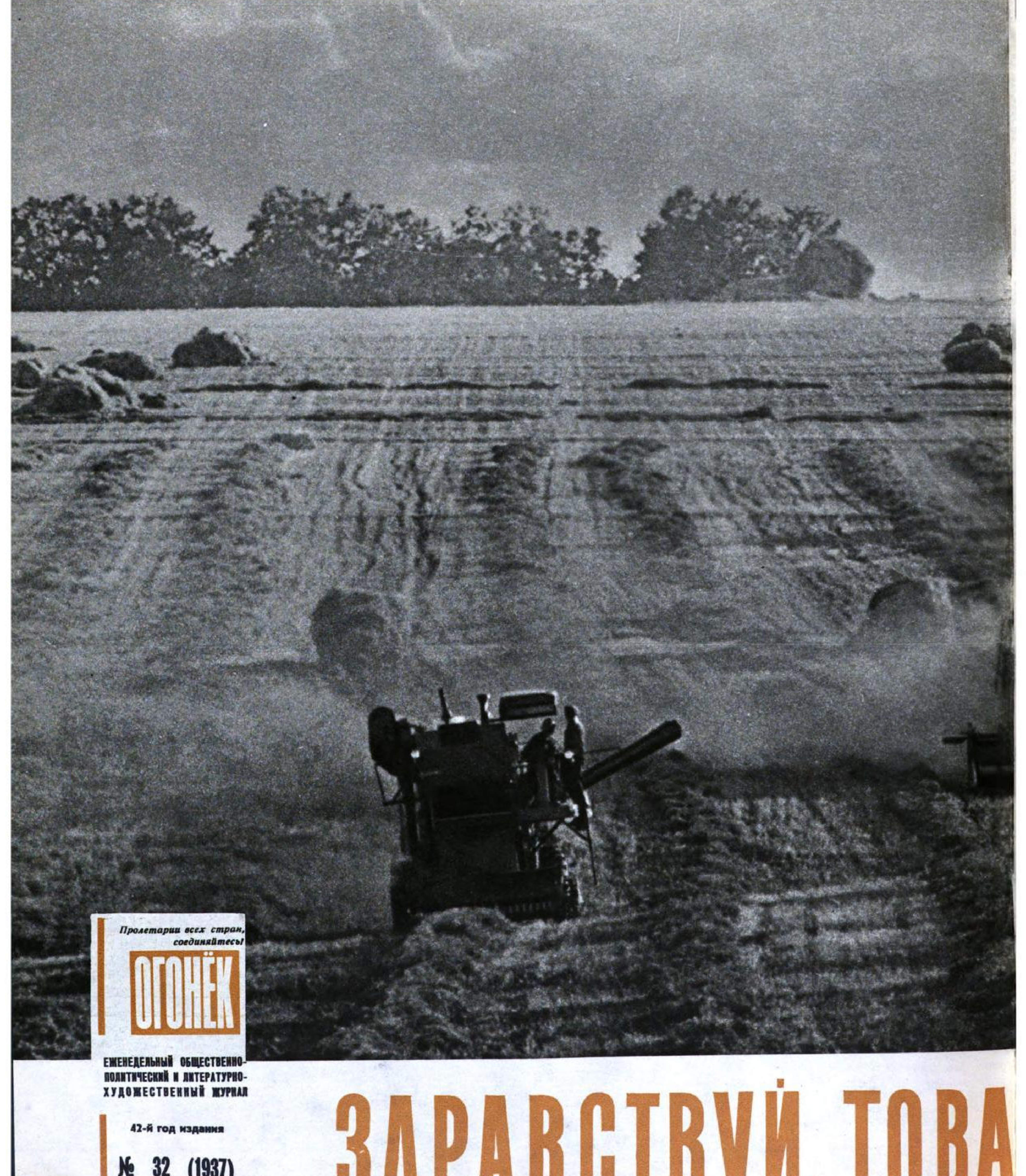

ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 32 (1937)

2 АВГУСТА 1964

ЗДРАВСТВУЙ, ТОВА

РИЩ УРОЖАЙ!

Добрые нынче хлеба созрели на полях Белгородской области. Большой урожай требует и забот немалых. Но механизаторы Дмитро-Тарановского совхоза хорошо подготовились к страде. От зари и до зари ведет уборку бригада коммунистического труда Ивана Введенского. Плывут по золотому морю неутомимые степные корабли.

Идет хлеб Шестьдесят Четвертого года!

Фото М. Савина.

У ТАН В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

По приглашению Советского правительства Москву посетил Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций У Тан. Он имел беседы с руководящими государственными деятелями Советского Союза.

Во время встречи с Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым гость передал главе Советского правительства подарок — вазу, украшенную сюжетами из истории Бирмы.

Фото Дм. Бальтерманца.

ПУТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ!

В четвертый раз собираются известные ученые, экономисты, публицисты СССР и США, чтобы обсудить проблемы мира и взаимопонимания. Встреча в Ленинграде происходила в канун знаменательной даты — первой годовщины заключения Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Мы попросили американских гостей высказать свое мнение о Московском договоре и дальнейших перспективах упрочения мира. Вот что они сказали.

Норман КАЗИНС, редактор журнала «Сатердей ревью», известный американский общественный деятель:

— Заключение Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех сферах давало нам всем надежду на то, что будет достигнут дальнейший прогресс не только в области разоружения, но и в укреплении стабильности отношений между нашими странами. Мы надеялись на быстрый прогресс, но теперь, оглядываясь назад, мы видим, что он не был таким быстрым и широким, как нам хотелось бы. Но вместе с тем определенные и важные успехи за этот год были достигнуты.

Нашим странам удалось сделать шаг вперед в том, чтобы космическое пространство стало областью мира. Было достигнуто соглашение о сокращении производства плутония в военных целях. Между нашими странами ведутся переговоры по широкому кругу вопросов, чего не было раньше. Такие переговоры расширяют область взаимопонимания между нами, закладывают фундамент для дальнейшего движения вперед. Конференция в Ленинграде может служить примером того, как изменилась атмосфера в советско-американских отношениях.

Артур ЛАРСОН, директор института мирового права, бывший специальный помощник президента Эйзенхауэра:

— Я, несомненно, одобряю этот договор. Я сам работал над тем, чтобы этот договор стал реальностью. Я надеюсь, что за ним последуют другие конкретные шаги в этом же направлении. Договор помог улучшению отношений между нашими странами, помог заключить другие соглашения между Америкой и Россией.

Дэвид РОКФЕЛЛЕР, экономист, глава «Чейз Манхэттен бэнк»:

— Я — за Московский договор. Им было положено хорошее начало для дальнейших шагов в области разоружения. Однако я разочарован тем, что во время переговоров по разоружению в Женеве не было достигнуто новых соглашений. Но тем не менее я надеюсь на будущее.

Кеннет ГЭЛБРЕЙТ, профессор, бывший посол США в Индии:

— Я был связан с американским правительством, когда был заключен Московский договор, и считаю его очень важным шагом в деле разоружения. В момент подписания договора я был в Индии и видел, с каким одобрением был встречен договор, как радовались ему люди, которые чувствовали себя беспомощными перед ядерной угрозой. Но мы не должны считать этот договор последним шагом на нашем пути. Я надеюсь, что будет достигнуто полное запрещение испытаний ядерного оружия при условии доверия с обеих сторон и возможности проверки выполнения обязательств о прекращении испытаний. Могу вам сказать по личным впечатлениям, что президент Кеннеди считал заключение Московского договора одним из самых важных результатов своей деятельности.

Гости из США познакомились в Ленинграде с работой Государственного оптико-механического завода. На снимке: генеральный директор ГОМЗа М. П. Панфилов рассказывает гостям Д. Рокфеллеру, Ш. Стоуну, К. Гэлбрейту и другим о системе управления предприятием.

Фото А. Сербина.

К 50-летию первой мировой империалистической войны.

Завещание Жана Жореса

— Через это окно был убит наш Жорес.— Товарищ из «Юманите» показал на витрину небольшого кафе.

Жан Жорес был убит вечером 31 июля 1914 года. А наутро в Париже были расклеены приказы о мобилизации. Началась первая мировая война... Марна, Мазурские болота, Верден, Карпаты... Миллионы убитых... Миллионы инвалидов... Миллионы вдов и сирот...

Обычно история первой мировой войны рассказывается с убийства эрцгерцога Фердинанда в Сараеве. Но это убийство было только поводом к войне. Историю первой мировой войны, вероятно, следует начинать с убийства Жана Жореса. Потому что его убийство, убийство и арест таких людей, как он, — не только во Франции, во многих странах — было прямой необходимостью для тех, кто хотел войны. Ведь еще за пятнадцать лет до того, как его убили, Жорес предупреждал людей: «Впервые может разразиться мировая война, которая охватит все континенты. Капиталистическая экспансия раздвинет поле битвы: вся наша планета будет обагрена кровью».

Жан Жорес не ограничивался предсказаниями. Всю свою страсть публициста и оратора, все свои знания философа и историка он отдавал борьбе против угрозы войны. Жорес связывал борьбу за социализм с борьбою за мир, он был великим интернационалистом, который сквозь шовинистический угар обращался к народам других стран как друг и союзник в борьбе.

Многое успел сделать Жан Жорес до того, как был убит наемниками войны. Его можно по праву считать одним из основоположников международного движения за мир. И для нас как строгое завещание великого гуманиста звучат его мудрые слова: «Нет железного закона войны. Люди труда могут отстоять мир: все зависит от людей».

Л. СТЕПАНОВ

ПАПА ИГРАЕТ В СОЛДАТИКИ

На снимке, взятом нами из западногерманского журнала «Штерн», прекрасно видно, что к чему. Пожалуй, не вполне ясно только, что у девчушки в руке. Надо полагать, какая-нибудь погремушка или зайчик. В этом возрасте особенно выбирать не приходится: что дают, тем и играешь. Зато какая игрушка в руках у папы, видно очень хорошо. Эта штуковина называется скорострельным пулеметом. Игрушка очень занятная. К ней придаются желтенькие патрончики, уложенные в ленту. Нажмешь пальчиком, и получается: «Та-та-та-та». Прелестная игрушечка... К тому же папе она ровно ничего не стоит, хотя папа — его зовут Манфред Якобс — довольно часто играет ею.

По профессии папа — кузнец. Конечно, он мог бы кузнечить себе на здоровье, а по воскресеньям отдыхать, как все добрые люди. Но нет, папа не хочет. Как раз по этим дням он играет в солдатики.

Дочка у Манфреда еще маленькая. А сам Якобс уже большой, ему 26 лет. В этом возрасте надо бы проявлять больше сообразительности при выборе игрушек. Однако папа поверил добрым дядям и стал солдатом войск территориального резерва ФРГ. Манфред уже отслужил свое в западногерманской армии — бундесвере. Но дяди так настойчиво советовали ему продолжить пулеметные игры, что он даже свои воскресенья добровольно посвящает этому.

И вот семейная идиллия: папа за пулеметом, а мама с дочкой пришли посмотреть на столь увлекательное занятие.

Пока что вместе с папой в автоматики, пулеметики и пушечки играют 6 тысяч человек. Но один из добрых дядей, которые вовлекли папу в игру, заявил, что к 1965 году будет уже 44 тысячи «террез» (так в ФРГ называют территориальных резервистов). Дяде можно верить: по должности он командующий войсками территориальной обороны, по званию генерал-лейтенант, а зовут его Фридрих Альфред Юбельхак.

Следовательно, играть будут десятки тысяч пап. А зачем? На это отвечает другой добрый дядя — министр обороны ФРГ Кай Уве фон Хассель: «Мы должны вернуть земли, утраченные на Востоке». Вот, оказывается, почему Манфред Якобс играет по воскресеньям не с дочкой, а с пулеметом!

Дяди в Западной Германии очень хотели бы, чтобы подобными игрушками забавлялись все поголовно. Манфред Якобс уже при деле, за него беспокоиться нечего. А вот мама — пока нет. Поэтому в Бонне сейчас напряженно работают над этим вопросом. Газета «Франкфуртер альгемейне» приводит слова дяди Хасселя о том, что в случае войны в состав западногерманской армии должно быть включено 100 тысяч женщин. Для этого, считает он, уже сейчас необходимо принять решение, «имеющее силу закона».

Стало быть, с этим тоже улажено. Теперь вопрос: куда вовлечь дочку Манфреда Якобса — ту самую, что сидит в коляске и не подозревает, что добрые боннские дяди могут в один прекрасный день оставить ее без папы и мамы? Может быть, пока поручить ей рыть совком окопы?

Я. МАЛЫКИН

Курьерский набирает скорость

Кабина электровоза напоминает кабину воздушного лайнера. Широкие ветровые стекла, приборная доска с переключателями, сигнальными лампочками, радиоаппарат... За штурвалом — машинист-инструктор Николай Ефремович Ситенков. Он ведет состав из трех вагонов, пассажиры которых — ученые, инженеры, техники. Каждый вагон — научная лаборатория. Предстоят испытания новых стрелочных переводов, установленных на станции Гряды.

Перед поездкой начальник Октябрьской железной дороги Петр Кондратьевич Лемещук рассказал нам, что скоростное движение у них стало развиваться с 1958 года. Тогда экспресс «Красная стрела» стал ходить со средней скоростью 82 километра в час. Теперь средняя скорость курьерских поездов между Москвой и Ленинградом — 140 километров.

— Скорость и дальше будет увеличиваться, — говорил Петр Кондратьевич, — это позволяют и пути, и электровозы, и вагоны. Одним словом, все, кроме стрелочных переводов. Они, так сказать, наша ахиллесова пята. Практически стрелочные переводы не позволяли до сих пор увеличивать скорость свыше 140 километров в час. А чтобы после перевода снова довести ее до 160, электровозу нужен разгон 5—6 километров. И тут снова приходится тормозить, так как близка очередная станция, ведь между Москвой и Ленинградом их более семидесяти. И если скорость поезда изобразить графически, то линия получится волнообразной: разгон, торможение, разгон, опять торможение. Это не только мешает увеличить скорость движения поездов, но и приводит к быстрому износу материальной части, непроизводительному расходу энергии.

— А как же при таких больших скоростях обеспечивается безопасность движения?

— На курьерских поездах приняты дополнительные меры предосторожности. Например, если греется букса колеса, в отделении у проводника вагона звенит звонок. Он или сам остановит поезд, или сообщит об этом по телефону машинисту, у которого телефонная связь со всем составом.

Петр Кондратьевич рассказал еще об одной мере безопасности. Когда машинист останавливает поезд, тормозные колодки зажимают колеса. Вот торможение прекратилось, и колодки автоматически должны отойти. Ну, а вдруг этого не произойдет?! Тогда поезд идет дальше, но заторможенное колесо не крутится, обод его стирается, образуется так называемый ползун. Ползун может перебить рельс, вызвать крушение.

На курьерских поездах, если тормоза не отпустили какое-нибудь колесо, автоматическая сигнализация предупредит проводника вагона и машиниста.

Машинист-инструктор Николай Ефремович выводит поезд к опытному перегону. Стрелка прибора показывает скорость 160—180—200 километров в час. Деревья вдоль пути словно смазываются, сливаясь в одно серо-зеленое полотно. Птицы, вспугнутые стуком колес, не успевают перелететь железнодорожное полотно. Ударяясь об электровоз, они оставляют на нем пыльные пятна. Земля так стремительно мчится на нас, что кажется: приделай электровозу крылья, и он взлетит. Да и что удивительного, ведь самолеты на такой скорости отрываются от земли.

Станция Гряды. Мелькают мимо постройки, на секунду задерживается в поле зрения пустая станционная платформа.

Станция остается позади, скорость уменьшается до обычной. Николай Ефремович облегченно вздыхает, вытирает платком вспотевший лоб. Испытание новых стрелочных переводов прошло успешно. Поезд прошел через станцию со скоростью 201 километр.

А. ГОЛИКОВ

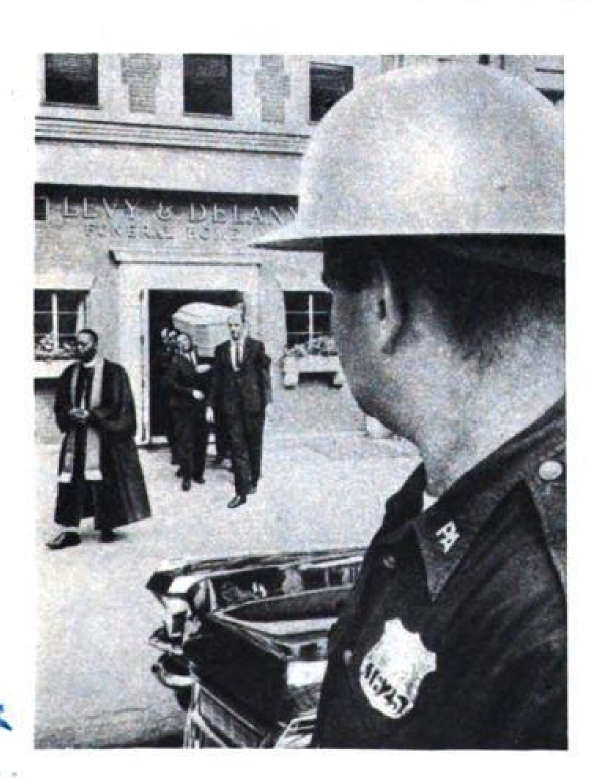

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

Умерла Ванда Львовна Василевская, славная дочь польского народа, выдающаяся советская писательница, человек большого гражданского мужества и подвижнической судьбы. В будущем году ей исполнилось бы шестьдесят лет.

Ее жизнь прошла в постоянной борьбе. Ванда Львовна еще в юные годы участвовала в революционном движении Кракова и Варшавы, работала в прогрессивных газетах и журналах Польши. В 1939 году после нападения гитлеровцев на Польшу В. Василевская приняла советское гражданство и с тех пор все силы отдавала борьбе с фашизмом, против войны. В годы схватки с гитлеровцами полковой комиссар Ванда Василевская на фронте: она среди организаторов Союза польских патриотов и 1-й Польской Армии, сражавшейся вместе с советскими бойцами. После войны Ванда Львовна — в первых рядах борцов за мир, она непременная участница многих международных конгрессов в защиту мира.

Повести В. Василевской — начиная с «Облика дня» в 1934 году — широко известны читателям. «Пламя на болотах», «Радуга», «Просто любовь», «Когда загорится свет?», очерки, рассказы и еще многие книги В. Василевской останутся в нашей литературе, потому что в них слышен голос писателя-революционера, посвятившего свое творчество народу.

КАСКИ, ДУБИНКИ, ГОРЯЩИЕ КРЕСТЫ...

Эти снимки сделаны 20 июля этого года. В них запечатлены трагедия Америки и ее позор.

Полицейский № 1625 наблюдает за тем, как родные и близкие несут гроб с телом пятнадцатилетнего Джеймса Поуэла. Юношу убил другой полицейский, в такой же форме, в такой же каске — только с другим нагрудным номером. Убил без всяких на то причин, просто так. Просто потому, что у Джеймса Поуэла был черный цвет кожи.

Убийство Джеймса Поуэла подняло на ноги Гарлем. В демонстрациях протеста приняли участие тысячи людей. В ответ на это Гарлем осадила полиция. Побоище продолжалось несколько суток. Многие десятки людей были ранены, арестованы. В том числе те, которых вы видите на втором снимке.

Третья фотография пришла не из Нью-Йорка. Она сделана в Южной Каролине. На встречу с «великим имперским драконом» Ку-Клукс-Клана Робертом Шелтоном собрались мракобесы из южных и северных штатов. Зловещие угрозы негритянскому населению прозвучали в речах выступавших. Вспыхнул огненный крест...

Это происходит в Америке. Сегодня. Во второй половине двадцатого века.

Вешенцы встретили ленинградцев хлебом-солью.

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
Константин ЧЕРЕВКОВ,
Специальные корреспонденты «Огонька»

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

«Он проснулся от холода, взявшего в тиски сердце, и, открыв глаза, сквозь блещущие радужным разноцветьем слезинки увидел холодное солнце, величественный простор безмолвной степи, свинцово-серое небо у кромки горизонта и на белой шапке кургана невдалеке — рдяно-желтую, с огнистым отливом, лису. Лиса мышковала. Она становилась в дыбки, извиваясь, прыгала вверх, и, припадая на передние лапы, рыла ими, окутываясь сияющей серебряной пылью, а хвост ее, мягко и плавно скользнув, ложился на снег красным языком пламени».

Строки эти, взятые нами из шолоховской «Поднятой целины», очень часто приводятся критиками, когда они хотят подчеркнуть могучий художнический дар писателя, богатейшую палитру его красок. В самом деле, каким же он должен быть разборчивым, с какой же тщательностью должен подбирать слово к слову, чтобы в конце концов получилась вот такая, отливающая неповторимыми цветами, физически ощущаемая картина! Нам же припомнились дивные эти строки по другой причине. Почему именно здесь, в этом месте своего повествования, писатель дает свою пейзажную зарисовку?

Могло случиться и так, что она написалась сама собой,— даже наверное это так,— и все-таки нельзя не подивиться редкой и счастливой уместности ее. Рабочий-двадцатипятитысячник Семен Давыдов едет в хутор, к степным людям, чтобы помочь им выйти на новую дорогу в их жизни. И Шолохов как бы предупреждает его: «Смотри, Давыдов, на эту степь, научись понимать и любить ее. На этой земле веками трудились те, с которыми тебе придется жить, работать, поднимать целину. Не научившись понимать и любить землю, ты не поймешь землепашца, и он не поймет и никогда не полюбит тебя».

Приехав в Гремячий Лог, Семен Давыдов не поспешил, зажав портфель под мышкой, в контору, а надолго задержался на улице, среди казаков, перебросился с ними одним острым и соленым словцом и другим, чем сразу же развеял настороженное отношение к себе.

Тридцать пять лет спустя по приглашению Михаила Шолохова на тихий Дон, в станицу Вешенскую, собственно, в те самые края, куда некогда был послан ими их побратим по имени Семен Давыдов, прибыли рабочие знаменитого Путиловского, а ныне Кировского завода. Легко представить и понять их нетерпение: они едут в гости к Шолохову, в станицу Вешенскую, у которой удивительная судьба — ничем особенно не отличавшаяся от множества других казачьих селений, она стала притягательной тотчас же, как только из-под пера совсем молодого ее жителя вышли первые главы «Тихого Дона». С той поры Шолохов и Вешки стали синонимом. Когда говорят «Вешки», непременно думают об авторе великой эпопеи.

Михаил Александрович, разумеется, тоже понимал это нетерпение своих высоких гостей и, конечно же, очень хотел встретить у себя в первый же день их появления на донской земле, потому что и сам вот уже три года с нетерпением ждет этой встречи. Но надо понять и другое: для Шолохова очень важно, чтобы кировцы раньше и прежде всего встретились с его земляками, с героями написанных и еще не написанных его книг. Вот почему по дороге в станицу свернули они на другой берег Дона, на поля Зернограда, где им предстояло одно волнующее свидание: здесь проходил испытания могучий трактор «Кировец». Рабочие увидели свое детище в одной упряжке с комбайном, тоже новым и сверхмощным, завода «Ростсельмаш»,— картина сама по себе исполнена глубочайшего смысла и символики. Волновались все. Но больше всех, пожалуй, пожилой и с виду очень спокойный рабочий Константин Яковлевич Яковлев: много-много лет тому назад ему довелось выводить из ворот Путиловского первый советский трактор. Он был маломощен, неказист и невзрачен, тот краснопутиловский первенец, но уже велик тем, что оказался предтечей вот этого гордого гиганта, что оглашает донскую землю ревом своего мощного мотора. Тут же, поблизости,— видать, для сравнения — проходит испытание далекий заокеанский гость — канадский трактор «Вагнер». Донская степь стала свидетельницей напряженнейшего состязания: кто кого. Руководители соревнования — народ хозяйственный и практичный, и мы бы не удивились, если б они отдали предпочтение важному иностранцу, окажись тот во всех отношениях сильнее. Но канадец должен был уступить пальму первенства ленинградцу: последний победил, и победил, как говорят спортсмены, с большим счетом!

На следующий день — «Ростсельмаш», младший родной брат Кировского. С ревнивым любопытством осматривали его ленинградцы. Сквозь шум трудно было услышать, что они толкуют меж собой. Но по отдельным репликам, по жестикуляции и главным образом по взглядам можно было судить, что́ им пришлось по душе на заводе, а что́ и не понравилось. Немного позже, вернувшись в заводоуправление, они скажут об этом откровенно, прямо, по-рабочему, по-кировски. Оказалось, в общем, что рабочим того и другого заводов есть чему поучиться друг у друга.

Возле одного станка народу густо. Прославленные новаторы-фрезеровщики Евгений Савич и Иван Леонов как перед боем. Они что-то торопливо разворачивают, на них быстро надевают спецовки, глаза горят, по лицам обильно катится пот. Что бы все это значило? Не первый же раз встают они у станка. Отчего такое волнение? Теперь самое время опять вспомнить Семена Давыдова. В чемоданчике, с которым припожаловал он в Гремячий Лог, у него лежало самое дорогое, что только есть у рабочего человека,— немудреный инструмент мастерового: плоскогубцы, отвертки, рашпиль, кронциркуль, шведский ключ. «Черта с два его использую! Думал, может, трактоpишко подлечить, а тут и тракторов-то нет»,— сказал себе с горькой улыбкой Давыдов. И решил: «Подарю какому-нибудь колхознику-кузнецу, прах его дери». Вот и кировцы приехали не с пустыми руками. И по привычке мастеровых людей они, как и Давыдов, привезли с собой то, что ценят больше всего,— свой инструмент, свои фрезы. И теперь готовятся продемонстрировать их в работе перед своими искушенными собратьями из «Ростсельмаша». Вначале что-то не ладилось, станок не развивал бешеной скорости вращения, необходимой для новейшей фрезы. Напряжение росло. Леонов и Савич тревожно переглядывались. В конце концов все уладилось, молнией вспыхнула стружка, и, как бы отражая ее, вспыхнули лица знаменитых фрезеровщиков,— так могут гореть лишь лица творцов, таким же, должно быть, светом горят глаза художника, который после длительных поисков находит наконец нужные ему краски. Двумя днями позже Леонов и Савич продемонстрируют свое высокое искусство — а это именно искусство, нисколько не меньше! — в вешенской мастерской «Сельхозтехники» перед глазами очень зоркого и чрезвычайно взыскательного мастера, знающего цену резцу

Кировцы подарили писателю фрезу-малютку.

и владеющего им в совершенстве. Шолохов, обычно скупой на похвалу, останется доволен. Он будет очень доволен и тем, что свои фрезы, удостоенные золотых медалей, кировцы вручат его земляку — лучшему фрезеровщику мастерской Илье Тихоновичу Косоножкину.

— Таких фрез еще нигде нет,— скажет не без гордости Евгений Савич.— Это — наше новшество... А это вам, Михаил Александрович! — И ленинградец передаст в руки Шолохова фрезу-малютку.

А тот, улыбнувшись, скажет:

— Спасибо! Но вы уедете, а он у меня отберет ее. Так получай лучше сразу.— И Михаил Александрович передаст подарок Илье Косоножкину.

Но все это произойдет через день. Пока что мы летим из Ростова в Вешенскую. У каждого свои думы. Под крыльями самолета распростерлась донская земля, вволюшку попившая и пота и крови людской. Земля. Степь родимая! Сколько раз мы слышали это сыновнее восклицание на страницах шолоховских творений! «Степь родимая!» — шепчешь про себя и ты, приближаясь к известному теперь во всем мире уголку земли в среднем течении Дона. Трудно передать словами состояние, охватывающее тебя всякий раз, когда ты вступаешь в шолоховские места. Там и сям высятся степные курганы, покрытые серебристым полынком. Не возле одного ли из них, низко опустив чубатую голову, в глубокой задумчивости сидел человек? Руки его тяжко положены на колени, и ты не мог бы оторвать взгляда своего от этих рук хлебороба, больших, корявых, с набрякшими венами. Им бы пахать да сеять, этим крестьянским рукам, подправлять покривившиеся плетни у родимого куреня, ласкать детей, а они много-много лет подряд только и делали, что проливали кровь таких же работяг-землепашцев. Что же случилось с тобой, донской казак Григорий Мелехов? Почему так трагично запутались твои дороги? Чтобы ответить на этот вопрос, автору «Тихого Дона» потребовалось четырнадцать лет, в течение которых он, а вслед за ним и мы шаг за шагом прослеживали сложный, ухабистый путь Григория Мелехова.

Самолет делает круг над Вешенской. Волнение наше усиливается. Вот увиделась синяя полоска реки с ее берегами, с галькой, зацелованной волной, знаменитое стремя Дона, где далеким туманным утром озорной Гришка ловил со своим строгим и строптивым батькой жирных сазанов,— и не та ли виднеется внизу грустная тропинка, круто сбегающая к реке, та самая, по которой хаживала по воду прекрасная и несчастная Аксинья?.. Все это мир шолоховских образов — мир реальный и в то же время фантастически необычайный. И как-то не верилось, что вот сейчас перед нами встанет человек, обыкновенный, земной, даже застенчивый, который чудодейственной силой живого слова сумел потрясти миллионы человеческих сердец. Хотелось выскочить из самолета, прежде чем подадут трап. Но мы, литераторы, журналисты, берем себя в руки и пропускаем вперед высоких гостей — представителей Его Величества Рабочего Класса. В распахнутую дверцу властно и тревожно-терпко вторгся запах степной полыни, а мы через маленькое окошко всматриваемся в толпу встречающих. Не вдруг, не скоро отыскивается его небольшая фигура. Ее заслоняет казачья фуражка пожилого вешенца, стоящего с хлебом-солью. А он — в светло-серой шляпе, в легкой светлой рубашке — стоит чуть позади и... волнуется. Через минуту его уже не было видно: гости окружили его, взяли в полон, фотокорреспонденты, заняв все возвышенные места — кузова машин, стоявшие тут опрокинутые ящики и бочки,— защелкали аппаратами. Сквозь гул едва расслышали мы команду, поданную его негромким, глуховатым голосом:

— Что ж, по коням, хлопцы!

Минут через десять колонна машин, миновав наплавной мост, уже подымалась в Вешенскую. Гости — а их вместе с нами, журналистами и писателями, набралось около сотни — стали располагаться на постой. Был объявлен перерыв до полудня, а потом — обед в шолоховском доме. Едва расположившись, все мы, не сговариваясь, устремились вниз, к тихому Дону, и как раз по той самой тропинке, по которой, как нам думалось, спускалась некогда Аксинья Астахова.

Журналисты — народ ушлый. Они пробрались на шолоховское подворье гораздо раньше определенного срока. Расчет тут простой: хозяин не вытерпит и появится на крыльце задолго до того, как придут гости, а тут можно и поснимать и перекинуться с ним словцом-другим. Так, собственно, все и случилось.

Ленинградцы пришли с небольшим опозданием: залюбовались Доном и его живописными берегами. Михаил Александрович и Мария Петровна встретили их у крыльца, сейчас же повели в дом, к столу. По правую и левую стороны от хозяина сели рабочие-ветераны Михаил Гаврилович Алексеев, потрудившийся на заводе ни мало, ни много шестьдесят лет, и Константин Яковлевич Яковлев, о котором говорилось нами выше. Был среди гостей и Семен Давыдов — правда, он приехал к автору «Поднятой целины» под другим именем. Зовут его Скворцов Николай Васильевич. Послушаем, однако, Шолохова. Встретив Скворцова, он в радостном удивлении воскликнул:

— Ну чем вам не Давыдов! Даже биографии сходятся: рабочий-путиловец, в прошлом моряк Балтийского флота, в тридцатом году — двадцатипятитысячник, председатель колхоза, только не на Азово-Черноморье, а в Калининской области...

Потом, вздохнув, с грустинкой тихо добавил:

— Правда, за тридцать пять лет и автор книги и второй Давыдов немного постарели, так сказать, слегка тронуты заморозками. Но если понадобится Родине, мы вновь готовы служить ей и в рядах армии и оборонным трудом. Не так ли, Николай Васильевич?

Скворцов — по-военному, коротко:

— Точно.

— Вот порядок,— улыбнулся Шолохов, глянув при этом на самого, пожалуй, молчаливого из его гостей.

Никто бы и не подумал, что тихий этот, голубоглазый, застенчивый человек — знаменитый снайпер Ленинградского фронта, отправивший на тот свет более четырехсот фашистов. Между прочим, Федор Дьяченко — а это на него сейчас глянул Михаил Александрович — живет в Ленинграде как раз на том самом месте, где находилась в дни блокады его снайперская ячейка. Бесстрашный этот человек не на шутку испугался, когда, прощаясь с гостями, Шолохов доверительно шепнул ему на ухо: «Приеду к вам и ночевать у вас буду... примете?» Страх его, впрочем, был радостным: тут и гордость и волнение хозяина, которому предстоит встретить такого редкого гостя. Все мы приметили, что Шолохов как-то по-особому пристально присматривался к Дьяченко, по-особому внимательно прислушивался к его скомканной волнением речи. Не вызвано ли это тем, что писатель в эти дни напряженно работает над своей военной эпопеей?.. Но и остальные ленинградцы не могли бы посетовать, все они были окружены самым трогательным вниманием и хозяина, и хозяйки, да и всех шолоховских домочадцев.

Беседа сложилась быстро и естественно, без той неловкой паузы, которая обычно бывает после того, как гости рассядутся за столом. Кировцы, не мешкая, сразу же устремились в атаку на присутствующих литераторов, упрекая их в том, что мало создано хороших произведений о рабочем классе. Смысл их претензий сводился к одному простому факту: в жизни Давыдовы есть, а вот в произведениях последних лет что-то их не густо. Днем позже, уже на митинге, имея в виду этот застольный эпизод, Михаил Александрович говорил вешенцам:

— Писатели, присутствовавшие на встрече, заняли, как говорится, круговую оборону, но под давлением превосходящих сил кировцев, а вернее, под давлением их правильных мыслей, вынуждены были отойти...

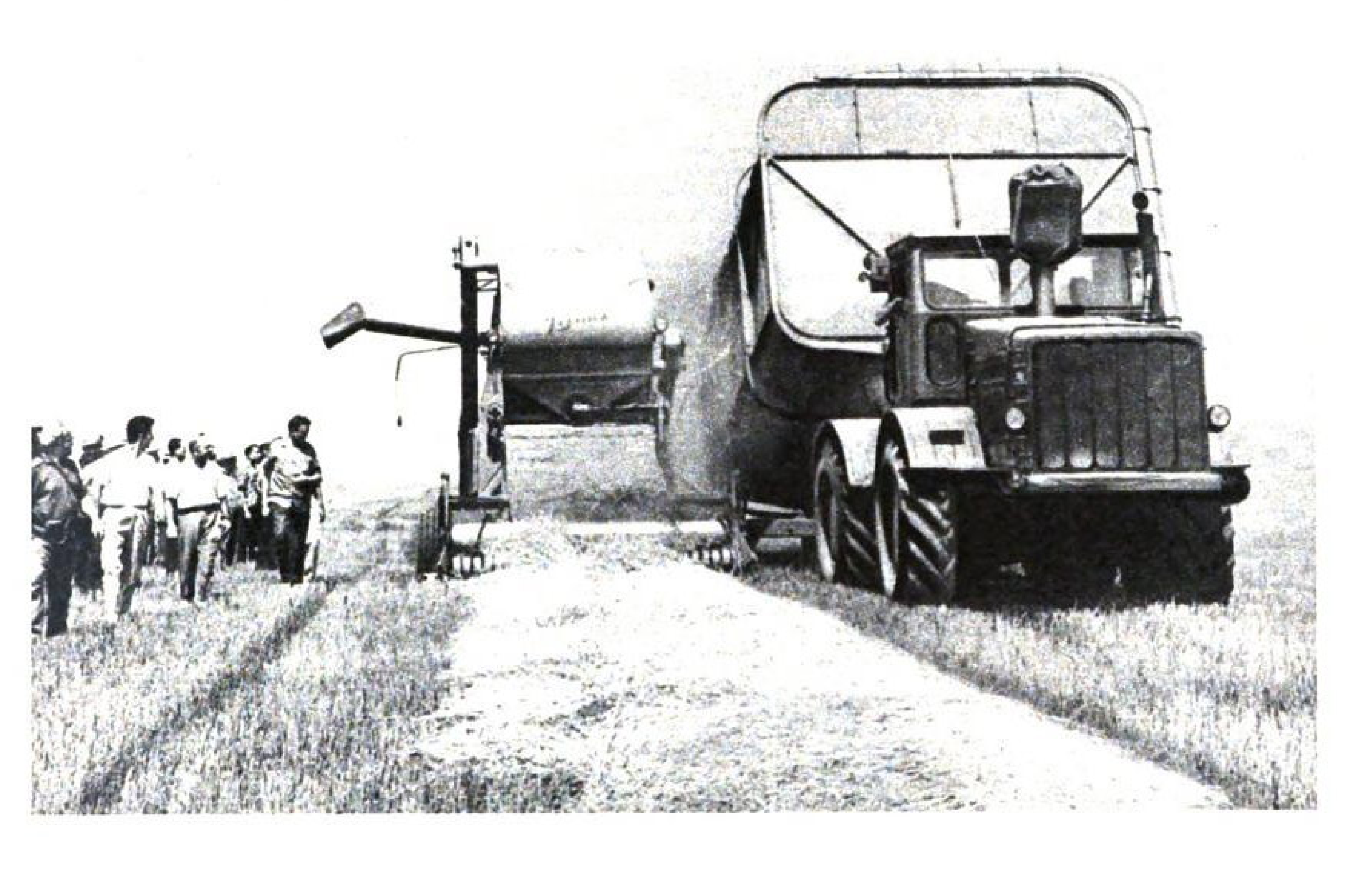
Впрочем, Шолохов предостерег и своих ленинградских гостей от возможного упрощенного толкования по поводу создания художественных произведений. Пришел, мол, писатель на завод, посмотрел, поговорил с рабочими, а потом за письменный стол — и вот вам готовенький роман о рабочем классе.

— Вы прекрасно знаете,— говорил он кировцам,— как создаются сложные машины. Тот же ваш трактор «К-700» не сразу появился на свет. Нужны были поиски, проекты, усилия конструкторской, инженерной мысли, всего большого рабочего коллектива. В литературе происходит то же самое. Только вся эта большая работа падает на плечи одного человека. Он и конструктор, и проектировщик, и фрезеровщик, и шлифовальщик. Литература — это процесс трудоемкий, сложный... Работа над произведением начинается с познания жизни. Ведь не всегда

Встреча кировцев с «Кировцем».

Михаил Александрович Шолохов со своими внуками.

бывает, что если писатель пришел на завод, так он сразу напишет книгу. Нужно длительное изучение, нужно терпение и время, а главное, нужно тесное общение с людьми, героями будущих произведений. Поэтому я придаю большое значение нашей встрече. Как при ударе кресалом о кремень появляются искры, так должны появляться искры творчества.

Кировцы привезли писателю много подарков. Среди них были два, особенно ему дорогие. Это железный узел, символизирующий нерасторжимую дружбу писателя с рабочим человеком, и бессрочный пропуск на завод. Взволнованный, Михаил Александрович говорил, однако, с характерной, обычной для него лукавинкой:

— Кировцы — народ довольно хитрый. Пропуск этот мне вручен с таким расчетом: приезжай, мол, приходи в любое время, знакомься с производством, знакомься с нами, а потом ты, конечно, увлечешься и будешь писать. Так ведь, товарищи дорогие, я никогда не давал подписки, никогда не давал зарока, что я привязан только к сельскохозяйственной теме или к теме войны. Мы еще, так сказать, можем тряхнуть стариной...

Кировцы хорошо поняли своего большого друга. Так-то и закончилась эта удивительная встреча. Хозяин остался дома, полный волнующих впечатлений от бесед с хорошими гостями, а гости увезли с собой теплоту его сердца и добрую надежду на новые встречи.

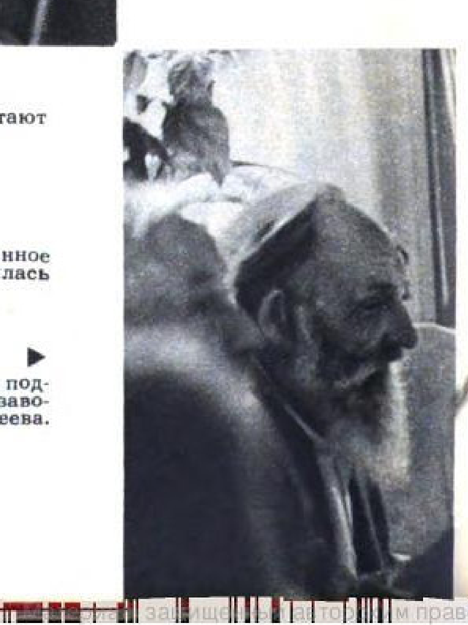
Станица Вешенская,
июль 1964 года.

Евгений Савич показал вешенцам, как работают фрезы.

Иван Давыдович Леонов проявил на Дону отменное поварское искусство. Леоновская уха понравилась всем.

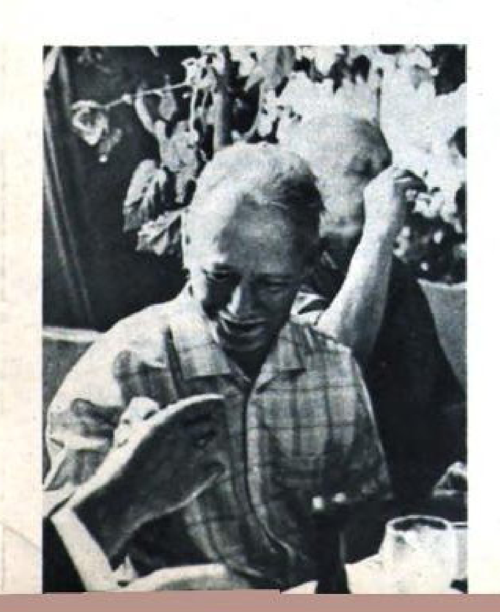

Михаил Александрович Шолохов поднял тост за ветерана Кировского завода Михаила Гавриловича Алексеева.

На берегу Дона гости отведали вешенской ухи.

М. А. Шолохов познакомил М. Г. Алексеева с руководителями области — М. К. Фоменко (слева) и И. И. Заметиным.

СЛУЖБА ДОБРЫХ СЕРДЕЦ

Недавняя сессия Верховного Совета СССР поставила огромные задачи перед работниками службы быта. Это они должны создать такие условия, чтобы трудящимся побольше оставалось времени на отдых, образование, культурные развлечения, спорт. Об этом говорил в своем докладе Н. С. Хрущев. Но дело не только в свободном времени. От того, как поставлено бытовое обслуживание, как нас встречают в кафе или парикмахерской — доброй улыбкой или мрачным брюзжанием,— зависит наше настроение. А с хорошим настроением легче живется, лучше работается.

Вот два рассказа о людях, которые помогают нам своей улыбкой.

Рассказ о сорочке

Мой приятель, инженер-дорожник, живет в Измайлове. А рубашки стирает в прачечной, что на Красной Пресне.

— Почему? — удивился я.— Неужели нет прачечных поближе?

Ответ был категорическим:

— Таких? Нет!

В подтверждение он протянул мне только что доставленную из фабрики-прачечной № 1 накрахмаленную сорочку. Из нее выпал крохотный белый листок.

Несколько строчек убористого шрифта. «Ваше белье приготовила комплексная бригада под руководством т. Есауловой М. М., которая соревнуется за высокое качество обработки белья, за сбереженное время и хорошее настроение Москвича!» Между прочим, слово «Москвича» было напечатано с большой буквы. Я подумал было, что это ошибка. Но, побывав на Пресне, убедился, что в этой мелочи, как в капле воды, отражена суть дела. Отражено отношение коллектива фабрики к своему труду и к тем, кого в сфере бытового обслуживания именуют по старинке не очень изящным словом «клиент».

На фабрике — наиболее удобная форма обслуживания населения. Официально она называется так: «Прием белья на дому и обратная доставка чистого белья». А неофициально все выглядит проще и сердечнее. Вы набираете телефонный номер Д 2-17-23 и просите взять у вас в удобное для вас время — от 8 до 20 часов — кое-какое бельишко. В условленный час милая, приветливая женщина приходит и берет его. Разумеется, вас интересует тариф. Пожалуйста: постирать, накрахмалить и доставить одну сорочку — 19—20 копеек. Далеко ли доставляется белье? Радиус действия прачечной не ограничивается Пресней. Тут и Кутузовский, и Ордынка, и Ленинградский проспект. Качество стирки? Лучший отзыв — это постоянная клиентура: например, Евдокия Анатольевна Рыбалова, из дома № 42 по улице Брестской, пользуется услугами прачечной с 1950 года. Долго ли держат белье? Если вам нужны срочно чистые рубашки, то вы можете подъехать сами на 4-ю Звенигородскую, а через сутки получить готовое белье. Что касается отдела доставки, то через 5—7 дней вам привезут аккуратный пакет, развернув который вы вдруг почувствуете, что в комнате стало светлее и чище.

Вы наденете свежую сорочку, улыбнетесь своему праздничному отражению в зеркале и пойдете на работу, незаметно для себя сохраняя это ощущение приподнятости и бодрого состояния духа.

И если почему-либо контролер забудет вложить в ваше белье листок с именами тех, кто позаботился о вас, помяните сами добрым словом и приемщицу Марию Хвостову, и вожака бригады коммунистического труда Алевтину Быкову, и прессовщицу Тамару Акимову, и контролера Нину Ляхову—всех работников службы добрых сердец. Пусть и у них будет хорошее настроение!

Вл. КРУПИН

Ателье работает за «спасибо»

После работы в комнату к вожаку заводской комсомолии Петру Дубию забежали на минутку Иваровский и Прокоп. Дубий точно ждал их.

— Вот какое дело, ребята. Пришло в комитет письмо: у старушки испортился телевизор.

И они пошли. Марфа Петровна, как и все пенсионеры, свой телевизор боготворила. И вдруг неприятность: экран погас.

Неисправность оказалась чепуховой: вышло из строя сопротивление. Его заменили новым.

— Спасибо, сыночки, вот возьмите. — И она протянула зелененькую бумажку.

— Нет, — сказал Сева. — С нас «спасибо» достаточно.

Это был не первый телевизор, отремонтированный ими за «спасибо».

Однажды Петя Дубий поймал в коридоре Прокопа: «Послушай, Сева, дело есть». Великий придумщик Петро раскрыл своему собеседнику простой, в сущности, замысел: организовать бесплатный ремонт телевизоров. Тут же кто-то предложил название новому предприятию — «Спасибо».

И мастерская начала работать. Собственно, мастерской в прямом смысле не было. Была штаб-квартира — комитет комсомола, были ребята с чемоданчиками. Ребята уходили на квартиры все чаще. Книга отзывов пополнялась благодарственными строчками: «Славное дело задумали. Молодцы. Спасибо. Любашкина». «Рад за вас. Хорошие люди на телевизорном заводе. Телевизор отлично работает. Спасибо. Пименов».

Весть о новой мастерской быстро разнеслась по Львову. В комитете комсомола не умолкал телефон: звонили, оставляли адреса. И тогда стало ясно: мастерской тесно в заводских стенах. Решили: пусть телеателье обслуживает не только своих, заводских, но и других горожан.

Потребовалось, разумеется, помещение. Горсовет дал его, неплохое, в центре города. К тому времени разросся и актив мастерской: более 40 человек.

...Шагают по городу ребята с чемоданчиками. В кармане у каждого удостоверение. В нем записано: «Предъявитель сего, член мастерской по ремонту телевизоров «Спасибо» на общественных началах, действительно имеет право на бесплатный ремонт телевизоров. По поручению совета мастерской допускается к любому ремонту аппаратов как квалифицированный мастер и как добросовестный член рабочего коллектива Львовского телевизорного завода».

А. ЛЫСЮК

Львов.

КАРТИНЫ с визитом В МОСКВЕ

В 1873 году В. В. Стасов, впервые увидев на выставке в Вене отдел венгерского искусства, воскликнул:

«...Целая самостоятельная школа... и во главе ее художник, принадлежащий к числу оригинальнейших и талантливейших... один из самых решительных и непоколебимых реалистов».

Художник, о котором говорил критик-демократ, был Михай Мункачи. Венгрия словно для того и создала его живописцем и такую дала ему жизнь, чтобы мог он рассказать о трудной и многострадальной судьбе своей страны.

Любимыми темами Михая Мункачи были горести и заботы простого люда Венгрии, незабываемое очарование ее природы. Сам в юности познавший нужду и заботы, художник любил и умел писать народные типы не как сторонний наблюдатель. Одна из его первых картин, «Зевающий ученик», проникнута грустными воспоминаниями о тяжелом детстве. Даже в отщепенцах, изгоях он показывал человека, протестанта, неугодного буржуазному обществу. Картины Мункачи «Последний день осужденного», «Ночные бродяги» словно предупреждали тех, кто строил тюрьмы и ковал кандалы: «Не все еще кончено, господа!»

До конца своих дней Мункачи сохранил верность юношеским идеалам революции 1848 года. На склоне лет, незадолго до смерти, он пишет картину «Забастовка» и словно говорит: «Я всегда был с тем, кто боролся за свободу, сегодня я с пролетариатом».

Эта картина стала завещанием Михая Мункачи. А наследство его было огромно: портреты, исторические полотна, народно-бытовые жанровые картины, пейзажи, даже декоративному искусству он отдал дань — занимался росписью плафонов. Почти все ведущие венгерские художники младших поколений — романтический Ласло Паал, жизнерадостный Лайош Деак-Эбнер, Имре Ревес, Янош Торнян и десятки других — так или иначе учились у Мункачи.

«Чистый пейзажист» Ласло Паал был связан с Мункачи еще юношеской дружбой, глубокой и преданной. Вместе совершили они путешествие в Голландию, совершенствовали мастерство в Мюнхене, вместе жили во Франции, работали в прославленном Фонтенбло. Здесь порой Мункачи вписывал фигурки людей в пейзажи друга. А Паал, умевший, как никто, сердцем чувствовать поэзию природы, множество своих впечатлений подарил Мункачи для картин, где требовался пейзаж. В работах Ласло всегда сквозила печаль: художник словно предчувствовал раннюю смерть.

Уроженец зеленокудрой Трансильвании, он любил писать лес, деревья, опушки. Иногда напишет дорогу вдоль забора, несколько скромных хижин и снова лес — могучие стволы и ветви родных венгерских буков в дымке серебристо-серого дня. Живопись его, вобравшая лучшее от барбизонцев, всегда густая, сочная, плотная. Слава, признание к Ласло Паалу не успели прийти при жизни. Художник умер тридцати трех лет от роду.

История решила так, что почти все выдающиеся венгерские художники XIX века значительную часть жизни творили за пределами родной страны. В самой Венгрии у них не было возможности работать: никто из богатеев и вельмож никогда не купил бы ни одной картины «своего», «доморощенного» живописца. Но, достигая успеха, а подчас и мирового признания в Англии, Италии, Германии или России, венгерские художники никогда не забывали о далекой обездоленной земле своей. У каждого «жизненной целью было,— писал скульптор Иштван Ференци,— служить своей родине, своим потом добыть ей славу». Столетиями они мечтали и верили: «Венгрия будет!»

В России работали Янош Ромбауэр, писавший портреты героев Отечественной войны 1812 года, и Михай Зичи, блестящий рисовальщик, иллюстратор, акварелист.

Шандор Вагнер (один из учителей Мункачи) и Шандор Лицен-Майер стали признанными немецкими профессорами живописи. Порой наивны и трогательны были внешние проявления преданности, верности родине у этих людей. Вагнер, например, всю жизнь носил венгерскую национальную одежду, а Лицен-Майер, обсуждая со своими учениками программы исторических композиций, изображавших пиры, не упускал случая похвалить качества венгерских марок вин. Но он слишком любил нарядную, богатую, беззаботную жизнь, чтобы в своем творчестве всегда по-настоящему помнить о родине. Многие его работы были посвящены немецкой литературе. В их числе живописные иллюстрации к «Фаусту» Гете, шиллеровской «Песне о колоколе». Репродукция одной из таких картин-иллюстраций помещена в этом номере. Художник изобразил встречу Фауста с Маргаритой. Прообразом Маргариты послужила Лицен-Майеру его красавица жена. Но забывчивость Лицен-Майера была исключением среди венгерских художников. Большинство из них свято хранило верность Венгрии.

Мункачи вернулся туда в конце жизни. Вдали от любимой Венгрии он взял себе имя Мункачи — по названию своего родного городка Мункач (настоящая фамилия его была Либ), чтобы родина, где не пришлось жить и работать, всегда была с ним, в нем, в его искусстве.

Лайош Деак-Эбнер принадлежал к так называемой сольнокской группе. В местечке Сольноки тогда — в конце XIX века — собирались и жили венгерские художники, писали природу, сцены из крестьянской жизни. Воспроизводимая на вкладке картина Деак-Эбнера «Бурлаки» выделяется из всего творчества художника силой своего протеста. Венгерские искусствоведы говорят: «По силе выражения картина, конечно, далека от произведения Репина на аналогичную тему, и тем не менее интересна параллель в тождестве выбора тем с великим русским живописцем».

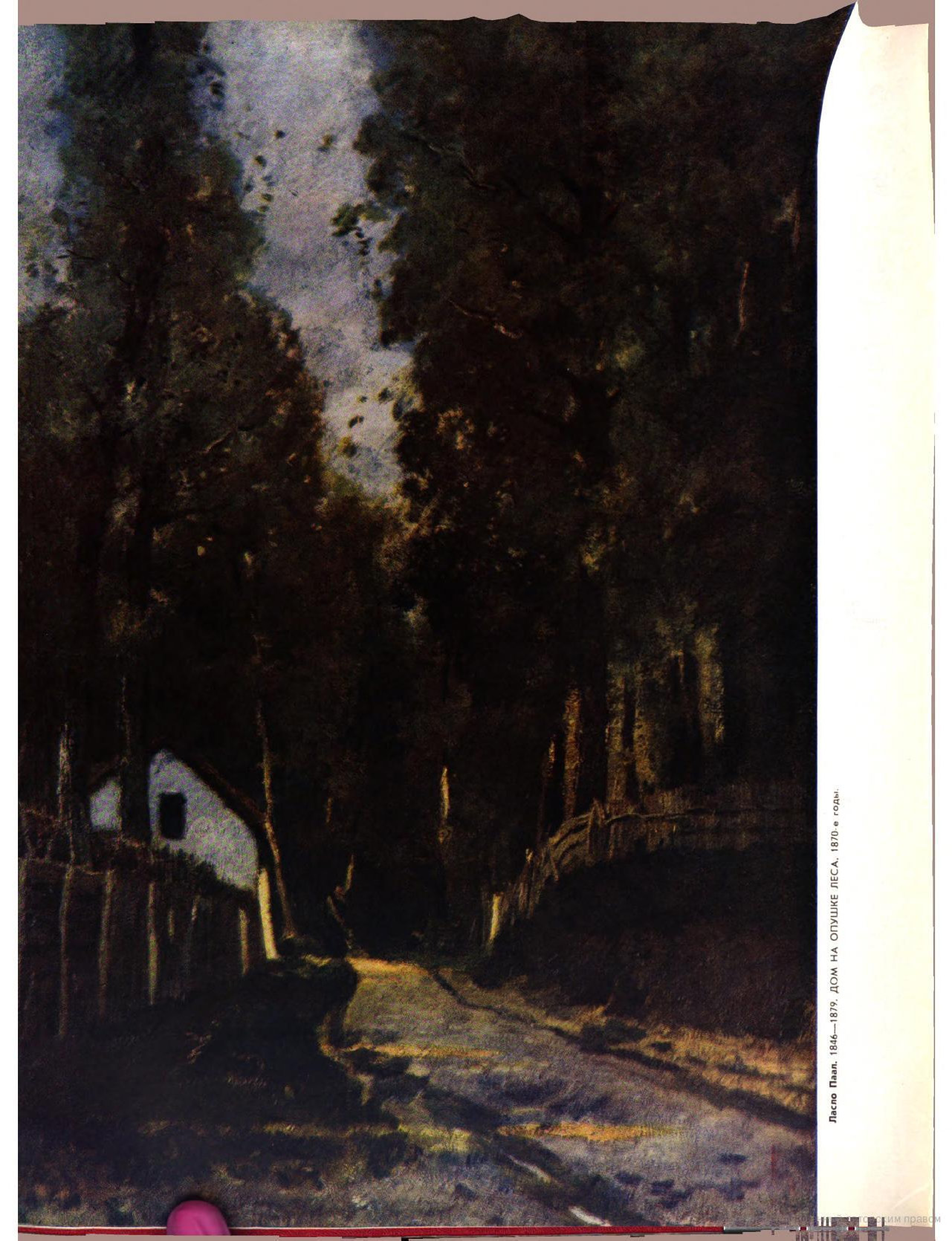
Картины, которые печатаются на вкладке, находятся сейчас в Москве, в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, сюда они присланы Национальной галереей Будапешта.

Эльвира ПОПОВА

Михай Мункачи. 1844—1900.
У ЦЕРКОВНОЙ КРУЖКИ.
1874 год.

«Огонек». 1964.

Ласло Паал. 1846—1879. ДОМ НА ОПУШКЕ ЛЕСА. 1870-е годы.

Н. ХРАБРОВА

ОБУЗДАЙТЕ ПОДВИЖНЫЙ АЛЮМИНИЙ

Однажды под Новый год на студенческом вечере дед-мороз подарил профессору Халлику игрушечный заводной самолет с записочной: «За тысячи пройденных километров и за два амортизированных «Москвича».

Эта студенческая шутка была чистой правдой: за последние годы профессор действительно доконал два «Москвича», а до этого ухитрился исходить в южной части Эстонии, по этому маленькому куску земли, тысячи километров.

Он любил отправляться в дорогу спозаранку, когда от прохладного розового света, от родниковой тишины становятся упругими мускулы и мысль. Тогда никого еще нет в поле и можно сказать вслух:

— Здравствуй, земля! Какая ты здесь, на что жалуешься и чем тебе можно помочь?

Если человек никогда не вставал рано утром и не разговаривал с землей на рассвете, он никогда не поймет, как тревожны и отрадны мысли о ней...

В полях профессор Халлик изучал почвы. И разговаривал с людьми. Народ на юге Эстонии наделен своеобразным чувством юмора. Здесь рассказывают о своей земле такую шутку: будто бог создавал южную часть Эстонии под самый конец и, может, устал, а может, подвыпил — кто его знает, — но действовал он тут кое-как. Нашвырял кучи песка и, не глядя, выплеснул озера. Он даже не перемешал землю как следует: песок свалил в отдельности, а известь, которую надо было смешать с песком, тоже в отдельности расшвырял куда попало.

Шутка шуткой. А почвы южной Эстонии, лишенные извести, страдают от повышенной кислотности. Сама по себе кислота была бы и не очень опасна для растений, если бы не содержащиеся в почве микродозы алюминия. Если в почвенном растворе всего один миллиграмм алюминия, для растений это только хорошо. Но в кислых почвах его бывает больше, и он, как говорят химики, «приходит в подвижное состояние» и начинает препятствовать развитию корней. В такую почву бесполезно вносить удобрения: они не повысят ее плодородия. Такую почву надо сначала лечить от кислотности.

Освальд Халлик решил стать врачом своей земли. Он и стал им: доктором сельскохозяйственных наук, профессором Эстонской сельскохозяйственной академии, членом-корреспондентом ВАСХНИЛ. Он работал со страстью и силой, не жалел здоровья и получил нелегкое сердечное заболевание. Но работы не прекратил — как всегда, по утрам он читает лекции по агрохимии и почвоведению, а после обеда в теплице академии занимается опытами. Он написал отличный учебник по агрохимии и научил своих бывших студентов, нынешних эстонских агрономов, тщательно изучать почву и никогда не удобрять ее невпопад. Все мало-мальски грамотные специалисты сельского хозяйства Эстонии известкуют теперь кислые земли. Вначале известковали природными мергелями, туфом, озерным мелом. К 1950 году вывезли больше миллиона этих минералов на колхозные и совхозные поля.

А потом ученый стал ратовать за новое удобрение для известкования. Когда-то ему случалось работать в Сланцевом бассейне. Он исследовал химический состав сланцевой золы. В ней оказалось 35 процентов извести — отличная доза для нейтрализации кислотности! А кроме того, есть в небольших дозах магний, гипс и калий.

Профессор заложил опыты в сотнях вегетационных сосудов и повторил их много раз. Результаты были неизменно одинаковы. В сосудах с тощей, кислой, неизвесткованной почвой еле теплился зеленоватый росток с крохотным корнем. В сосудах с добавлением известкового туфа дело шло лучше: корни разветвлялись и листья более уверенно тянулись вверх. А в сосудах, получивших сланцевую золу, корень царственно разрастался и питался вовсю: ему больше не мешал подвижный алюминий, и буйным зеленым выплеском била вверх листва...

И вот пришло время: сланцевую золу, ставшую удобрением, везут по железной дороге. На станции Пыльва объединение «Эстсельхозтехника» выстроило специальную эстакаду. К ней подходят поезда из Сланцевого бассейна. Золу тут же подхватывают погрузчики, перебрасывают на машины — и прямо на поля. Правда, на полях колхозники сгружают желтовато-серую массу с машин пока лопатами. Стоимость обработки одного гектара удорожается до 34 рублей. Но вот что рассказал нам Арне Вайно, агроном колхоза «Выйт», Пыльваского района:

— Шесть лет назад с гектара собирали по семьдесят центнеров картофеля и по семь зерновых... Сейчас урожай вырос почти в два раза. Отлично сказывается известкование на сене и особенно на кукурузе: она дает по шестисот центнеров зеленой массы с гектара. Известковать поля надо один раз в семь — десять лет. Так что затраченные на один гектар 34 рубля оправдывают себя с лихвой!

А если работы по известкованию почв механизировать, если применить способ, предложенный цементным заводом «Пунане Кунда», то все затраты окупятся во сто крат. Вот что предложили рационализаторы этого завода. Свои цементовозы они наполняют пылью, удаленной из электрофильтров клинкерных печей. Сама по себе она ничего не стоит — бросовый отход. Затраты нужны только на самую его перевозку. Человеку здесь совсем нечего делать: цементовоз нагружается с помощью вакуума, разгружается с помощью компрессора. Идет с такой пылью цементовоз по полю, — за ним вздымаются тучи. Их выбрасывают узкие трубочки машины. Желтоватая пыль бьет водопадными струями, несколько секунд дымит, бушует в воздухе и плотно, ровным плодородным слоем опускается на землю.

Сейчас в республике формируется специальная колонна из 30 цементовозов.

...В Эстонии много кислых почв. А на всем северо-западе нашей страны их 30 миллионов гектаров! Это о них говорил Н. С. Хрущев на февральском совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов:

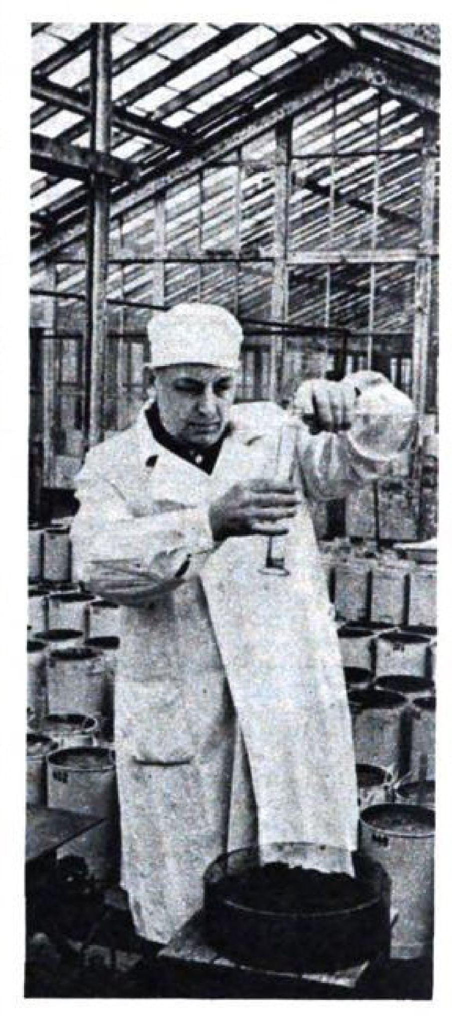
— Если не вносить известь на кислые почвы, то минеральные удобрения не дадут эффекта. Там, где нет других известковых материалов, надо разрабатывать карьеры, организовать промышленную добычу известняка и продавать его колхозам. Но если есть готовый известковый материал — сланцевая зола, притом проверенный, то как же можно его не использовать, какова тогда цена речам некоторых наших работников о значении известкования?

Так берите же, Литва, Латвия и Белоруссия, Ленинградские, Новгородские, Костромские, Вологодские и Псковские земли, проверенный известковый материал! Его в Эстонии накопилось миллионы тонн: клинкерная, электрофильтровая, циклонная и сланцевая пыль и обыкновенная сланцевая зола. Если посмотреть на карту, видно, как разрезают Сланцевый бассейн шоссейные и железные дороги, идущие на восток, север и юг. Нетрудно добраться по ним до любого из 30 миллионов гектаров кислых почв. Можно перевозить это лекарство земли цементовозами и поездами, порошком и в пилюлях-гранулах. Пусть экономисты подсчитают, что кому и как выгодно!

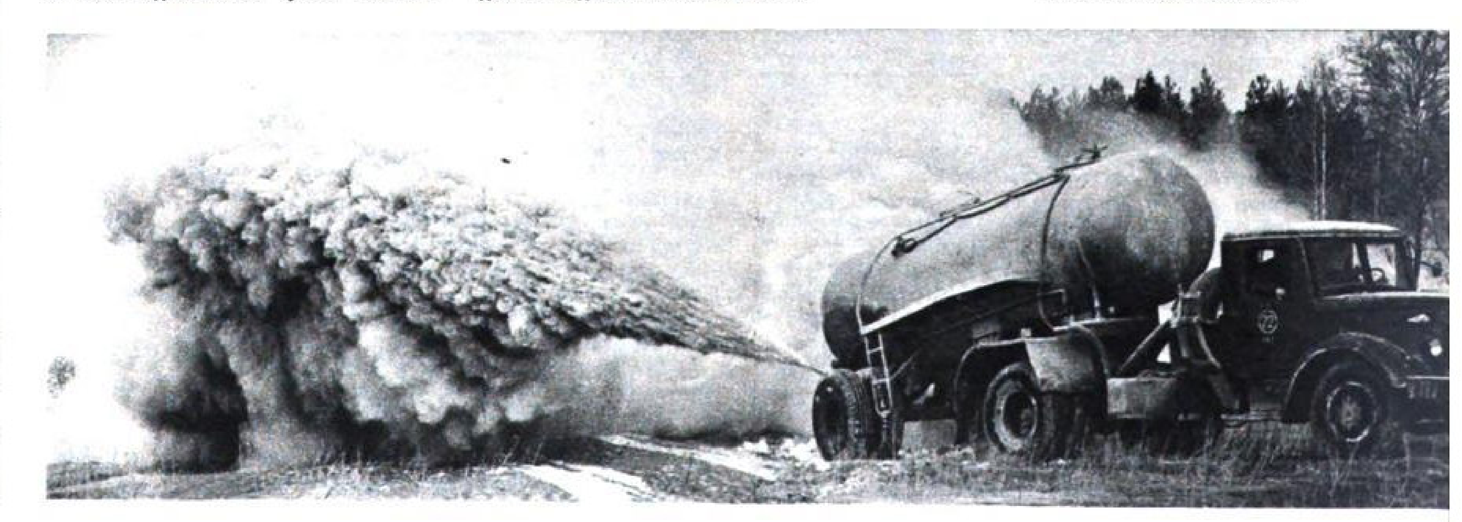
...А в теплице Эстонской сельскохозяйственной академии в сотнях вегетационных сосудов снова заложены опыты. Снова неукротимый доктор земли испытывает действие сланцевого известкователя на кислые почвы. Теперь удобрение не в россыпь, а в гранулах, и таких гранул для опытов профессора приготовлено 24 вида.

Через наш журнал профессор Халлик просит напомнить всем работникам сельского хозяйства северо-запада нашей страны:

— Если хотите получить на кислых почвах хорошие урожаи — прежде всего известкуйте! Обуздайте подвижный алюминий!

Профессор Освальд Халлик в теплице сельскохозяйственной академии.

Буря плодородия...

Фото Виктора Сальмре.

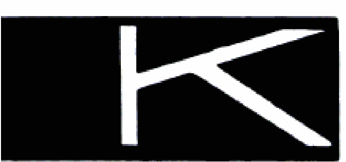
ОСЕННИЕ САДЫ

Анатолий ЗНАМЕНСКИЙ

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

омкая в громадной ладони опустошенную пачку «Севера», Федченко с силой толкнул забухшую дверь и, горбясь, шурша брезентом о притолоку, вышел на мокрое крыльцо. Машинально вздернув на взлохмаченную голову капюшон плаща, зашарил торопливыми пальцами в помятой, разорванной по краю пачке.

Короткая вспышка, упрятанная в пригоршнях, на миг осветила багрецом склоненное лицо, большое, мускулистое, будто вытесанное вчерне из дикого, зернистого камня, и два-три кольца упругих волос, прихваченных первым зазимком седины. Жадно затянулся.

В дымной хибаре, именуемой «культбудкой» при буровой, спорили битый час, а вернее, ругались, с участковым пожарником прораб стройцеха Доронин и агроном лесосадсовхоза — худощавая женщина с черными утомленными глазами. На ней был пуховый платок, туго повязанный на шее, и ватная стеганая телогрейка, вдруг напомнившая ему многое. Возможно, из-за нее-то все и получилось...

Прораб орал, пристукивал по столу кулаком, а женщина только вздыхала и с удивительной мягкостью пыталась вразумить пожарника.

Усилия их пропадали впустую, и Федченко вмешался в перебранку, почему-то приняв сторону этой незнакомой женщины.

Он с тяжелым упрямством рассматривал ее всю — от резиновых блестящих бот, облепленных мокрыми, поблекшими травинками, до ватника на узких плечах и темных, слабо вьющихся прядей, на висках выбившихся из-под пухового платка. Очень глупо, но он вдруг почувствовал, что она не безразлична ему...

Теперь раздражало все: и то, что полез не в свое дело, и то, что не расслышал по обыкновению ее фамилии при знакомстве, когда подавала она свою тонкую, мягкую на ощупь и какую-то покорную руку, и то, что нельзя вообще-то свернуть шею ретивому пожарнику, чтобы раз и навсегда положить конец подобным спорам, если уж так трудно показываются очевидные вещи...

Поздняя осень брала свое. Целый месяц лили дожди, холодная вода напитала горы, леса, даже камни. Мутное небо разбухло, навалилось на косматые увалы и поглотило их. Было сыро, зябко, близились сумерки. Видимость сократилась настолько, что с земли едва просматривались пояса и раскосы вышки и темный кубик кронблока.

Вышка была готова, монтажники управились до темноты.

Последним с верхотуры спустился бригадир в брезентовке с темными от влаги наплечниками, обмыл руки в помятом керосиновом ведре и, по-хозяйски оглянувшись на ажурную громаду, окликнул монтера.

Голос у бригадира был молодой и бодрый:

— Готово? Н-ну, давай! Салют из двадцати залпов!..

Монтер, замешкавшийся с наружной проводкой, шагнул в глубь буровой, к рубильникам. И вслед за тем во всю сорокаметровую высоту сквозной конструкции разом взвился клубящийся, расплывчатый в тумане столб света, будто в небо устремилась ослепительная многоступенчатая ракета.

Монтер опробовал ночное освещение, бригада салютовала в честь окончания работ. За спиной Федченко бело вспыхнула стена дежурки, а на собранном в гармошку брезентовом рукаве он явственно увидел сахаристый накрап изморози. Подмораживало.

Федченко жадно курил, то пряча окурок в широком рукаве, то обжигаясь и сплевывая.

Он бросил цепкие пальцы на дверную скобу, но тут огни на вышке погасли, а к дежурке приблизился бригадир монтажников.

— Погоди, Иван Степаныч! Забуривать когда будете? Может, опробуем да и шабаш?..

Бригадир был совсем мальчишка. Федченко снисходительно смотрел на него.

— Завтра опробуем, спешить некуда...

— У нас досрочка! — с недоумением и вызовом пояснил бригадир.

— Волки ее съели, вашу досрочку,— сказал Федченко.— Пожарная власть акт не подписывает...

Угрюмый нрав Федченко был хорошо известен. Он работал здесь недавно, после двадцатилетнего пребывания в Заполярье; буровики говорили, что в работе он умел и крут, но малоразговорчив. На все случаи жизни, казалось, ему хватало двух фраз. Стоит заспорить с мастером, он непременно задаст желчный вопрос: «А ты на Таймыре был?» — плюнет и покажет широкую спину. В других случаях, и в особенности когда приходилось туго, он бубнил набившую оскомину поговорочку «Снявши голову, по волосам не плачут» и заставлял бригаду потеть, не оставляя, впрочем, в стороне и себя. За глаза его называли Таймыром...

— А чего ему, пожарнику? У нас кругом ажур,— переминаясь, спросил бригадир.

— Площадку раскорчевали не по норме,— пояснил Федченко, удивив бригадира спокойной готовностью к разговору.

Влажные, пухлые шары света, словно театральные юпитеры, висели над ровной площадкой буровой. Лиловые тени бесконечными радиусами разбежались во все стороны от вышечных ног, точно меридианы от полюса. Они перечеркивали все, что было на площадке и за ее пределами. Перечеркивали они, между прочим, и ряды молодых, одинаковых, будто подстриженных деревьев, совсем близко подступавших к вышке.

Осенние ветры и ненастье общипали деревца, от этого сквозные сплетения веток при ярком свете казались призрачными, неживыми.

— Так то ж сад! — удивился бригадир.— Договорено было!

— Бумагу надо было взять,— хмуро сказал Федченко.— Бумагу, коли договорено! То можно было, теперь нельзя, велят рубить.

— Неправильно это! — возмутился молодой бригадир.

Его мало занимали злополучные деревья, все дело было в сроках. Если рубить — уйдут еще сутки драгоценного времени, а значит, и досрочка к черту!

— Неправильно! — повторил он.— В райком надо писать!

Бригадир и сам понимал, что это чепуха. Бумага в райком будет ходить не меньше недели, а скважину забуривать нужно завтра. Притом нефтяники уже оплатили совхозу стоимость садового клина, подлежащего вырубке. Кто согласится заново обсуждать столь мелкий вопрос? Буровая — это тяжелая промышленность, ей цена — миллион в старых деньгах. А треть гектара яблонь — мелочь...

— В райком надо писать,— не очень уверенно повторил бригадир и, почесав переносицу, двинулся к вышке.

Бригада уже подобрала инструмент, пора было выходить к дороге, голосовать.

Федченко зябко пошевелил широченными плечами, его пронизывала морозная сырость.

— Э-э, снявши голову, по волосам не плачут! — пробормотал он привычное и, рванув на себя забухшую дверь, втиснулся всей своей громоздкой фигурой в дымное тепло культбудки.

2

— Им восемнадцать лет... В войну сажали, это же понимать нужно! — сказала напоследок женщина со скорбным лицом и поправила у подбородка стянутые концы пухового платка. Она уже не смотрела на пожарника, в словах сквозила безнадежность: — Восемнадцать лет!

А пожарник Сукляев был непреклонен.

Природа-мать наградила этого человека высоченным ростом при впалой, немощной груди и маленькой птичьей головой на кадыкастой шее, с лицом ужасающей худобы — это было лицо великого законника и аскета. Одевался он в китель шинельного сукна, галифе и старые хромовые сапоги — в ту полувоенную форму, которую почему-то предпочитает всякой иной одежде низовой административный персонал — коменданты общежитий, лесные объездчики, завхозы и, конечно же, пожарные.

Хилая внешность у Сукляева была от природы, упрямство — от должности, внушавшей ему чувство ответственности и бездну самоуважения. Всю свою сознательную жизнь Сукляев боролся с нарушителями пожарных основ, писал рапорты и донесения, в которых особенно любил подчеркивать «отсутствие наличия загораний» либо «наличие отсутствия загораний» во вверенном ему участке.

Нарушителей было великое множество. Они двигались на него бесконечной чередой, возникали один за другим, как наваждение. Другой бы на его месте сдал, растерялся, махнул рукой, наконец, а Сукляев нес должностной крест с похвальной непреклонностью и даже с некоторой дозой упоения, о чем наглядно свидетельствовали десятки грамот, все до единой заведенные в рамки, под стекло, и развешенные в его квартире.

Раньше Сукляев работал в городской черте на окраине и навел в индивидуальном секторе должный порядок. Стоило ему появиться на улице, как старухи-домовладелицы с паническим криком: «А, хай воно все сгорыть!» — устремлялись на чердаки и крыши с длинными швабрами и метелками. Теперь же Сукляеву стало труднее: за отличную работу его перевели на промыслы, где приходилось иметь

дело с начальниками цехов и буровыми мастерами, грамотным и нахрапистым народом. Но и опыта Сукляеву было не занимать...

— Не имею права,— говорил он обычно горловым, с дрожью голосом и этим отбивал всякую охоту к дальнейшим препирательствам.

Но Федченко, как это ни странно, отступать не хотел.

— А ты... на Таймыре был? — глубокомысленно спросил он.

Прораб Доронин спрятал усмешку, а женщина провела кончиком платка по широким, чуть привядшим губам и вздохнула.

— Я на Таймыре не был,— чеканным голосом ответил Сукляев и тронул наплечный ремень болтавшейся на боку полевой сумки.— При чем тут Таймыр?

— На Таймыре таких... учили...— глухо сказал Федченко.— Притом буровая моя разведочная, и будет в ней что или нет, один аллах знает. Может, она сухая, зачем же саду пропадать?

— Не имею права,— сказал Сукляев.

— Верно! Прокукарекал, а там пускай хоть не рассветает! Этого мы тоже немало повидали...

— В таких тонах... Я не уполномочен,— взъершился Сукляев.

Федченко протянул руку к Доронину, кивая на закушенную в его зубах папиросу. Тот молча достал пачку.

— Это самое простое — во избежание загораний вырубить все подчистую! — затянувшись, не обращая внимания на обиду пожарника, пробасил Федченко.— Оно спокойнее... А на Таймыре, между прочим, сейчас всех пожарников сократили по штату, вон какие дела...

— Демагогия! — внушительно заметил Сукляев и снова потрогал ремень полевой сумки.

— Не демагогия, ты слушай! Просто начальник комбината толковый попался. Подсчитал, как говорят, с карандашом в руках, а на всю команду расходов два миллиона в год! Ну, в старом исчислении... А в хозяйстве, правду сказать, ни одного объекта на такую сумму. Если что и сгорит по нечаянности, так один черт — дешевле! А ты — демагогия...

— Толковый, видать, хозяин! — с усмешкой заметил прораб Доронин.— У такого наверняка и пожаров сроду не было!

— Лед сам собой не загорится, а тут нефтяные промыслы, не Таймыр! — сказал пожарник.— Тут шутки шутить не положено! Акт я ни в каком разе не подпишу: беззаконие...

Все замолчали. Доводы были исчерпаны.

Сукляев решительным движением натянул на лысеющий череп линялую артиллерийскую фуражку и, козырнув, пошел к двери. Походка была строгая, маршальская.

Когда за окном в полосе света промелькнула жидкая, стремительная фигура Сукляева, все трое переглянулись. Женщина уклончиво, с тайной усмешкой обошла слишком упорные и почему-то виноватые глаза Федченко и надолго засмотрелась на прораба. Доронин сутулился, барабанил ногтями по столу.

«А я, кажется... разболтался тут, как мальчишка,— с досадой подумал Федченко.— Молол чепуху... Дело же не в пожарнике, черт его возьми! Глупо!..»

Федченко встречался как-то с Сукляевым на рыбалке летом. Ловили усачей. Там он показался ему вполне нормальным человеком. То есть до того «нормальным», что предпочитал закидывать в реку не удочки, а пауки и накидки — явно запрещенные снасти. Федченко не знал, насколько опасным был такой лов: усачи отнерестились, форель ушла в верховья речки, к стремительным ледниковым истокам. Но пока Федченко следил за ленивыми поплавками, тощий сосед натаскал пауком ведро жирных усачей, не рискуя выволакивать при постороннем хитрой накидки.

Сад, конечно, вырубят. Нынешний спор и возник-то случайно, потому что грустная женщина-агроном нашла здесь прораба Доронина. Это была ее «частная просьба», не более. Возможно, яблони сорта «ранет Симиренко» числились у нее опытными. И, возможно, Доронин уступил ее просьбе, схватившись с пожарником. А при чем тут Федченко? Ему завтра принимать вышку в бурение, и в акте должна быть подпись пожарника. Сад — дело десятое...

— Ничего не поделаешь, Надежда Петровна! — развел руками Доронин, стараясь не смотреть на женщину.— Если хотите, стучитесь в верха, но меня график режет... Завтра пришлю сюда лесорубов, не взыщите.

«Ее зовут Надежда Петровна... Надеждой Петровной ее зовут»,— обрадовался Федченко.

Женщина вздохнула и, оправив быстрым движением юбку, поднялась с табурета.

3

На шоссе было ветрено. Красный фонарик доронинского мотоцикла помигал, удаляясь во тьму, и пропал. Они остались одни в кромешной мгле, на сквозящем ветру в ожидании попутной машины — до города от буровой без малого пятнадцать километров. Вокруг не было ничего — ни гор, ни лесов, ни звезд,— все поглотила осенняя ночь с упругим натиском ветра и редким накрапом дождинок. Перекисшая земля как бы бродила в огромной дёже, пахло тленом палой листвы и трав, хлюпало под ногами.

«Кавказ! Благословенная земля!» — со сложным чувством преданности и снисходительной иронии подумал Федченко.

Сколько раз, бывало, там, в Заполярье, вспоминались ему родные кавказские предгорья — теплая, ласковая земля детства и юности. И чем глубже выпадали полярные снега, чем холоднее высвечивали в черном небе мертвенные сполохи северного сияния, вымораживая душу, тем сказочнее снился юг, сплошь увитый виноградом в солнечной дымке...

Ох, как тянуло его на родину! Всегда почему-то казалось, что, вернувшись, он застанет здесь все, как было, встретит друзей и знакомых, помолодеет на те двадцать лет, что не был дома. Но все оказалось не так.

На месте станицы вырос городок с асфальтом, старой отцовской хаты он не нашел: сгорела в войну. На каменной плите в скверике, у Дома культуры, среди кустов нездешней стриженой туи он дважды прочел свою фамилию — там лежали рядом отец Степан Маркович и жена Маша... Тогда, в июньскую жару, с чемоданом, он долго просидел в скверике, подавленный превратностями своей жизни, невозвратимыми потерями. Все можно было забыть и пережить, но нельзя простить той обиды, которую унесла с собой навсегда Маша — первая его юношеская любовь... Она публично отказалась тогда от него и ушла от свекра лишь затем, чтобы встретиться при немцах у виселицы — они были в одном партизанском отряде...

Никого из старых друзей Федченко не нашел. У заборов по вечерам сидели древние старухи, но и они не помнили его — бывшего Ваньку Федченко, вожака станичной молодежи. Прошлое не оставило ему ничего, он вернулся в совершенно незнакомый городок, к тем самым буровым, которых в избытке хватало на Севере...

А когда зарядили дожди, по дорогам развезло грязь, Федченко не раз подумывал, что напрасно расстался с Севером, с хорошей бригадой, со всеми денежными благами, которых не полагалось на юге... Случались такие кислые минуты, ничего не попишешь.

Кавказ!..

Ветер высыпáл дождинки пригоршнями, и всякий раз Федченко различал во тьме разные звуки: сухую дробь капель на своем дож-

девике и невнятный, шепелявый крап на ее ватнике. Федченко топтался, выбирая место с наветренной стороны. Ему хотелось упрятать Надежду Петровну под полу, но приходилось сдерживать это мальчишеское желание. Хотелось курить, но не было папирос. Хотелось поскорее залезть в попутный кузов, ее устроить в кабину и мчаться к дому.

Надежда Петровна куталась в платок, поводила зябко плечами, и в кромешной темноте он непостижимо угадывал каждое ее движение, не очень прислушиваясь к ее словам. Надежда Петровна рассказывала что-то о яблонях. О том, что это прекрасный позднеспелый сорт, что яблоки хороши на вкус и удивительно сохраняются в зимней лежке. И что-то еще об ученом, не успевшем при жизни довести качества нового сорта до совершенства.

— Понимаете... плоды еще не имеют вида,— рассказывала Надежда Петровна.— У них дикий, темно-зеленый цвет, как у лесной зимовки... Симиренко не успел добиться внешней формы и окраски плодов...

«Настоящая лекция....» — досадовал Федченко, занятый собой и тем, что затронуло его сегодня, когда он увидел Надежду Петровну.

— Нутро, значит, переделал, а внешность не успел? — скрывая насмешку, прогудел он из желания как-нибудь поддержать ее.— Странный был, скажу я вам, человек. Иные спешат наоборот...

Женщина смущенно затихла. Федченко угадал, что она засовывает иззябшие руки в тесные рукава стеганки.

— Почему же он не успел с окраской-то, ваш Симиренко? Помер, что ли?—спросил с живостью, боясь, что она обидится.

Надежда Петровна вздохнула:

— Видите ли... Он был директором Украинского института селекции... До тридцать седьмого года... Это был большой ученый...

Ветер отнес ее последние слова, но Федченко хорошо их расслышал. Кашлянул. Стало отчего-то жарко, он машинально зашарил в карманах в поисках папирос. Но курева не было, следовало терпеть до дома...

— Кругом... одни и те же причины...— бормотнул Федченко, занятый тем, что ее лекция странным образом коснулась его собственной жизни, всего того, что он кратко именовал одним словом: Таймыр...

— Мы хотели довести сорт, понимаете? — уже более настойчиво сказала Надежда Петровна.— Опытные яблони...

Федченко не хотел более слушать о яблонях.

— Послушайте... а вы здешняя? —как-то невпопад спросил он.

Надежда Петровна помедлила с ответом, потом отвернула лицо в подветрие, и он расслышал в словах ее тихую усмешку:

— Конечно, здешняя. Как и вы.

— Так вы... и меня знали тогда еще, до войны? — с жаром спросил Федченко.

— Я была в шестом классе, девчонка, когда вы у нас в школе пионервожатым были...

— А потом?

— Потом вас выбрали секретарем райкома, а я уехала в техникум...

Все верно. Его выдвинули секретарем райкома комсомола. А в тридцать девятом году взяли как «хвостье Косарева»...

— И все остальное знаете? — снова спросил он.

— Знаю,— сказала Надежда Петровна.— Много воды утекло...

— А я вас... не припоминаю,— виновато признался Федченко, как будто просил прощения.

Она снова вздохнула.

— Где же припомнить? Тогда мне было тринадцать, теперь к сорока идет... Да и фамилия была Веселова, теперь, по мужу, Камчатная...

Веселова? Ну, конечно, была такая девчонка когда-то! Белявая и кругленькая девчонка в аккуратном, выглаженном красном галстуке... А теперь у нее смуглое лицо, и волосы темные, и усталость в глазах...

— А муж... он здесь?

— Муж пропал без вести в сорок третьем,— сказала Надежда Петровна.

— Д-да...— задумчиво кашлянул Федченко. Ветер забивал дыхание.

— Он был до войны здесь главным агрономом. А яблони мы с ним посадили весной, за неделю до повестки...— В голосе ее прозвучала отрешенность.

Дождь яростно забарабанил о брезент капюшона, по двойным наплечникам. Под ботами Надежды Петровны тонко захлюпало, и Федченко в который раз рассмотрел в темноте, как она кутается в промокший ватник, топчется на пронизывающем ветру.

— Слушайте,— сказал он смущенно.— Идите-ка под полу ко мне, вас совсем промочит... А?

И, не дожидаясь согласия, нашел чуткими ладонями плечи Надежды Петровны, распахнул жесткие полы плаща.

— Да уж скоро машина будет, наверное...— неуверенно отстранилась Надежда Петровна, глубже засовывая руки в рукава.

«Слюнтяй!» — озлился на себя Федченко и вдруг одним движением скинул дождевик, накрыл разом и себя и ее. Обнимая одной рукой мягкую, мокрую фигуру женщины, ловил другой трепыхавшееся брезентовое крыло. Ветер продувал насквозь ткань костюма, пришлось крепче стягивать полы.

Надежда Петровна прижималась плечом, но рук не разнимала. Была будто каменная.

— Вы меня... боитесь, что ли?..— угрюмо спросил Федченко, отпустив край брезента.— Вы же простудитесь!

А Надежда Петровна вдруг тихо засмеялась в укрытии.

— Смешно, конечно...— пожал плечами Федченко.

— Да нет... я так, вспомнила какой-то сбор пионерский...— вновь тихо засмеялась Надежда Петровна, не поднимая головы.— Сорвали девчонки какой-то субботник, что ли... И вы сурово отчитывали нас, было даже страшновато. А теперь все это ужасно далеко и немножко смешно... А бояться — нет. Чего нам теперь бояться?

4

Утром туман рассеялся и выпал иней. Горы, густо заросшие дубняком, и подступавший к самой вышке сад будто поседели за одну ночь. Кроны ближних яблонь, смутно проступавшие вчера из туманной мглы, закуржавели, означились вдруг четко и строго, словно искусная вязь серебряной чеканки.

«Иней с осени — это хорошо, к доброму цветению...» — подумал Федченко и вдруг разом припомнил подробности вчерашнего спора, неуступчивость пожарника, грустные глаза Надежды Петровны и весь разговор с нею на шоссе, под дождем.

После этого разговора он не спал ночь. Лопнула вдруг застарелая корка охранительного равнодушия к жизни, и, вылупившись из этой скорлупы, он почувствовал неясную вину перед нею, Надеждой Петровной, за всю ее незадавшуюся жизнь, за те яблони, которые посадила она с мужем и которым не суждено цвести и плодоносить...

Это было тревожное и даже болезненное чувство, но утром ему показалось, что он помолодел на двадцать лет.

На рассвете, задолго до отъезда на буровую, побрился и, облачившись в телогрейку и неразлучный плащ, прошелся дважды по окраинным улицам городка, как бы заново угадывая станичные хатки и домики в опустевших садах, известковые пролысины Сизовой горы за речкой и, наконец, свежевыкрашенную железную крышу каменной школы под белыми осокорями — школы, в которой он учился когда-то и начинал работать.

На тротуаре, вдоль ограды, шелестели под ногами золотистые, прихваченные морозцем тополевые листья — они напомнили ему детство, первый школьный звонок и горьковатые, острые запахи тех осенних дней.

И пока он трясся на вахтовой полуторке к промыслам, его не оставляло чувство счастливой вины перед Надей Веселовой, носившей тогда выглаженный красный галстук, и перед своей юностью, шумной, чуть бестолковой и прекрасной...

На буровой приказал вахтовой четверке готовить оснастку и стал медленно взбираться по крутому трапу к вышечному кронблоку.

Стальные перила были сизыми от мороза; на них оставались следы пальцев, как дактилоскопические оттиски. Подниматься утром, без разминки, на сорокаметровую высоту было нелегко, но Федченко привычно одолевал ступени, радуясь той внутренней теплоте, что появляется от здоровых усилий, чувству высоты и свободы.

Отсюда, сверху, все становилось виднее.

Вот она, кромка сада, в двадцати метрах. Курчаво заиндевевшие кроны. Близко, конечно. И по всем правилам, утвержденным десятилетия назад, следовало бы их убрать. От греха подальше. Но если разобраться по существу, то какой может быть грех?

Когда утверждались правила, скважины испытывались открытыми фонтанами. И с выбросами тогда не умели бороться. От папиросы, от удара камня о стальную трубу, с искрой возникали страшные пожары. Федченко помнил такой огненный смерч под Нефтегорском в тридцатые годы, который бушевал несколь-

ко месяцев. Все это было. Но теперь никто не выпускает нефтяных фонтанов на ветер, скважины испытывают закрытым способом. Подключают фонтанную арматуру к нефтесборочным коммуникациям — и, пожалуйста, фонтанируй в трубу сколько влезет. Чистота и порядок.

А ширь отсюда открывалась неоглядная. Со всех сторон катились к вышке пепельно-седые увалы предгорий, словно гигантские штормовые волны, застывшие на взлете. Отдельные лесистые горбины походили на спящих медведей. А в ущельях и глубоких балках еще копился вчерашний туман, выползал белоголовой гадюкой к подножию хребта, извивался поперек дороги.

Из тумана вынырнула дежурная машина с фанерной будкой и свернула к буровой. Федченко осмотрел крепления кронблока и неторопливо стал опускаться вниз, смазывая локтем на поручне дактилоскопию своих пальцев.

Ломая стрельчатый ледок в лужах, полуторка прошуршала скатами по утоптанной, каленой морозом земле, остановилась у мостков. Из фанерной будки выпрыгнули двое рабочих с бензопилами «Дружба», за ними слез Сукляев. Из кабины выбрался прораб Доронин в заношенном дождевике.

Для начала все собрались кучкой, закурили, а шофер захлопнул дверцу кабины и начал разворачиваться.

Федченко кивнул приезжим и пошел наперерез машине.

— Погоди! — махнул он шоферу.— Погоди, не торопись... Пускай отдохнет малость...— И положил руку на теплую горловину радиатора.

— Ему спешить надо, на техбазу,— заметил, подходя, прораб.

— Я не задержу,— сказал Федченко, подавая руку.— Сад рубить не будем. Забирай своих лесников обратно, нечего им тут делать...

— Согласовал, что ли? — не понял Доронин.

— С кем согласовывать? Сам берусь отвечать. И все.

— А не нагорит?

Федченко пожал плечами.

Сукляев даже оторопел от этой мирной беседы. Он отшвырнул перекушенную папироску-«гвоздик» и шагнул к Федченко.

— Как то есть не будете рубить? Что за самоуправство? Вы не имеете права приступать к работе без соответствующего акта приема-сдачи! Наличие отсутствия загораний...

— Да погоди ты! — равнодушно оборвал его Федченко.— Наличие отсутствия!.. У меня, как мастера, нет претензий к строителям, и все. Понятно?

— Я не подписал акт! — с дрожью в голосе предупредил Сукляев.

— Вот удивил-то! Ну, не подписал, и не надо, так сойдет.

Прораб Доронин застыл с угасшей папиросой в зубах. Его поразило, как до этой минуты никто не додумался сказать столь простых и верных слов неусыпному Сукляеву.

Было и второе, более неприятное открытие. Виза Сукляева нужна, собственно, самому буровому мастеру как дополнительная гарантия. А на поверку иной раз выходило, что эта самая в и з а как непререкаемый догмат связывала ему руки. Да и пожарник расхаживал перед мастером как некая высшая инстанция. Глупо!

— Давай подпишем акт, товарищ Сукляев, и бог с ними, с яблонями! — миролюбиво посоветовал Доронин.— Меньше волокиты, а?

— Ни в коем разе! — завопил Сукляев.— И мало того... Я вынужден буду принять меры!

Федченко сплюнул и обернулся к прорабу.

— Ну, вот что. Буровую я у тебя принял, Доронин. Хозяйничать на площадке не разрешаю.

И, пожав руку оторопевшему прорабу, зашагал по мосткам, к лебедке, где его ждали буровики.

Доронин посмотрел в широкую спину, крякнул и полез в кабину. Оправляя на коленях черствые полы дождевика, буркнул лесорубам:

— Полезайте в кузов...

Машина дернулась, заворчала, пожарник очнулся и уцепился за борт. Он легко перекинул длинную ногу, но болтавшаяся на ремне полевая сумка зацепилась за угловой крюк. Выпрастывая ремень, Сукляев обернулся и увидел в яблонях вчерашнюю агрономшу. Она медленно поднималась из мокрой ложбинки к подножию вышки.

«Баба! Где баба, там и нарушения...» — с негодованием заключил Сукляев и нырнул в фанерную будку. Отступать перед нарушениями он не собирался.

5

Она побыла на буровой и ушла, а у Федченко осталось такое чувство, как будто он впервые в жизни не управился с каким-то важным, не терпящим отлагательства делом. Чувство человека, явно запаздывающего к поезду по собственной нерасторопности, а возможно, и нерешительности...

Главное, он не мог ей объяснить прямо, к т о отстоял ее заповедные яблони, хотя ему чертовски хотелось сказать это тихой, замкнутой и, по-видимому, очень одинокой женщине.

Надежда Петровна не спешила уходить, но разговор не получался.

Федченко негодовал, он терпеть не мог постыдного для себя чувства нерешительности. Мысленно чертыхаясь, называя себя молокососом, он втайне завидовал своему прошлому, своей прошлой хватке. Было же когда-то в двадцать лет — он без всякого смущения сказал все Маше, обнял ее и увел с собой. И была настоящая любовь, и семья, и счастье. Если бы не все остальное, не война...

Он, впрочем, и после не страдал этой слабостью характера...

В этапном телячьем вагоне, за Котласом, еще было испытание на прочность.

В промороженном насквозь, сизом от наледи вагоне разгулявшиеся «урканы-законники» начали вдруг сгонять «фраеров» под нары, в холодные углы. Выгадывали теплые места. И было воров втрое больше, чем порядочных людей.

Бывший секретарь райкома комсомола Ванька Федченко, двадцати одного года парень, лежал на спине, закинув руки под голову, молча смотрел в закопченный потолок, слушал нескончаемую перебранку вагонных колес на стыках, дрожь вагона. И тут-то вскочил на край верхних нар сам Середа — «пахан», с фиксой, в наколках, потянул его за ногу.

Федченко молча согнул ногу в колене и со всей силы двинул каблуком в распяленный матерщиной зев.

Середа упал спиной на раскаленную буржуйку, заорал на весь эшелон. И воры всем скопом насели на Федченко, как собаки на медведя.

Но он успел все же встать на четвереньки. Он не слышал, как тузили его по спине, голове, ребрам,— он вырывал из-под тощей подстилки доску от нар. И, стряхнув ораву с плеч, начал дубасить этой доской налево и направо, не разбирая ни статей, ни сроков. Он загнал «кусочников» под нары, набил их, как селедок в бочку, и продолжал трамбовать торцом доски до тех пор, пока они узнали, как зовут его по имени-отчеству, откуда он родом.

Минут через пять из-под нар заорали в несколько глоток:

— Дядя Ваня! Иван Степаныч, брось! Мы больше не будем!.. Мы тут все с Кубани, земляки! Брось, ну?!

Тогда Федченко отер лицо рукавом и присел около буржуйки, не выпуская из рук доски.

Так просидел он двое суток, без сна, до конца этапа. Выпускал блатных только по нужде, в одиночку. Когда подошла очередь Середе, Федченко мирно сказал:

— Подбери зубы и фиксу, вон, около параши... Пригодятся!

Хлебные пайки Федченко выдавал под нары честно и этим, верно, завоевал у блатных неограниченный авторитет. На Ухтинском тракте вся свора добровольно пошла к нему в бригаду...

После много было всякого, но Федченко не мог бы сказать, что он оставался прежним, простым и отзывчивым человеком. Он замкнулся, перестал различать оттенки жизни, погрузившись в одно трудное, но спасительное чувство — чувство ожидания.

Писал письма во все инстанции, которые только мог придумать, ждал ответов, ждал, что разберутся, исправят ошибку. Но ответы были только отрицательные, и с каждым таким ответом он все больше и больше отгораживался от жизни, от «посторонних забот», признавая за собой лишь одну, не последнюю обязанность в этом мире — работу...

Теперь все перепуталось. Прежний, крутой Федченко расслаивался у себя на глазах, двоился. Он, оказывается, не потерял способности радоваться. Просто, по-человечески радоваться тому, что вот прежняя смирная девочка из е г о пионерок научилась выращивать сады и помнит еще бывшего вожатого. И нужна ему до боли, до бессонницы, до мальчишеского смущения перед собой.

Бригада работала отлично, и это тоже радовало Федченко. За двое суток буровики отмахали двести метров проходки — и это также было тем новым в жизни, чего нельзя было не заметить. Лет десять назад двухдневная проходка измерялась десятками, но не сотнями метров. Люди научились-таки добираться до глубин.

Вечером, через три дня, на скважину приехал главный инженер. Наскоро осмотрел буровую, поговорил с вахтовыми, проверил запас долот, а в культбудке, с глазу на глаз, сказал Федченко:

— Насчет яблонь ты, хозяйственный мужик, зря начал. Пожарники затеют волокиту, дрязги. А бригада борется за звание, сам должен понимать.

— Яблони нам не мешают,— сказал Федченко.

— Но правила есть правила,— покачал головой главный.— Штраф выпишут. У них же, знаешь, в бесспорном порядке. И пахнет не рублем — половиной зарплаты.

— А я в бирюльки с ними играю? — вдруг вспылил Федченко.— В случае чего суд разберется. Платить ничего не буду.

Главный еще раз похвалил за хорошую проходку, а под конец напомнил:

— В конторе, между прочим, бумажка тебя ждет, в райком. Завтра спустишь колонну, тампонажников вызовешь — и двигай. Нового секретаря посмотришь. Человек недавно из ВПШ, может, научит тебя уважать правила... Зачем вызывают-то, знаешь?

— Знаю,— сказал Федченко.

Его вызывали получать партийный билет по восстановлении.

На следующий день бригада успешно спустила обсадную колонну, тампонажники начали цементаж. А вечером в конторе секретарша вручила Федченко вместе с райкомовской телеграммой другую форменную бумагу. Постановление Госпожнадзора о наложении штрафа за нарушение правил. В бесспорном порядке...

Федченко свернул обе бумажки и положил в нагрудный карман.

6

На черной стеклянной табличке, висевшей на двери, обитой кожей, значилось: «Секретарь РК КПСС И. С. Бойко».

Фамилия была незнакомой. Но сам Бойко — еще совсем молодой человек с озабоченными глазами и короткой спортивной стрижкой — показался Федченко удивительно здешним, знакомым человеком. Он был похож на одного вихрастого, чернявого парнишку из пионерского отряда шестого «А» класса, азартно выступавшего один раз на сборе: он, кажется, клеймил позором девчонок, отлынивающих от общественно полезного труда,— в их числе оказалась тогда и Надя Веселова...

Федченко был почти убежден, что перед ним бывший его пионер, и напрямик спросил секретаря, откуда он родом и в какой школе учился. Оказалось, что Бойко — приезжий, из Луганской области, а здесь он второй месяц.

Секретарь сообщил дату ближайшего бюро, на котором следовало быть Федченко, и попросил рассказать о себе.

Это была длинная, не очень веселая, но благополучно завершившаяся история. Рассказывать было скучно, а секретарь слушал с вниманием, часто задавал вопросы, и Федченко приходилось кое-какие частности пересказывать заново.

Беседу их прервали.

На доклад явился коренастый мужичок в полувоенном костюме, с багровым, отечным лицом — инспектор рыбнадзора Завьялов. Секретарь попросил Федченко остаться, а Завьялову посоветовал сначала снять в приемной дождевик и калоши, приготовился слушать.

Доклад инспектора был более чем благополучный, борьба с браконьерами на местных речках, по его словам, велась систематически. Эфиромасличный завод недавно закончил сооружение для очистки стоков. Нефтяники, исполнительный народ, не пускают теперь в речки ни капли горючего.

«А с Сукляевым этот инспектор не иначе как водку пьет,— подумал Федченко с усмешкой.— Все у него в порядке, а Сукляев, между прочим, сетью рыбку таскает...»

Секретарь слушал доклад внимательно, но Федченко заметил, что его не на шутку заинтересовала и физиономия инспектора. Он както сострадательно взирал в опитую личность охранителя природных богатств.

Когда доклад закончился, секретарь спросил с некоторой тревогой:

— У вас, между прочим, как со здоровьем? Подозрительная краснота и отечность лица — не гипертония ли?..

Завьялов польщенно осклабился, отходя задом к двери:

— Да нет, ничего пока, не жалуюсь...

— Вы все-таки обратите внимание, признаки налицо,— настойчиво заметил секретарь.— Если не гипертония, то образ жизни... Советую!

Федченко так и не понял, дошло ли до инспектора рыбнадзора существо замечания. Но отметил про себя, что новый секретарь понимает юмор. И решительно извлек из кармана бумагу с постановлением Госпожнадзора.

— Тут дело такое...— с усмешкой пояснил он.— Как говорят, не могу молчать. На бюро так или иначе может возникнуть вопрос...

Разговор начался долгий. Федченко вновь горячился, вспоминая прошлый спор в культбудке. Рассказывал, что правила в отношении очистки леса утверждались во времена открытых фонтанов и никакого отношения к садам не имеют, что ближние деревья от устья скважины находятся в тридцати метрах и, стало быть, никакой опасности не представляют. Что постановление — дань форме и шаблону.

Секретарь медленно листал всевозможные справочники и инструкции, подходил к настенной карте района с массивами лесосадов, стучал по ней ногтем и снова листал справочники.

Дело, прямо говоря, возникло необычное, и молодому секретарю не хотелось ошибиться.

— А вы ручаетесь, что яблони вам не помешают? — наконец спросил он, всем телом подавшись к Федченко. И, поймав утвердительный кивок мастера, не без удовольствия взъерошил обеими руками жесткую шевелюру на голове.

— Если так, то можно, значит, и с другого края площадки впустить садовый массив... этак на двадцать, тридцать метров?

— Конечно, можно,— согласно кивнул Федченко.

Секретарь обрадовался, будто выиграл какое-то спорное дело.

— Понимаете, какая вещь! — сказал секретарь.— На днях у меня была бригада операторов со второго промысла. Интересный был разговор! Они хотят по опыту своих друзей из Татарии развести вокруг скважин плодовые сады. Там это привилось крепко. Но у нас... после перевода скважин на телеуправление людей на участках осталось в обрез. Одному человеку, естественно, не справиться с посадками, а ухаживать за готовыми яблонями он мог бы... Опрыскиватели и прочая техника — на совести руководителей. Вы понимаете?

— Значит... Буровики должны сдавать в эксплуатацию не только скважину, но и сад вокруг нее?..— Федченко засмеялся, весело, помолодому и даже озорно посмотрел на молодого секретаря. «А здорово это у вас получается, молодой товарищ...»

— Вы скажите прямо: под силу это вашей бригаде? Для доброго начала?

Федченко только развел руками.

А секретарь скупо улыбнулся и отнял у него бумагу о штрафе.

— Значит, договорились... Твердо. Что касается этого предписания, то попрошу оставить его у меня в райкоме... Вообще-то до сих пор не было принято вмешиваться в подобные дела, но поскольку речь идет о вырубке общественного сада, я думаю изменить старому правилу...

— А штраф? — несколько растерянно спросил Федченко.

— Штраф?.. Ну, если он уж так неизбежен, пусть они получат его с нас...— засмеялся секретарь.

7

Ночью выпал снег, а утром зарядил частый осенний дождь, сумевший к полудню почти начисто склевать снежную крупку.

На буровую привезли саженцы яблонь-двухлеток. Мокрые, будто лакированные стволики с развилками молодых, неокрепших веток плотно лежали в кузове, накрытые со стороны корневых мочек брезентовым пологом.

Из кабинки выбралась Надежда Петровна в громоздком плаще с подвернутыми рукавами и, как-то виновато улыбнувшись Федченко, попросила подсадить в кузов. Бурильщик Бычков, дюжий парень из недавних артиллеристов, шутя приподнял ее, а буровому мастеру заметил:

— Дело хорошее затеваем, но в ненастную погоду, Иван Степанович. Вода вон за шиворот льется... Будто весны вам не будет!

Федченко как-то отрешенно посмотрел на него.

— До весны мы трижды успеем сменить площадки буровых. Забыл? — И добавил тихо, как бы про себя: — А после нас... наших садов уж никто не посадит, Бычков. Запомни!

Бычков уловил грусть в словах угрюмого Таймыра, понятливо хмыкнул и побрел за лопатами.

Надежда Петровна бережно выбирала саженцы, выпутывала каждый побег и корешок из общей свалки. Руки у нее были ловкие и чуткие. И Федченко будто присох к борту кузова, неотступно следил за нею, курил и чертыхался в душе по поводу мальчишеской слабости, некстати разбередившей душу.

«Весны вам не будет!» — с усмешкой повторял недавние слова бурильщика.

Площадка вокруг буровой рябила кротовыми холмиками земли, у каждого холмика ямка и саженец. Первую яблоньку сажали всей бригадой.

Бычков держал саженец на весу, так, чтобы корни свободно свисали в ямку. Федченко подавал рыхлую землю лопатой. Надежда Петровна, присев на корточки, брала комковатую, непаханую горную почву пригоршнями, пропускала в пальцах и бережно присыпала каждый корешок. По мере того как яма наполнялась землей, Надежда Петровна осаживала руками рыхлую засыпку.

А дождь не переставал. Федченко терпеливо подавал землю, смотрел на мокрые, зябнущие руки женщины, и ему хотелось отбросить к черту лопату, закутать женщину, как в прошлый раз, и греть ее озябшие и покрасневшие руки у себя за пазухой...

Наверное, он заторопился, потому что Надежда Петровна подняла к нему лицо с веселыми и чуть лукавыми глазами и придержала черенок его лопаты.

— Осторожнее, осторожнее надо... Не спешите!

Федченко смешался и вспомнил вчерашнюю встречу на рынке.

Он вышел на воскресный базар и нечаянно увидел ее там — не в телогрейке, а в добром демисезонном пальто и лакированных туфлях на высоченном каблуке. И все заныло вдруг от переполнявшей его тоски, от застарелого чувства одиночества. Наверное, у Федченко был очень глупый вид, потому что на ее вопрос, что он собирается покупать, Федченко сказал, что ему нужны саженцы яблонь, очень много саженцев. И рассказал о беседе с секретарем райкома.

Надежда Петровна засмеялась (как ему показалось, чрезмерно озорно и молодо, как девчонка) и заметила, что такую уйму саженцев на карманные деньги купить невозможно, лучше совхоз отпустит их нефтяникам по безналичному расчету. И в глазах ее было точь-в-точь такое же лукавство и чувство женского превосходства...

Посадки закончили к сумеркам. Федченко приказал включить на вышке ночное освещение, и, когда она вспыхнула вся снизу доверху каскадом света, тонкие саженцы молодого сада вовсе потерялись в лиловых тенях, пробороздивших площадку. Но никто не пожалел об этом, потому что все знали: сад уже есть, он начал свою долгую жизнь. У дежурки глухо звякали лопатами, бросая их в кучу.

Бурильщик Бычков остановил мастера.

— Как ты сказал давеча, Иван Степаныч? Наших садов после никто не посадит? — Федченко услышал в сумраке веселый хохоток.— Верно сказал... Но и нашу водку после нас... тоже! Пошли, что ли? У меня припасено к худой погодке!

Федченко отказался, хотя после мокрой работы и не мешало бы хватить «полевую норму» в сто граммов. Он не хотел отставать от Надежды Петровны, а она уже садилась в кабину, подбирала длинные полы дождевика.

Он взгромоздился в кузов, хлопнул по кабине, машина тронулась. Ветер захватил при-

горшню капель, швырнул в лицо Федченко. Тогда он послушно отвернулся по ветру и накинул капюшон. Над горами прорезывался молодой месяц, летел вслед машине, располосовывая вереницу клубящихся туч.

Грузовик мчался горной дорогой вверх-вниз, потом вилял переулками городка, а сияющий рог месяца неотступно летел следом. Наконец он замер в провале черных облаков; Федченко тяжело перекинулся через борт и с готовностью распахнул дверцу кабины.

У крыльца дома, в котором жила Надежда Петровна, под окнами и в глубине палисадника темнота светилась мягким белесым светом, как будто осенние сиротливые грядки кто осыпал призрачной лунной пылью.

— Бело?..— удивленно спросил Федченко, придержав Надежду Петровну под локоть.

— Это снежные астры, по-нашенски белозорки. Не помните, что ли?— сказала Надежда Петровна.— Они иной раз и зимой цветут, по мокрому снегу. А сейчас самая их пора!..

Федченко пригляделся. В густой темноте отчетливо проступали ярко-белые венчики белозорок. Они светили, как маленькие земные звезды.

— До свидания, Иван Степанович...— напомнила о себе Надежда Петровна.

Федченко растерялся.

Черт возьми, минутой раньше, в грохочущем кузове, все представлялось не то что проще, но все-таки по-иному. Ведь он же намеренно поехал с нею, с тайной надеждой поговорить, побыть вдвоем, открыть душу, наконец... Сказать, что она очень нужна ему,— так вот, по-молодому, очертя голову, с первого взгляда... Что не может и не хочет он жить дальше заезжим бобылем в родном городе, раз уж повстречал здесь ее, Надежду Петровну.

Но ничего такого сказать он не мог, потому что наперед знал все те слова, которые сказала бы она в ответ,— о том, что они мало еще знают друг друга, и что время-то, пожалуй, ушло, а старое не забывается, и еще десятки иных, осторожных и попросту уклончивых женских слов...

Федченко. торопливо и чересчур крепко тряхнул руку Надежды Петровны — столь крепко, что никак нельзя было перенять ответного пожатия,— и, круто повернувшись, зашагал прочь.

За калиткой, краснея и проклиная себя, вдруг сбился с ноги. Глубоко вздохнув, полез в карман за папиросами.

Рука нащупала тощую пачку «Севера», и он лишний раз выругался, боясь, что там не окажется папирос. Но папиросы еще были.

Короткая вспышка, упрятанная в жадных пригоршнях, ослепила глаза, и он услышал, как за спиной стукнула оконная рама. Там вспыхнул свет, и Федченко увидел свою тень на земле, густую, громадную, упавшую от решетчатой калитки через всю улицу, до противоположного дома.

Окно все не закрывалось — хозяйка, верно, проветривала комнату.

— Э-э, снявши голову, по волосам не плачут!

Холодок решимости опалил душу. С яростью отшвырнув окурок, Федченко толкнул калитку и, бухая сапогами по дорожке из битого кирпича, зашагал к распахнутому окну.

В глубине комнаты стояла Надежда Петровна, заломив руки, уставившись в дальний угол,— там, над приемником, он рассмотрел несколько рамок с фотокарточками...

Кирпичная щебенка хрустела под сапогами, но женщина не шевелилась.

— Я... вот что...— сказал Федченко, ударившись грудью в подоконник.— Я не могу без вас, а из ухажерского возраста вышел, Надежда Петровна. Выходите за меня... замуж, одним словом!

Сказал и зажмурился. От непоправимости минуты, от яркого света ее окна, от дремотного сияния белозорок в кромешной тьме.

Когда он открыл глаза, Надежда Петровна все так же стояла к нему спиной, заломив руки, молчала.

Он еще не знал, что крылось за ее безответностью, но разом почувствовал облегчение. Он уже не жалел о сказанном. И впервые за эти годы подумалось, что он недаром оставил привычную жизнь на Севере, навсегда возвратившись домой, в родные места...

МУЖЕСТВО И НЕЖНОСТЬ

Мохаммед Размшеар в санатории.

В Киеве живет и пишет стихи Мохаммед Юсуф Размшеар.

Он родился в Мешхеде в 1928 году. Учась в школе, Размшеар вступил в иранскую молодежную организацию. Первые его стихи появились в печати, когда ему было четырнадцать лет.

В конце 1947 года Мохаммед Размшеар, преследуемый жандармерией, эмигрировал в Советский Союз. Здесь он завершил свое среднее образование.

Тяжелый недуг приковал поэта к постели, но он, человек большого мужества, не прекратил творческой работы.

У поэта много друзей. Его навещают члены Союза писателей Украины, студенты киевских вузов, артисты, дети...

Друзья Мохаммеда — киевские студенты, приехавшие на практику в Ленинград,— попросили меня перевести на русский язык несколько стихотворений Размшеара. Мне понравились его стихи, и я их перевела. Хочется, чтобы с ними познакомились читатели «Огонька». Вот эти стихи.

Я. ЧАСОВА

Ленинград.

* * *

Когда стремлений нет, жизнь тяжела,
трудна,
Без цели, без идей и знаньям грош цена.
Но если послужить ты родине готов,
То будет жизнь твоя всегда ясна, полна.

* * *

Как много эти руки потрудились!
Смотри, они мозолями покрылись...
Лишь из-за многих тысяч рук таких
Плодами мира люди насладились.

* * *

Ум с сердцем спорили в ожесточенье,
На них любовь смотрела в изумленье,
Но ум усталый сдался, и любовь
На сердце совершила нападенье.

* * *

Прекрасен сад, когда в цветенье он,
А человек — коль добр он и умен.
Поступок добрый порождает радость,
Плохой — раскаянье. Таков закон.

* * *

То, что прошло,— прошло! Так что ж о том
грустить,
И, сколько ни рыдай, его не возвратить.
Смотри вперед, тебя грядущее зовет,
Дойдет лишь тот, кого несчастью с ног
не сбить.

* * *

О сердце, если ты горишь, сгори, но все ж
молчи!
Смотри, как гибнет мотылек на пламени свечи...
В молчанье и терпенье том—вся красота любви.
От тайны сердца никому не отдавай ключи.

* * *

Каким внимательным и зорким надо стать,
Чтобы все то, что видишь, различать!
Один всю жизнь цветок заветный ищет,
Другой, сорняк увидев, рад сорвать.

* * *

О девушка, скажи мне, отчего
Глядишь так ласково? Кто ты, хочу я знать:
Не солнце ли ты счастья моего?
Иль сердце ошибается опять?

* * *

Когда играешь ты на пианино,
Весь превратившись в слух, подобен я струне.
Своей игрой, круженьем, танцем пальцев
Ты, как струну, тревожишь сердце мне.

* * *

Облаками меня, как ребенка,
небеса завернули в пеленки,
Неприязни своей не таили,
в люльку жизни меня положили,
Ветер бед мою люльку качает
и, грозя опрокинуть, швыряет...
Я ж, качаясь под небом ненастным,
вижу жизнь неизменно прекрасной.

Александр ГАТОВ

НА КОРОТКИХ ВОЛНАХ

Заглушаемый хриплыми джазами
Григ.
Чья-то песнь о любви —
как рыданье и крик.
Сквозь английскую проповедь
блюз: «Ты — дрянь, но останься!»
(Это станция
наплывает на станцию).
То холопье
из «Вольной Европы» шипенье,
То псалмы из Монако —
церковное русское пенье...
Вперемежку
и музыка та и слова,
И нежданно
из хаоса звуков и лая —
«Март» Чайковского...
Это пробилась Москва —
Молодая,
весенняя
и грозовая!

НАШ ДРУГ ДЖОН ОКАЙ

Просторная комната с большим окном. Повсюду стопы газет, журналов, папки с бумагами. На стенах — фотографии, репродукции, портрет Нкрумы. Рядом портрет Уильяма Контону, африканского писателя из Сьерра-Леоне. Это он, учитель, открыл школьнику Джону Окаю мир поэзии.

Джон Окай встречает нас улыбкой. Он встает из-за стола во весь свой огромный рост и, отодвинув стопку исписанных листов, говорит:

— Вот никак не могу закончить поэму: все кажется, что недостаточно сильно выражена основная мысль.

Джон Окай — молодой поэт из Ганы, студент Литературного института имени А. М. Горького. Он заканчивает второй курс и свободно говорит по-русски.

Советские читатели хорошо знают стихи Джона. Они печатались в центральных газетах и журналах. Молодой поэт живо откликается на события, происходящие в мире. Особенно его волнуют дела африканского континента. «Я понял, что мы, африканцы, должны прежде всего писать о свободе, о мире, о современной жизни нашего народа, о борьбе за независимость других народов»,— говорит Джон. Но тематика его стихов гораздо шире. События на Кубе, например, не могли не взволновать поэта, и он откликается на них стихотворением «Кланяемся тебе, Куба». Не мог не откликнуться Джон и на покорение космоса; его стихи «Космическая симфония» были опубликованы в «Правде» в 1962 году.

Сейчас Джон Окай заканчивает поэму об освободительной борьбе африканского народа. Он верит, что настанет пора, когда все народы Африки станут единой свободной семьей.

Н. НЕКРАСОВ

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ...

Серьезные работы Ю. Прокушева о Есенине, появившиеся в последние годы в Москве и на родине поэта — Рязани, обратили на себя внимание не только специалистов литературы. Ныне в издательстве «Московский рабочий» вышла книга того же автора «Юность Есенина», посвященная поистине «колыбели поэзии» Есенина. Легко предсказать, как охотно будет читаться эта превосходно изданная книга. На основе обильного документального материала Ю. Прокушев воссоздает образ юноши-поэта таким, каким он был в действительности, а не в фальшивых олеографиях: то в виде наивного пасторального пастушка, то в образе этакого богемного ухаря.

Нельзя видеть случайности в том, что стихотворение юного Есенина «Кузнец» было напечатано в большевистской газете «Путь Правды» (под таким названием выходила «Правда» в мае 1914 года).

Да, мы вместе с исследователем биографии поэта далеки от переоценки «революционности его дел и поступков», но ведь то важно — о чем многие из нас не знали,— что рабочая Москва оказывала свое благотворное влияние на формирование Есенина, которому суждено было скоро выйти на широкую дорогу советской поэзии.

В книге Ю. Прокушева последовательно и убежденно проведена главная идея — идея органической народности и патриотизма самого духа поэзии Сергея Есенина: «От Руси полевой, патриархальной, уходящей в прошлое, от России, ввергнутой царизмом в пучину мировой войны,— к России, преображенной революцией, России ленинской, России Советской — таков путь, пройденный поэтом вместе со своим народом».

Нельзя не оценить жанрового своеобразия книги Ю. Прокушева. Эта книга — научная повесть о юности поэта.

В. СИДОРИН

НОВЫЙ СЛЕДОПЫТ

Если вы хотите совершить интересное путешествие, раскройте эту книгу. Вместе со «Следопытом Средней Азии» вы побываете на новостройках семилетки и раскопках археологов, в змеином заповеднике и снеголавинной станции на Тянь-Шане — всюду, где ищет, находит и добивается намеченной цели пытливый человек нашего времени.

Ташкентское молодежное издательство «Еш гвардия», выпустившее первый номер краеведческого альманаха, получило письмо от космонавта Юрия Гагарина. Вот что он пишет:

«Большое, полезное дело начали журналисты Узбекистана. С высоты космических трасс мы, советские космонавты, воочию убедились, какая прекрасная наша родная планета — Земля. И подлинной жемчужиной этой планеты по праву мы можем назвать нашу великую Родину. Знакомиться с ней, стремиться лучше знать ее природу, богатства, людей — не только полезное и увлекательное дело, но и долг каждого советского человека.

Альманах «Следопыт Средней Азии» помогает читателям знакомиться с нашими прекрасными среднеазиатскими республиками, он показывает, какой колоссальный прогресс достигнут народами отсталой в прошлом восточной окраины царской России за годы Советской власти. Подлинным маяком для народов Востока стали наши республики Средней Азии...

Хорманг, следопыты Средней Азии! Не уставайте в своих поисках».

Первый номер альманаха вышел накануне знаменательной даты — сорокалетия образования советских социалистических республик: Узбекистана, Туркмении, Таджикистана.

В. КРУПИН

ГЕРОИ УЗНАЮТ СЕБЯ...

Может быть, слово «герои» в названии этой заметки не очень точно. Те люди, которых я называю этим словом, наверняка возразят: «Какие мы герои?»

Но пусть они простят мне это слово, ибо я говорю о героях романа. И все же не только о них...

Вышел новый роман, принадлежащий перу советского писателя. И только в одной республике — в Советской Татарии — прошло несколько многолюдных читательских конференций по этому роману! В Казани и в Лениногорске, в Бугульме и в Альметьевске. В одной конференции участвуют четыреста человек, в другой — шестьсот, в третьей — более шестисот, в четвертой — семьсот. И не просто участвуют, а горячо говорят о романе, дискутируют.

Герои жизни узнали в героях романа себя. Потому-то и взволновал их роман «Дар земли» Антонины Коптяевой. Со страниц «Дара земли» встает истинная современность, большая правда нашей жизни, картина повседневного, на первый взгляд незаметного, но героического труда наших соотечественников по освоению нефтяных богатств страны.

Действие романа начинается с тридцатых годов, когда группа молодых геологов приступила к поискам нефти в Башкирии. Последние главы романа — наши дни.

Пришедший одним из первых на разработку нефти малограмотный татарин Ярулла Низамов спустя четверть века становится Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета. Увлеченность трудом, желание овладеть как можно лучше своей профессией, романтические мечты, помощь друзей — все это ярко показано в романе.

Новый роман Антонины Коптяевой построен на контрастах. Первые разведчики нефти живут в землянках, полуголодны, но они полны воли, смелости, веры в правоту своего дела. Прошло много времени. Отгремела война, и автор сразу вводит читателя в другой мир. Многоэтажные здания на месте пустырей, прекрасные квартиры для рабочих. Герои постарели, они теперь директора заводов, крупные партийные работники, и все же они остаются такими же. Вырастают дети, получают образование, становятся наследниками традиций отцов.

Наш современник — главное для писательницы. «Народ ни перед какими сложностями не отступает»,— говорит герой романа Ярулла Низамов.

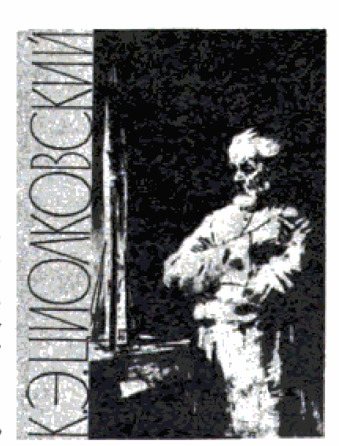
Особо хочется отметить умение автора рисовать картины родной природы, ласковые, суровые, преображенные трудом человека.

О многих достоинствах романа «Дар земли» можно было бы сказать здесь. Лучше всего о нем говорит сам читатель, узнавая в героях романа самого себя.

Виктор ШИШОВ

Антонина Коптяева. Дар земли. Роман. Журнал «Октябрь» №№ 5, 6, 7, 8. 1963.

СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

В Калуге вышла книга-альбом, посвященная памяти Константина Эдуардовича Циолковского. На издании лежит печать уважения и любви к великому земляку. Писатель М. Арлазоров написал биографию ученого, местный художник А. Котельников иллюстрировал книгу.

Перелистывая альбом, читатель зримо видит нелегкий жизненный путь. Бесконечное трудолюбие, соединенное с постоянным самоусовершенствованием, сделало из безвестного учителя математики в провинциальном городе ученого, имя которого известно всему миру.

Читатель как бы проходит по улицам старой, дореволюционной Калуги, знакомясь с ее жизнью. Ему становится понятно, в какой обстановке жил и работал Константин Эдуардович, какое потребовалось от ученого напряжение всех нравственных сил для научных поисков и открытий.

Книга завершается словами Циолковского: «Человечество не останется вечно на земле, но в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство». Это не беспочвенное пророчество, а мечта, которая может быть осуществлена, как осуществились теперь многие замыслы ученого, казавшиеся при их возникновении совершенно несбыточными.

Н. НИКОЛАЕВ

Несколько уголков сердца

Как-то раз бессменный секретарь Анри Барбюса Аннетта Видаль, находясь в издательстве «Художественная литература», заметила:

— Кажется, ни один человек не был для Барбюса загадкой. Вы знаете его «Огонь», его «Ясность», но всмотритесь как-нибудь повнимательнее в его рассказы, и перед вами предстанет другой Барбюс: Барбюс-новеллист, величайший знаток человеческой души. Уж кто-кто, а он умел заглянуть в самые сокровенные уголки человеческого сердца...

Аннетта Видаль была права: для советского читателя надо открыть Барбюса-новеллиста. И вот на книжные полки магазинов лег сборник рассказов Барбюса «Несколько уголков сердца». В книгу вошли новеллы из прижизненных сборников Барбюса: «Мы...», «Обман чувств», «Несколько уголков сердца», «Чужая», «Правдивые повести». Словом, самое лучшее, что характерно для Барбюса-новеллиста, сравнивавшего труд писателя с работой ювелира. Будто изящно ограненный алмаз, сверкают его короткие повествования — недаром Барбюс называл свои рассказы маленькими драмами. Грани их искрятся, играют всеми цветами, как сама жизнь. На их страницах возникают живые люди со своими печалями и горестями, со своими радостями и тревогами. Сборник помогает проследить эволюцию Барбюса от его ранних рассказов, где еще проглядывает тема неизбежности, рока, до последних новелл, где Барбюс утверждается на позициях социалистического реализма.

В арсенале писательского мастерства увлекательный сюжет, бурная драматизация действия, тонкий психологический анализ героев, напряженный диалог, лирический монолог, умелый завершающий аккорд новеллы.

Хочется верить, что книга «Несколько уголков сердца» откроет нового Барбюса, многим еще незнакомого. На страницах ее звучит волнующий голос, повествующий о силе человеческого чувства, о благородстве и чистоте души.

В. ФИНИКОВ

Станислав Киблицкий, подручный сталевара.

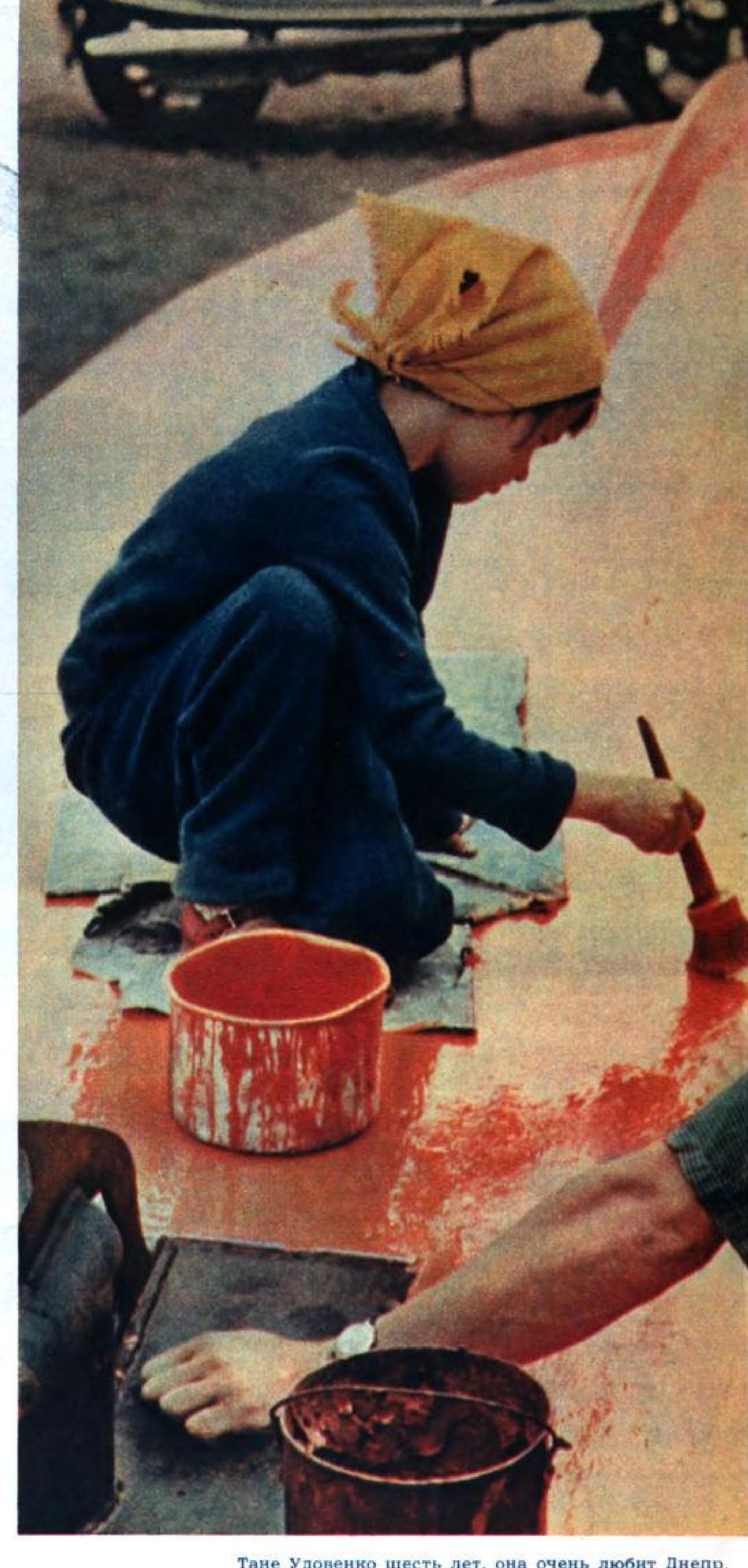
ГДЕ ЖИВЕТ ПРОМЕТЕЙ...

О. ШМЕЛЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

У Днепра прибавилось работы: вводятся в строй новые турбины гидроэлектростанции в Днепродзержинске.

Хозяева этого на редкость красивого дома — ребята рабочих Днепростроя. А трудовые будни детсада везде одинаково увлекательны.

Тане Удовенко шесть лет, она очень любит Днепр.

Есть города, чей характер и душу невозможно распознать сразу: они скрыты от приезжего человека за семью печатями. У этого открытое лицо, с первого взгляда можно определить и его профессию, и его любовь, и привычки, и антипатии. Достаточно услышать хотя бы лишь имя — Днепродзержинск, и уже можно составить понятие о его родословной.

Раньше, до революции, здесь было село, называлось Каменское. Но село не простое, других таких в Российской империи, пожалуй, и не существовало. Не крестьяне, не землеробы жили тут, а рабочий класс — металлурги, металлисты. Ибо в 1889 году встали в Каменском цеха и трубы Днепровского металлургического завода, самого большого в тогдашней России. И это имеет прямое отношение к истории Прометея, которую мы собираемся рассказать.

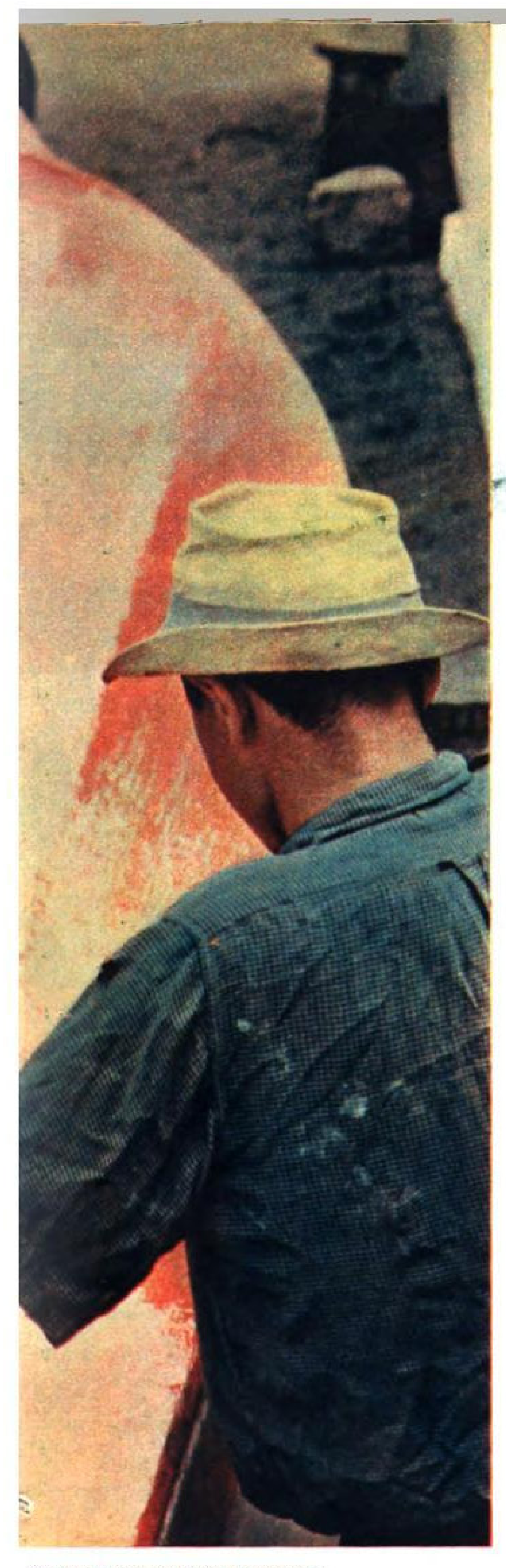
...Первая крупная политическая забастовка вспыхнула на Днепровском в 1903 году. Полиция, стянутая к заводу, спровоцировала рабочих, и произошла стычка. Металлурги — народ серьезный, и если уж их заставляют драться, бьют тяжко. Полиция была побита, рабочие повалили проходные ворота, сняли с них двуглавого самодержавного орла и сожгли его.

А потом наступил 1905 год, и пролетариат села Каменского поднял знамя революционной борьбы, ему удалось даже создать Совет рабочих депутатов.

Революционный дух, возникнув на заводе с первых дней его существования, разжигался в стачечном движении и горел негасимо, как огонь в доменных печах. Недаром выросли в горячих цехах борцы за рабочее дело Михаил Арсеничев, Федор Сыровец, Григорий Пелин, Иван Харитонов, Андрей Беспалов, Василий Слайковский и верные их товарищи, которых в 1919 году расстреливали белогвардейцы. Днепровцы сумели на порушенном заводе в разгар гражданской войны построить два мощных бронепоезда: «Советскую Россию» и «Советскую Украину». Вооруженные отряды каменских рабочих сражались на фронтах гражданской, не жалея жизни.

В 1920 году в городском Совете Каменска возникла мысль перенести прах погибших за революцию Арсеничева, Харитонова, Сыровца и Татаренко из Екатеринослава в родной город и похоронить их в братской могиле на площади, там, где начинается ныне проспект Ленина. А однажды на рабочем собрании большевики подхватили высказанное кем-то предложение — соорудить здесь памятник в честь победы революции, в честь завоеванной свободы. И чтобы он был на том месте, где покоятся погибшие герои.

Долго думали, каким должен

солнце и свою моторную лодку.

Проспект Ленина, четыре часа пополудни.

быть памятник. И всем очень понравилась идея Алексея Яковлевича Сокола, начальника строительного цеха Днепровского завода. Он был инженером, архитектором и скульптором и вообще человеком образованным. И революцию принял всем сердцем.

Сокол предложил отлить фигуру Прометея и поставить ее на высокую колонну. И чтобы цепи, которыми боги приковали героя, принесшего людям огонь, были порваны и чтобы хищник-орел, терзавший его печень, был попран ногою.

Заводу было очень трудно после разрухи. Но ради такой большой идеи партком решил пойти на любые жертвы, а памятник соорудить. Литейщик Сергей Васильевич Гречнев взялся отлить трехметровую фигуру Прометея с модели, вылепленной Соколом.

В 1923 году был открыт этот памятник.

В 1941 году гитлеровские оккупанты взорвали его: символ свободы был им ненавистен. Чугунный Прометей рухнул с двадцатиметровой высоты, но не разбился. Оккупанты собирались отправить его в металлолом на переплавку и уже погрузили на трамвайную платформу, однако патриоты-днепродзержинцы сумели обмануть фашистов. Платформа уехала не на шихтовый двор, а в тупик на окраину города, где Прометея зарыли в канаву.

25 октября 1943 года Советская Армия выбила гитлеровцев из Днепродзержинска. 21 ноября сталевары восстанавливавшегося Днепровского выдали первую плавку и на слитке, который решили оставить на память потомкам, написали слова: «Первый слиток, отлитый 21 ноября 1943 года на мартеновской печи № 5, на 26 день после изгнания немецких оккупантов из г. Днепродзержинска. Плавка № 5—1. Сталевары Ф. И. Маклес, Г. А. Панкратенко».

А вскоре встал на свое место и Прометей. И на его колонне появились еще две чугунные доски — с именами героев городской подпольной организации, погибших от рук фашистов, и с именами воинов, павших в бою за освобождение города.

...Прометей живет, он прописан здесь навечно, как равный среди 225 тысяч днепродзержинцев. В руке он держит факел, который зажигается с наступлением темноты. И свет его, тысячекратно усиленный, горит в багровых сполохах ночных плавок, в огненных вспышках коксохимических заводов.

Бывшее село Каменское стало большим городом. Трудно верится, что он дает теперь столько же чугуна, стали и проката, сколько получала когда-то вся огромная Россия, а электроэнергии и того больше. Но это именно так и есть.

У города открытое лицо, настежь распахнута его душа. И с всегда молод, как молод осеняющий его носитель огня.

Марина РОМАНИНА

Если бы меня спросили, какого цвета Узбекистан, я бы ответила не задумываясь: золотисто-зеленого. Цвет деревьев и солнца. Только осенью прибавляется белый: вместе с первыми белыми облаками открываются белые коробочки хлопка.

Но и деревья — это не только плоды и принадлежность прекрасного пейзажа.

Если посмотреть сверху на хлопковые поля, можно заметить одну особенность: со всех сторон их обрамляют ровные шеренги деревьев.

Зеленая стража защищает драгоценные серебряные цветы от ветра, корнями сохраняет для них влагу, укрепляет стенки многочисленных магистральных арыков — саев. Но частенько люди восхищаются серебряным чудом и забывают о его скромных защитниках.

Мы с начальником Главного управления лесного хозяйства Узбекистана Мухитдином Исамухамедовичем Исамухамедовым едем в новый лесхоз, где можно проследить все стадии воспитания дерева, трудоемкой работы лесовода. Начиная с расчистки и освоения земли, посадки семян и кончая распределением саженцев, иначе говоря, посылкой солдат на место службы.

По Ленинскому тракту, в сторону Мирзачуля, там, где было старое русло Чирчика, возник новый лесхоз.

Соседние колхозы считали — бросовая земля. Лесоводы предложили: отдайте нам...

И начали вручную освобождать землю от многолетних наслоений гальки...

Не успели мы с Мухитдином Исамухамедовичем пройти несколько шагов, как нас окликнули. Через посадки, размахивая руками, бежал человек. Это был бригадир Сайрам Турдыкулов. У него дочерна загорелое продолговатое лицо, умные, веселые глаза и добродушная улыбка человека сильного и настойчивого.

Доброта — почти всегда спутник силы.

Бригадир повел нас на плодовый питомник. (Кроме лесных пород, лесхоз занимается и плодовыми.) Шла прививка, и все были там. На выносливые подвои алычи прививалась слива.

— Сейчас посмотрите земляков.— Мухитдин Исамухамедович показал рукой в сторону — там зеленели какие-то кустики.

Это оказались дубки-сеянцы. Их сразу можно было узнать по листьям. Захотелось спросить: «Ну, как вам тут живется?»

Дубки стояли спокойно. Тень от кукурузы защищала их от палящего солнца. Жилось им, как видно, неплохо.

— Приживаются — сто процентов,— заметил Исамухамедов.

Нам навстречу сквозь ряды посадок, четко выделяясь на светлом небе, шла женщина. Солнце было за ее спиной, от этого лицо казалось совсем темным.

Она подошла. Мы увидели ее светлые, с рыжинкой волосы, голубые, как здешнее небо, глаза и ровные, тесно посаженные зубы. Она поздоровалась и непринужденно заговорила по-узбекски. Нас познакомили:

— Тамара Сергеевна Рыбникова, старший агроном.

Постепенно круг наших знакомых расширялся. Каждый подходил и здоровался по очереди, пожимая нам руки.

Глядя на зеленые островки отвоеванной земли среди белой крупной гальки, я вспомнила, как Газиз Хасанович Камаев, худой, загорелый и энергичный инженер-лесовод, рассказывал о безумном и злобном ветре-афганце. И вот тут, в старом, высохшем русле Чирчика, произошло чудо: я вдруг поняла, что встретила лицом к лицу сказку.

И я решила войти в нее...

АФГАНЕЦ И ЗЕЛЕНЫЕ ВОИНЫ

Лет двенадцать—пятнадцать назад хозяйничал в Беговате ветер. И не было с ним никакого сладу. Только посадят колхозники хлопок, как из красной пустыни Кызыл-Кум, через Ходжентскую горловину, налетал разбойник-ветер. Целую неделю с диким свистом и воем он крушил и ломал все на своем пути. Как серый, обезумевший дервиш, он визгливо хохотал и танцевал на изуродованных посевах дикий танец. А когда уносился дальше, колхозники горестно качали головами над исковерканным полем. Потом сажали наново, но расширять посевы не решались, и часть земель так и оставалась неосвоенной.

И вот однажды сказали инженеры из Министерства лесного хозяйства:

— Дайте нам неосвоенные земли, попробуем что-нибудь сделать...

Как-то утром услышали окрестные жители рокот моторов и голоса людей в поле. А когда пришли туда,— увидели, как люди в городской одежде ходили с рейками и мерили поле. Потом они уехали. А через некоторое время приехали снова с лопатами и стали сажать маленькие деревья.

Тогда жители засмеялись: глупые городские люди, вы не знаете Афганца, неужели думаете, он испугается этих маленьких, слабых прутиков?

— У меня была большая красивая яблоня, и Афганец не трогал ее. А недавно он рассердился и сломал ее пополам...

Самые старые, мудрые старики приходили, становились поодаль — руки за спину — и тоже смеялись: человек слаб, руки его не в силах изменить мир.

Люди из города не спорили и сажали деревца одно к одному в ряд. Длинный получился ряд, на двадцать один километр уходил он вдаль, а чтобы не сломал Афганец маленькие деревья, за их спинами стали другие ряды. На ширину шестьдесят метров.

Потом инженеры отсчитали 300 метров и посадили другой такой же ряд — двадцать один километр длины, шестьдесят метров ширины. Кончили и сказали колхозникам:

— Теперь, пожалуйста, сажайте между этими двумя рядами. И не бойтесь...

Посадили колхозники хлопок, а сами думают: ой, прилетит Афганец, что делать будем?

А Афганец тут как тут. Увидел издали маленькие зеленые деревья и засмеялся. Налетел, хотел сломать один ряд, смотрит, за ним другой встает, за ним третий, а дальше другая полоса. Совсем взбесился Афганец, аж об землю забился от злости, да поделать ничего не может. Побесился-побесился да и убрался. Люди скорей к полосам. Те деревца, что Афганец свалил, подняли, перевязали.

— Ну,— говорят,— это настоящие воины: Афганца не испугались.

А деревца стоят себе спокойно, все вместе. А когда вместе, ничего не страшно.

С тех пор слава о зеленых воинах разнеслась по всей республике. Колхозы и совхозы просили: пришлите, у нас арык обваливается, пусть закрепят берега. Другие говорили: «Пусть защитят от ветра». А третьи засухи боялись. Так много просили, что задумались лесоводы: откуда столько возьмем? Нужно новые выращивать, новые питомники открывать. А где? Земля-то вся занята. И стали искать землю.

КОГДА ДЕРЕВЬЯ РАСТУТ НА КАМНЯХ

Это было старое, высохшее русло Чирчика.

Игривая, капризная речка любила пересыпать камешки на бегу из ладони в ладонь. Пока бежала, теряла камешки, и они с удовольствием юркали под воду, прятались на дне. Так и набралось их слишком много; они надоели, стали мешать. И, как часто бывает, из развлечения превратились в обузу. Русло обмелело. Речке стало трудно, жарко. Тогда она бросила старое русло, перебралась на новое место и забыла свою прежнюю игру.

А галька, оказавшись на солнечном свете, увидела, как ее много, и возгордилась: «Вот какая я ценность — по камешку собирала меня вода, а не справилась, отступила. Теперь я сама себе хозяйка».

Но в один прекрасный день на белых буграх появились люди. Они долго бродили по камням среди осоки. А через некоторое время выросли, как из земли, домики. Небольшой отряд людей, вооруженных кирками и лопатами, вышел на борьбу с галькой. Среди них была одна женщина.

Трудное дело — добираться сквозь толстый слой камней до земли.

Галька возмутилась: с таким трудом собирали ее долгие годы, а теперь какие-то посторонние хотят ее выбросить как какой-нибудь обыкновенный камень. Стала она еще плотнее, еще упрямее скатывалась с лопат и носилок. Особенно упорно галька сопротивлялась женщине: всем известно, женщина слаба, нерешительна...

Но эта женщина не отступила: ее слабые руки только окрепли в этой борьбе.

Наконец первый клочок земли был освобожден. И сейчас же на нем посадили какие-то маленькие деревья.

Некоторые люди удивлялись:

— Кто видел, чтобы на камнях вырастали деревья? Когда это было?

Галька опять упрямо становилась на дороге у тоненьких, слабых корней. Вы уже, наверное, заметили, как ловко она находила себе противника послабее. Она не догадывалась, что, борясь со слабым, слабеет сама.

Деревца росли и росли, люди помогали деревьям, а деревья — людям.

Однажды утром галька увидела, что у нее перед носом вырос душистый зеленый островок белой акации. Акация горделиво осматривалась, обмахиваясь ветками: ей было жарко и надоедали пчелы. Ее скромные белые цветы пахли так сильно, что пчел становилось больше и больше. Они слетелись со всей округи в нарядных полосатых халатах и танцевали, опьянев от меда.

А под акацией стояли люди и смеялись. Один из них, худой, высокий, загорелый до черноты, небрежно ступая по гальке, подошел и осторожно сорвал две веточки. Одну он засунул себе под тюбетейку, а другую подал голубоглазой золотоволосой женщине. Женщина протянула руку, и все увидели на ее ладони рядом с цветком твердые светлые мозоли.

И всем стало понятно, когда на камнях вырастают деревья и цветут цветы.

Так шла сказка и незаметно привела нас обратно в сегодняшний ослепительный солнечный день. Мы стояли на белой галечной дюне, а перед нами во все стороны расходились участки.

Из-за посадки вдруг поднялся невысокий человек в большой войлочной шляпе.

— Наш поливальщик Усар Кадыров,— представил Исамухамедов.

— Самый главный человек,— добавила Тамара Сергеевна серьезно.

Да, в Средней Азии очень многое зависит от поливальщика.

Кое-где, выделяясь среди низких посадок, виднелись островки акаций. Выглядела она заброшенно и одиноко, словно бедная родственница. Странно, подумалось мне, почему бы это? Дерево не хуже других. И тогда бригадир Турдыкулов рассказал вот что.

...Белая акация была первым деревом, посаженным в питомнике. У акации хороший характер: она неприхотлива. Мало этого, она оздоравливает, улучшает структуру почвы...

Мы подошли совсем близко: листва пожелтела от солнца, но стволы были прямые и крепкие.

— Будем вырубать,—сказал Исамухамедов.— Потом сажаем платан, еще что-нибудь. Тогда посоветуемся... Раньше все было акация,— он обвел рукой участок,— теперь только здесь.

Островок акации на твердой, давно не рыхленной почве казался заброшенным. Вид у деревьев был грустный, но мужественный. Они определенно вызывали уважение.

Первые почти всегда рискуют жизнью.

Я посмотрела на Тамару Сергеевну. Она как будто поняла мою мысль и ответила:

— Ничего, она свое дело сделала...

Мы пошли рядом.

Тамара Сергеевна рассказала, как в 1947 году после окончания Воронежского сельскохозяйственного института по распределению попала в Узбекистан. Мне хотелось задать ей тот же вопрос, что моим землякам-дубочкам: «Ну, как вам тут живется?» Но она добавила:

— С тех пор так и осталась здесь. Уж на всю жизнь.

Да, приживаемость здесь была явно стопроцентная.

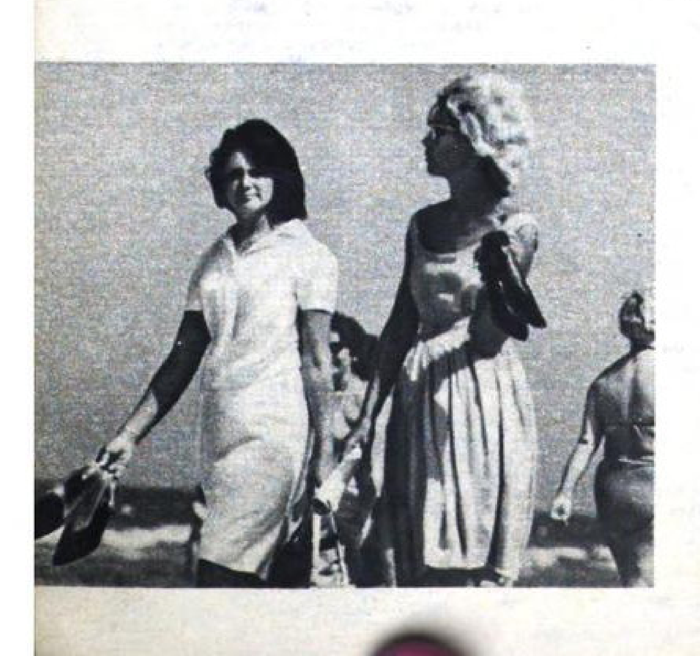
Тамара Сергеевна сказала Исамухамедову:

— Мухитдин Исамухамедович, нам бы бульдозер — этот бугор очистить.— Она показала рукой нам под ноги.

Вот когда выступило то, что мешало сказке оставаться сказкой. В лесхозе нет механизации. Сказочные дела люди делают без помощи современной техники. Бригадир Сайрам Турдыкулов просил прислать на один день машину для рабочих: город очень далеко, а транспорта нет. Начальник управления записал их просьбы. Может быть, они уже выполнены. Но, думается, для пользы дела будет лучше, если лесхоз получит свою машину и, главное, технику.

Оля Денисенко учится в школе и играет в самодеятельном ансамбле бандуристов.

ПОД ЗНОЙНЫМ СЕВЕРН

Существует предел, который нельзя перешагнуть на шпильках.

Традиционный день песни. Латышские песни и танцы пользуются успехом у гостей из самых разных уголков страны.

Н. СВЕТЛОВА, Ю. КРИВОНОСОВ

...ЫМ СОЛНЦЕМ

Все параметры этого великолепного курорта полностью соответствовали тем сведениям, которые мы собрали в популярных брошюрах, проспектах и рекламных плакатах. Длина пляжа действительно равняется восемнадцати километрам, и все эти восемнадцать километров заселены чрезвычайно густо и заполнены шумом. И вот в эту тесноту и шум люди рвутся отдыхать из самых отдаленных и тихих мест страны. Вероятно, пляжная перенаселенность полезна для здоровья.

Поездка на Рижское взморье начинается с тревог: какая будет погода? Этим и отличается Рижское взморье. Но едут сюда, не дожидаясь ответа на тревожный вопрос. По крайней мере мы прибыли в дождь. Мы пережили уныние всего многонаселенного побережья. Целый день мы сидели у моря и ждали погоды. Одновременно в раскаленной от зноя Москве от нас ждали срочного репортажа.

Впрочем, день не пропал даром. Мы узнали, что здесь можно не только отдыхать, но и лечиться. Этот климат полезен больным сердцам, местные грязи прекрасно лечат радикулит и ревматизм. Мы узнали, что в Булдури и Дубултах строятся новые рестораны. Скоро будет сооружено три курортных комплекса, несмотря на то, что сегодня на взморье уже функционируют хоть и небольшие, но тысяча двести двадцать одно здание, отведенное для отдыхающих. Существует генеральный план развития побережья. Из этого плана явствует, что здесь будет еще лучше. Открываются в школах на лето пансионаты для учителей. Работают дома отдыха матери и ребенка, в которые охотно пускают отцов и даже дедушек с внуками. Здесь проводят отпуск каждый сезон сто шестьдесят восемь тысяч организованных и, вероятно, не меньше неорганизованных отдыхающих.

Мы узнавали одно приятное сведение за другим. И, может быть, им не было бы конца, если бы вдруг перемена погоды не прервала наши познавательные занятия!

Солнце!..

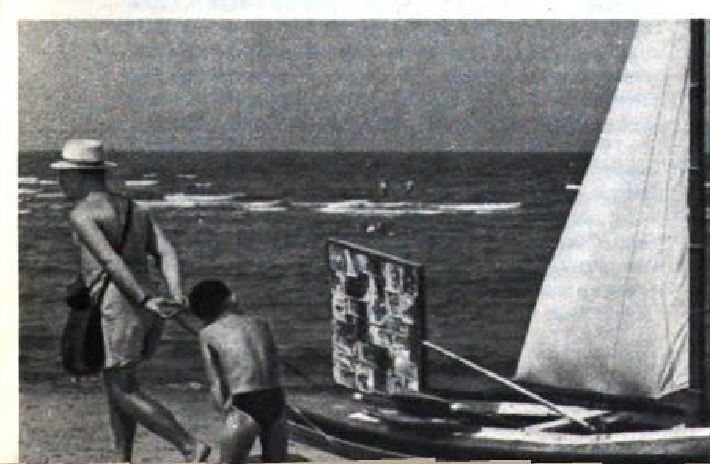
И мы отправились туда, куда немедленно ринулись все отдыхающие.

А в воде, оказывается, теплее!

← У каждого своя волна.

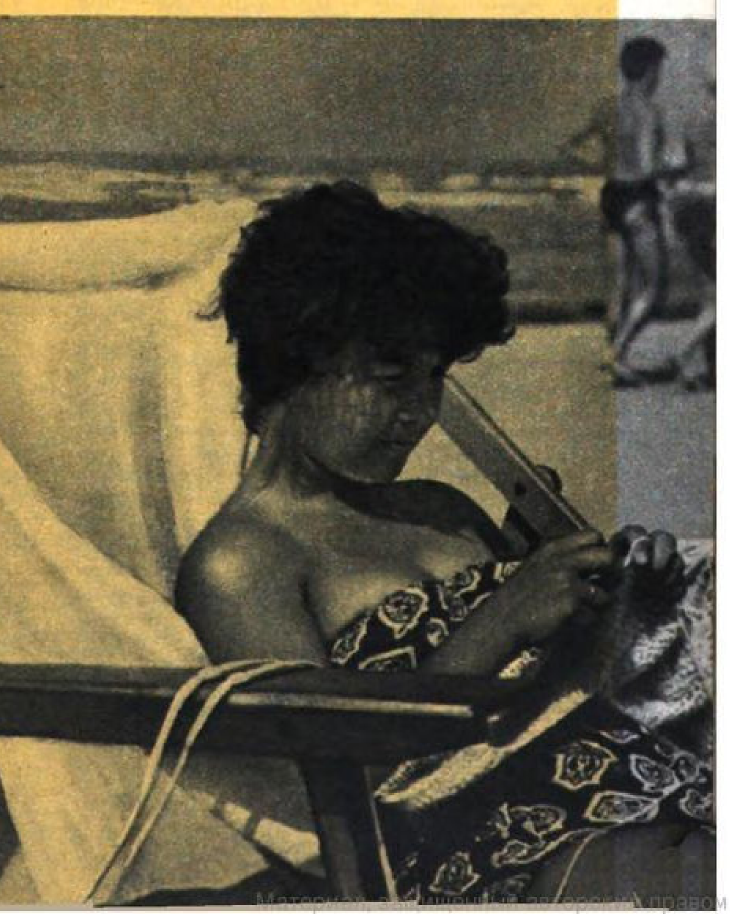
Таланты и поклонники.

Фотограф-передвижник.

Между прочим, зима не за горами.

Миколас СЛУЦКИС

Рассказ

Рисунки Вит. ВАЛЮСА.

Цена ботинок

Может, ничего такого и не случилось бы, если б не он, этот маленький твердолобый человечек, который не хотел ничего ни знать, ни понимать, например, что идет война, большая, кровавая война. Хоть расшибись, а достань, если, скажем, посреди белой, выжженной солнцем дороги ему захотелось холодной воды из колодца. Неважно, что по сторонам не видно никаких усадеб, не грустят колодезные журавли — сплошь поля да леса, а если где-то вдали и замаячит усадьба, так ведь любому ясно, что глупо сворачивать с дороги, которая хоть и петляет, хоть и томит жаждой, а все-таки ведет на восток.

Правда, он был мал, этот капризный человечек, лет девяти, а может, и десяти, но ведь и маленький мог бы понимать, что надо спешить, потому что за спиной гремит все громче, гремит так, что страшно обернуться, особенно по вечерам, когда небо горит, как пожар. Мал-то мал, но и маленькому уже пора знать, что, свернув с дороги, можно попасть в лапы белоповязочников, а они охотятся за беженцами еще яростней, чем за военными, потому что военные, хоть и отступают, все равно вооружены и злы; оттого и злы, что приходится отступать. В самом деле, человек лет девяти-десяти мог бы все это знать: ведь один раз уже нарвались на тех, что бродят с белыми повязками, когда поплелись за молоком к стоящей на отшибе усадьбе. Представляете, за молоком!.. И именно из-за этого маленького человечка, из-за его нытья понесло нас туда за молоком: увидел пасущихся коров, и приспичило ему молока. Все почуяли молочный дух, но мы-то поняли, что нельзя, а он нет: или бей его, тащи силой, или тут же сворачивай на проселок, к этой усадьбе, которая выглядела очень даже подозрительно, несмотря на мирное стадо и запах молока.

И кто знает, чем бы все это кончилось, не подоспей вовремя колонна советских танков. Люди, что крутились вокруг с винтовками, загнали нас в ригу и скрылись. Ясно, мы не стали ждать, пока они вернутся, пролезли в подворотню, выбрались через рожь на большак, а этот вредный человечек—думаете, он чему-нибудь научился? Стал послушней, сговорчивее? Не тут-то было!

Да, может, так и не случилось бы потом ничего такого, о чем стоило бы рассказывать и о чем следовало бы жалеть, если б не этот капризный человечек, затруднявший наше отступление своим противным чемоданищем и зимним пальто, с которым никак не мог расстаться. Представляете, как пекло тогда, в июне, а он ни за что не соглашается бросить толстое пальто на вате, с меховым воротником. И все же его капризы были гораздо тяжелее и того чемодана и пальто, которые мы, сами чуть постарше его, тащили по очереди, обливаясь потом и разевая пересохшие от жары рты, как рыбы в обмелевшей сажалке. Мы и без того жадно хватали воздух, даже если ничего не несли,— от отчаяния, от страха и надежды, которая не торопилась овеять нас прохладой и спокойствием...

Мы бы разинули рты уже от одного того, что недавно перелезли через раздувшуюся горой лошадиную тушу; дорога была забита, и требовалось во что бы то ни стало перелезть через эту лошадь с распоротым брюхом, а в нем кишмя кишели огромные мухи. Воздух весь провонял этой лошадью, и руки у нас воняли, хоть мы и не притрагивались к лошади, и не смыть было зловония, хоть мы и долго отмывались в речушке — у дороги блеснула вдруг, как стеклянная, речушка, и в ней журчала вода.

Так вот, не случилось бы ничего того, что, к несчастью, вскоре случилось, если б не этот зловредный человечек, а может, он и не был виноват: долго ли свалить вину на человека, особенно когда стрясется несчастье. К тому же ему было лет девять-десять, не больно много ума, хоть упрямства побольше, чем у взрослого,— десяток норовистых мужчин не заупрямятся так, как он! Конечно, стоило бы разок отлупить человечка, чтобы услышал, как мы задыхаемся под тяжестью его чемодана и зимнего пальто, понял бы наконец, что самолеты в небе не игрушки, а едкая пыль в горле все-таки лучше, чем винтовки белоповязочников под тенистыми деревьями, рядом с мычащими коровами,— напиться они, правда, позволили, только уж наверняка бы не выбраться нам оттуда живыми, если б не загремели танки...

Обязательно следовало вздуть его, всыпать по первое число, чтобы не смел больше артачиться, и задерживать всех, и навлекать несчастье за несчастьем на наши головы,—разве мало мы вынесли, и сколько еще суждено нам вынести?! И все же мы его не трогали, неизвестно, почему не трогали — уж не потому ли, что в каждом из нас сидел такой же одуревший, сморщенный человечек, который всем недоволен и все хочет и которого никто вокруг не желает понять, потому что идет война, тяжелая, кровавая война?

Вскоре после того как мы умыли руки и лица, а смрад лошадиной туши все равно остался — не могли же мы смыть из памяти страшное зрелище, и все обочины обмыть тоже не могли, любой поворот дороги мог внезапно оказаться похожим на тот, где торчала туша-гора,— мы вошли в небольшой пограничный городок. Еще не успели расспросить, что это за городок, далеко ли до Латвии, дадут нам здесь отдохнуть или не дадут,— в городках нас иногда кормили горячей похлебкой, а иной раз и корки хлеба не получишь! — как вдруг этот человечек с широким, упрямым лбом и носом, как шильце, совсем не идущим к его круглому, по-детски пухлому лицу, заорал, будто его режут:

— Ботинки, вот ботинки! Смотрите, ребята!

Мы смотрим и не сразу различаем эти ботинки, ведь наши глаза уже столько видели, что почти не видят, и, кроме того, картины, которые им открываются, чаще всего такие жуткие, что лучше бы и не видеть их. А крик человечка звенит такой, будто посреди пыльной дороги заалела душистая земляника, только нагнись и сыпь ее в рот!.. Надо было его хорошенько треснуть, едва он разинул пасть, чтобы крикнуть, надо было треснуть, и тогда, может, не случилось бы того, что сразу же случилось, но мы не стали его бить — наверное, потому, что все топали босиком, со сбитыми в кровь ногами, всю Литву они прошагали, эти наши запекшиеся, босые ноги. Нет, вернее, даже не потому оставили мы его в покое: пожалели молоденькую учительницу в грязном синем платье и с пропыленными, сбившимися в ком волосами.

Учительница пристала к нам по дороге, выбежав из какой-то деревни, и принялась опекать нашего вредного человечка, потому что он был самый маленький и, по ее убеждению, самый несчастный. Она сама была несчастна, очень несчастна, и ей, очевидно, требовался кто-то еще более несчастный, кого можно было бы утешать и таким образом чувствовать себя нужной, когда все вокруг неясно, даже чистое небо превращается вдруг в кромешный ад, а земля становится хрупкой, как стекло. Напуганная и несчастная, она почти ничем не могла нам помочь; правда, она не скоро

поняла, что мы опытней ее, умеем проворнее остановить грузовик, отыскать сено для ночлега, укрыться от самолетов, и бросалась командовать нами, однако быстро убеждалась в своей беспомощности, и ничего, кроме слез, мы от нее не видели. Скорее нам приходилось ухаживать за ней, совать кусок хлеба, чтобы не свалилась от слабости, заботиться о кружке воды, но нашего настырного непоседу она любила и баловала как только могла, махнув рукой на все его вредные выходки, тащила вне очереди тяжеленный чемодан.

Да, конечно, ради учительницы мы сдержались и не задали ему трепки, когда он радостно завопил, увидев ботинки. Мы знали, что уходим от немцев, а она, учительница, только и помнила, что в мае несла по деревне портрет Ленина, кто-то пригрозил ей, и, едва раздались первые выстрелы, она бросилась бежать в чем была и плыла, как беспомощная паутинка на ветру, пока не прибилась к нам. Если отлупить его, больно будет ей, и она станет еще несчастнее.

— Смотрите! Смотрите, ребята, сколько ботинок!

Мы смотрим, куда тянется грязный палец человечка, и действительно видим ботинки, целый магазин обуви, всевозможной обуви. За окном пестреют рулоны тканей, и одеяла, и посуда, но мы видим только ботинки, а в ушах звенит проделанная босиком долгая дорога, а в голове гудит еще более долгая, бесконечная, которую придется отмахать босыми ногами, если не обуемся здесь. Нас ужасно раздражает этот вопль «Ребята!», потому что знаем: без денег этим «ребятам» покажут шиш, как было уже не в одном местечке — напрасно приглядывались мы к обуви, к пище. А обуви, будто нарочно, какой только нет: черная, коричневая и еще каких-то расцветок, детская, женская и мужская, с голенищами и без, на шнурках и на застежках! Сияют начищенные носы, ухмыляются металлические пряжки, подмигивают маленькие, хитрые пуговки — на, выбирай, примеривай, а если почему-либо не берешь, то хотя бы приласкай взглядом, погладь руками, чтобы как можно дольше провожал в пути этот неповторимый запах новой обуви. И почему бы не попытать счастья?

Но мы стоим как вкопанные и не входим в магазин, потому что хорошо видим за окном продавца — здоровенного, раскоряченного детину в шелковой рубахе вишневого цвета. Широкие рукава перехвачены резинками, он вроде улыбается нам, а может, и не улыбается, не зазывает внутрь, он страшно занят: укладывает ботинки и ткани в мешки, а какой-то юркий тип вытаскивает их через заднюю дверь на улицу. Мы стоим, стоим как вкопанные, а вопль человечка «Ребята!» не смолкает в ушах; у учительницы начинают краснеть щеки и лоб, и шея тоже краснеет — ее шея такая тонкая, как у заплаканного ребенка!

У учительницы нет денег, просто даже неудобно сказать, чего у нее нет,— носового платка нету, слезы рукой вытирает. И учительница уже вся трепещет, потому что сейчас он, баловень, потребует ботинки, и обязательно у нее — у нас не больно-то потребуешь после того случая с белоповязочниками,— а у нее, учительницы, ни денег, ни смелости войти в магазин и попросить.

— Не пойду я дальше. Посмотрите, какие у меня ноги!..— вдруг говорит он жалобным голосом и валится на землю, в мягкую дорожную пыль, и начинает скулить, как щенок с подбитой лапой.

Еще и тут можно было отколотить его, но эти рыдания вызывают горячий всхлип, который подымается у каждого из нас в груди и застревает в горле, так что не сглотнуть, и все мы словно забываем, что наша учительница беспомощна, хоть она и учительница, хоть гораздо старше нас — мы смотрим на нее, как будто она стоит у себя в классе, возле доски, могущественная, как все, кто может вызвать к доске и спросить урок. И она решается, ее тонкая шея вздрагивает, она быстро взбегает по крылечку в магазин, и дзинькает звонок, словно раскалывая нашу жизнь на две части — на ту, что уже прошла, шлепая босыми ногами по дороге войны, и ту, что начнется скрипом новых, крепких ботинок, какая-то более уютная и безопасная.

Нам кажется, что промежуток тянется слишком долго, мы уже успели обуться, и разуться, и снова обуться, но вот звонок снова дзинькнул, и учительница вышла с пустыми руками, еще более несчастная, чем прежде, в своем запятнанном платье и со сбившимися волосами, а ей вдогонку несся зычный гогот вишневого продавца — такой откровенный, грубый хохот мы не раз слыхали в дороге, когда с учительницей заговаривали мужчины.

— Вставай, детка, пойдем...— проглотив обиду, ласково сказала учительница человечку, так как не нужно больше ничего объяснять, а идти нужно, идти, идти...

— Не пойду! Куда я пойду, если ноги не ходят! — хрипло заревел человечек, и голос у него стал таким густым, что мы удивились, и еще больше удивились, когда увидели кровь: он нарочно ногтем сковырнул болячку на правой пятке.

И тут, когда мы уже не знали, что и делать, как из-под земли вырос красноармеец. На войне всегда отыщется такой солдат, который не оглох вконец от бомбежки и внезапно проявит интерес к чужой судьбе, будто судьба одного или нескольких ребятишек — самое главное, в то время, как рушатся миллионы самых разных судеб; он дотошно выспросит, куда и откуда держишь путь, почему изъясняешься на таком непонятном языке и к тому же хочешь ли есть. Непременно отломит краюху хлеба, если будет от чего отломить, и возьмешь хлеб из его натруженных, тяжелых рук, словно величайшую драгоценность, и даже имени его не успеешь узнать, а хлеб и руки запомнишь на всю жизнь — встречаются такие солдаты.

— Вот как, не дает, гад![1] — удивился красноармеец и скрипнул зубами, когда учительница, задыхаясь от волнения, стыда и страха,— она так боялась этого солдата! — рассказала ему, почему тот маленький мальчик катается по земле и не встает.

— Немцу народное добро оставит?[1]

Он сдвинул пилотку с загорелого лба, взял винтовку наизготовку и занес ногу в пыльной обмотке на крыльцо, одним прыжком очутился в магазине, и мы ждем с вытянувшимися лицами, прислушиваемся, не услышим ли чего-нибудь, но внутри царила тишина, и нам стало уже не по себе, как вдруг дверь распахнулась от сильного пинка, ударилась о стену, растеряв стекла, а в пыль шлепнулась громадная связка ботинок.

— Обувайтесь, детки![1] — весело бросил красноармеец, так весело, что вместо глаз остались только черточки, и мы облепили связку, вытаскивая по ботинку, забыв и солдата и все на свете, потому что с запахом новеньких ботинок повеяло чистым детством, которое пропиталось на дорогах войны недетской горечью, обросло грубой коркой,— не той несмываемой грязью, которую мы отмоем, как только получим мыло и выкупаемся в настоящей бане — не той! Мы выбирали ботинки, поскрипывали новыми рантовыми подметками, тут же менялись, потому что кому-то достались чересчур большие, а кому-то малые, и действительно забыли красноармейца, даже облик его не сохранился бы в памяти, потому что был он весь в пыли, мокрый от пота, выгоревший на солнце, как все отступающие бойцы...

Мы не думали о нем, думать было некогда, ведь мы выбирали ботинки, а ботинок хватило на всех. Капризный человечек первым бросился мерить и отхватил сразу две пары, хоть все равно придется одну выкинуть: как он засунет в свой разбухший чемодан хотя бы один ботинок? Никто уже не думал о красноармейце, а человечек, наверное, меньше всех, он только ухмылялся, надув щеки, уверенный, что и запасную пару взвалит на других, как свой чемодан и пальто, а если никто не захочет тащить его ботинки, снова начнет скулить, как щенок с подбитой лапой.

Мы опробовали обутые ноги, как жеребята по весне опробывают землю копытами, и неожиданно услыхали смех учительницы — наверное, довольный вид самого маленького обрадовал ее, стер с лица следы грязи и стыда, и вдруг мы увидели, какая она красивая, веселая,— настоящая учительница! — и она будет такой, когда ей не придется больше бояться... Мы вслушивались в смех учительницы, который звенел как бы не здесь, а в школе, возле черной, исписанной мелом доски, и, быть может, если бы не этот привлекший нас смех, который напомнил далекую, как сон, школу, мы бы еще проводили взглядом славного бойца, поблагодарили хотя бы мысленно: ведь кто знает, встретимся ли с ним когда-нибудь и вообще встретит ли его кто-либо.

Однако этого красноармейца нам было суждено увидеть и вспомнить тут же, не успели мы еще нарадоваться новыми ботинками, не успела еще осесть пыль, поднятая его крупным солдатским шагом. Треснул выстрел, какой-то странный и ненастоящий, словно вопросительный знак, выстрел, а красноармеец как раз удалялся по улице, должно быть, уже вдоволь наглядевшись на наш бойкий топот. Он резко повернул голову, прислушиваясь, откуда стреляли и действительно ли кто-то стрелял, но в тот миг, когда его узкие глаза впились в окно обувного магазина, треснуло еще раз,— из магазина, оттуда стреляли! — и он осел, не успев сорвать с плеча винтовку. Потом мы увидели убегающего задами верзилу в вишневой рубахе и красноармейцев, бегущих за ним, стреляя на ходу, а мы как были в новых, скрипучих ботинках, так и стояли, оцепенев, а красноармеец как лежал, так и остался лежать в пыли, пока не подняли его сбежавшиеся товарищи...

Перевел с литовского Ф. ДЕКТОР.

[1] Эти фразы даны автором по-русски. (Примеч. переводчика.)

Дм. ИВАНОВ,
заслуженный мастер спорта

Фото Л. Бородулина.

А. Воробьев, чемпион XVII Олимпийских игр, и американский тяжеловес Н. Шеманский — главный соперник Власова и Жаботинского.

Ю. Власов и его тренер С. П. Багдасаров.

Богатырская дружина

В недалеком прошлом я был тяжелоатлетом. Были у меня и победы и рекорды. Но, откровенно говоря, когда кто-либо интересуется цифрами моих достижений, я стараюсь их не называть. Слишком они кажутся мизерными на фоне современных рекордов-гигантов. А прошло всего десять лет. Впрочем, в тяжелой атлетике сдвиги происходят так часто, что время нужно измерять не годами и даже не месяцами. Вот свежий пример в доказательство этой истины.

На чемпионате Европы хабаровский атлет легкого веса Владимир Каплунов завоевал золотую медаль, набрав в олимпийском троеборье 417,5 килограмма. Мы все поздравили Владимира с великолепным результатом: ведь он повторил мировой рекорд. Но вот прошла ночь, и из Белостока, где соревновались польские штангисты, была получена ошеломляющая весть: Вольдемар Бажановский побил три мировых рекорда советских тяжелоатлетов и набрал в сумме троеборья 430 килограммов!

Такова динамика «железной игры», как метко назвал тяжелую атлетику заслуженный мастер спорта Яков Куценко.

Сейчас нет такой страны, в которой бы не было богатырей-тяжелоатлетов. Примечательно, что даже княжество Монако прислало на европейский чемпионат в Москву сильного спортсмена Рене Батаглиа.

Монако находится в Европе — колыбели тяжелоатлетического спорта. А вот успех штангистов с далекого острова Кюрасао вообще труднообъясним. Недавно стало известно, что Хозе Флорес превысил два мировых рекорда для атлетов полутяжелого веса и намерен выиграть в Токио титул олимпийского чемпиона. Вот как далеко вширь разрослась тяжелая атлетика!

Двенадцатый раз тяжелоатлеты различных стран будут разыгрывать золотые медали на олимпийском помосте в Токио. Для наших спортсменов это будет четвертая олимпиада. Напомню, что четыре года назад в Риме советские богатыри завоевали чуть ли не все золото, выиграв пять первых мест и одно второе. Триумф был полным. На что же любители тяжелой атлетики могут рассчитывать сегодня, в новой обстановке, когда все хотят быть сильными, когда все стремятся стать первыми?

Не нужно обладать даром провидца, чтобы уже теперь, за два с лишним месяца до начала токийской олимпиады, предсказать нелегкую, но все-таки убедительную победу советским силачам. В командном первенстве им, конечно, не будет равных. А вот золотых трофеев мы можем недосчитаться. В Риме, кроме нас, к сейфу с золотыми медалями прицеливались штангисты США и Польши. Теперь же на первенство претендуют спортсмены многих стран.

В Токио каждая победа будет победой в квадрате, так как одновременно атлеты разыграют и золотые медали чемпионов мира, чего на прошлых олимпиадах не было. Это немаловажное обстоятельство тоже подольет масла в огонь борьбы тяжелоатлетов.

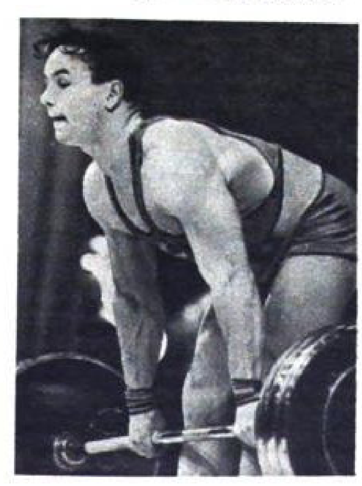
Кто же собирается соревноваться за титул чемпиона? Начну с хозяев помоста — японцев. У них есть спортсмен, который может потерять золотую медаль только из-за какого-нибудь непредвиденного случая. Это чемпион и рекордсмен мира полулегковес Иосинобу Миякэ. Ему я пока не вижу достойных конкурентов ни у нас, ни в другой какой-либо стране. Талантлив он необычайно, техника подъема штанги у него на грани фантастики, под стать этому и сила. В июне Миякэ увеличил потолок национального рекорда в троеборье до 385 килограммов. Крепыш весом в 60 килограммов толкает штангу в два с половиной раза больше собственного веса. Миякэ владеет четырьмя мировыми рекордами — этим в настоящее время не может похвастать ни один атлет мира.

Миякэ не одинок. Два штангиста легчайшего веса: Сиро Исиносеки и Хироси Фукуда — тоже занимают в мировом спорте довольно высокое положение. Исиносеки — рекордсмен мира в рывке, Фукуда — второй призер прошлогоднего мирового чемпионата. Этот японский дуэт является грозной силой для всех «геркулесов в миниатюре». Золото и серебро — на меньшее они не согласны.

Итак, две золотые медали забронированы хозяевами олимпиады. На такое же количество трофеев претендуют и польские штангисты. Они хотят быть первыми в легком весе и полутяжелом. И не без основания. Повторить римский успех намерен рекордсмен мира полутяжеловес Иренеуш Палинский, блестящий мастер толчка — финального упражнения. Очень высоко поднялись акции и легковесов — Вольдемара Бажановского и Мариана Зелинского. На последнем чемпионате мира в Стокгольме они оставили для Владимира Каплунова лишь третье место.

Очень сильны тяжелоатлеты Венгрии. Команду тренирует и возглавляет чемпион и рекордсмен мира Дьезе Вереш — бес-

Т. Коно, один из лучших тяжелоатлетов США.

А. Курынов на старте.

Л. Жаботинский улыбается...

спорный фаворит в средней весовой категории. Дьезе надеется, что в Токио кто-нибудь из его воспитанников непременно вырвется на верхнюю ступеньку пьедестала почета.

Пока я ничего не сказал о силачах США, которые на протяжении 15 лет были рядом с нами. Американские атлеты дали миру целую плеяду богатырей. Черный Аполлон — Джон Дэвис и его достойный ученик Джим Бредфорд; загадочный японец, восьмикратный победитель мировых турниров Томми Коно; невозмутимый Исаак Бергер; нестареющий Норберт Шеманский, который в сорок лет достиг суммы в 545 килограммов, став единственным соперником нашим тяжеловесам; итальянец по происхождению Чарльз Винчи, Давид Шеппард и, наконец, супермен прошлого десятилетия Пауль Андерсон. Благодаря усилиям этой когорты американская тяжелая атлетика завоевала 47 золотых трофеев на мировых первенствах и олимпийских играх. Однако розы отцвели: на последних двух мировых первенствах штангисты США не сумели занять первых мест.

И все-таки думаю, что «мальчики» мецената и тренера Боба Гоффмана последнего слова еще не сказали. Может статься, что «воскреснет» Коно и даст бой Верешу, может, откажется от «красивой» жизни Бергер и, сменив ресторан на тренировочный помост, совершит спортивный подвиг — все может быть. Во всяком случае, американцы постараются отстоять в Токио хотя бы ту единственную золотую медаль, которую они получили в Риме.

Есть еще один претендент на славу самого сильного. Это негр из Англии, трехкратный чемпион мира Луис Мартин. Он, конечно, сделает все возможное, чтобы сохранить за собой мировое первенство в полутяжелом весе. Не исключено, что на олимпиаде бой дадут те спортсмены, которых мы пока недооцениваем.

Что же наши будущие соперники оставляют нам? Они не щедры! Зарубежные специалисты тяжелой атлетики не ставят под сомнение наш приоритет только в одной весовой категории — тяжелой. И это действительно так. Сегодня никто в мире не может конкурировать на тяжелоатлетическом помосте с советскими богатырями Юрием Власовым и Леонидом Жаботинским.

Я убежден, что дружеское соперничество Власова и Жаботинского увенчается в конце концов взятием 600-килограммового рубежа, о чем десять лет спортсмены не осмеливались даже говорить в шутку. Вот почему мы не сомневаемся, что самая главная золотая медаль — медаль за победу в тяжелом весе — будет наша.

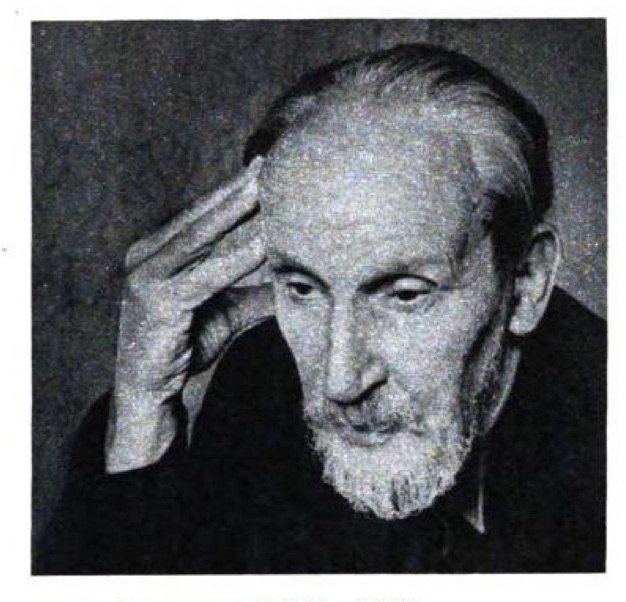
Ясно вырисовывается превосходство советских атлетов и в полусреднем весе. Наша сборная располагает тремя спортсменами, каждый из которых способен привезти золотую медаль. Многим еще памятна сенсационная победа Александра Курынова над Коно в Риме. И вот теперь у героя римской олимпиады появились молодые соперники, которые бесцеремонно начали отбирать у него мировые рекорды: два армейских атлета — киевлянин Владимир Беляев и хабаровский штангист Виктор Куренцов. На чемпионате Европы Куренцов отвоевал у Курынова рекорд в троеборье и тем самым озадачил тренеров сборной команды СССР: кого же после этого посылать в Токио? Может, тоже обоих?

Такую дилемму придется решать тренерам при определении кандидатов на поездку в Страну восходящего солнца почти в каждом весе. Вне конкуренции, на мой взгляд, только чемпион мира в легчайшем весе Алексей Вахонин. Ученик прославленного Рудольфа Плюкфельдера выступает с завидным постоянством и проигрывать японским силачам не намерен.

Готовится к олимпийским баталиям и сам Плюкфельдер. Хотя ему уже пошел 37-й год, он почти на каждом соревновании устанавливает новые рекорды страны, и для меня не будет неожиданностью, если Плюкфельдер в Токио победит Вереша.

Ближе всех к месту предстоящих олимпийских игр расположен Хабаровск. Но, думаю, не этим объясняется небывалая активность тяжелоатлетов этого города. Года три назад мы впервые услышали имя офицера Советской Армии Владимира Каплунова. Всем на удивление он сначала стал мировым рекордсменом в жиме, а в 1962 году завоевал в Будапеште звание чемпиона мира. В Хабаровске появился ориентир для молодых атлетов. И вот на московском чемпионате Европы мы увидели сразу трех представителей Хабаровского края: Каплунова, Куренцова и Голованова.

Сейчас рано определять окончательный состав олимпийской сборной. Я называю здесь только имена кандидатов. Наши тренеры, в этом можно не сомневаться, отберут в богатырскую дружину самых достойных. Я верю, что любителям спорта не придется краснеть за своих тяжелоатлетов. В дни олимпиады они выдержат трудный экзамен.

Герой Социалистического Труда Александр Георгиевич Лорх.

Фото Г. Копосова.

Воспитатель растений

Ю. ПОЛКОВНИКОВ

Уважительно и ласково думается о профессии селекционера. Люди-творцы, они лепят растения по своему желанию, открывают в них необыкновенные способности и мобилизуют их на службу человеку.

Увлечение биологией определило жизненный путь Александра Георгиевича Лорха. После окончания Московского сельскохозяйственного института (теперь Академия имени Тимирязева) он занялся сначала клеверами, а затем навсегда связал свою судьбу с картофелем. Чем привлек Лорха этот выходец из Южной Америки? Может быть, блистательной карьерой, которую за короткое время сделал картофель? Теперь он кормит миллионы людей. Мы готовим из него полсотни блюд.

Были времена — с этим растением творилось что-то неладное. Стебли его чернели, словно обугливались от невидимого огня. Возникал картофельный мор. В чем дело? Тайна болезни волновала А. Г. Лорха.

Прежде всего нужно было разобраться в семенном фонде страны, научить земледельцев определять сорта. Александр Георгиевич и его ближайший помощник Г. Я. Артюхов обходили крестьянские поля, брали образцы картофеля, сравнивали их с коллекцией, полученной из-за границы, и определяли сорт. Но это был только начальный этап работы.

Несколько лет шло накапливание фактов и отдельных закономерностей, пока наконец ученому не удалось составить первый в России определитель сортов картофеля. Теперь крестьяне могли отбирать для посадок сортовые клубни, имевшие 28 процентов крахмала, а не 15, как раньше.

Лорх организует на селекционной станции курсы агрономов. Он не устает объяснять, показывать, обучать людей искусству сортоиспытания, распознавания шифрованных симптомов болезней. С самого начала в ученом проявилась замечательная черта — быть всегда с земледельцем. Он доносил до него добытые нелегким трудом знания исследователя и сам черпал у истоков народного опыта.

Однако все это было скорее предысторией большого научного подвига ученого. Его тянуло к исследовательской селекционной работе. Хотелось посмотреть, что находится по ту сторону хребта, угадать сокровенные тайны растения, взять в свои руки законы эволюции, стать, так сказать, партнером природы.

Считалось, что создавать новые сорта картофеля в России невозможно, так как растение плохо цветет. В самом деле, только 10 процентов картофельных посадок давали семена.

Александр Георгиевич устанавливает, что для цветения растению нужен избыток углеводов в стеблях. А углеводов не хватало: они все стекали вниз, в клубни. Нужно было преградить им дорогу, построить внутри стебля маленькую плотинку. Но как? Ученый находит выход. Он прививает картофель к томатному стеблю: ведь томат не прячет свои углеводы в землю. Действительно, отток питательных веществ прекратился, несколько сортов картофеля зацвели.

Но не все. Особенно упрямился японский сорт «генерал Нодзу». Он гордо отвергал «брак» с томатами. Но ученый знал множество способов, как убедить растения. «Генералу» скрутили стебель (так, чтобы не обломить) и посадили под колпак с углекислым газом. И «генерал Нодзу» сдался. Так растения открывали Лорху самое дорогое и ценное в себе, покорно шли по нелегкой дороге, по которой он их вел.

— Не всегда выходило то, что хотелось,— шутит теперь ученый.—Получалось, как говорят, то рыба, то женщина, и не сразу — целая русалка.

Но вот несколько сортов создано. Как проверить их? За границей ученые обычно испытывали растения в течение 10—15 лет, так, чтобы проверить их и в дождливый и в сухой год.

Александр Георгиевич не мог пойти на это. Ему важно было выиграть время. И он нашел другой путь. Он разослал новые картофельные сорта в разные концы страны, во все почвенные зоны и климатические пояса, с подробной инструкцией для исследователей — как проводить наблюдения. За три года сортоиспытания были закончены. По урожайности, содержанию крахмала, вкусовым достоинствам на первое место вышли сорта «лорх» и «кореневский». Они обладали самым ценным качеством — пластичностью, способностью быстро приспосабливаться к местным условиям.

И вот сорта стали размножаться. Теперь сорт «лорх» прижился в 72 областях, краях и республиках. Он занимает площадь в 500 тысяч гектаров.

А. Г. Лорх пришел к выводу, что лучшим удобрением для картофеля является древесная зола. В ней есть все элементы питания в самых оптимальных пропорциях. Благодаря применению золы в 1947 году был получен рекордный урожай картофеля — 1 331 центнер с гектара. Астрономическая цифра плодородия! Но, оказывается, и это не предел. Работая с растениями, Лорх открыл удивительную вещь. При хороших условиях клубни на одном гектаре могут за сутки прибавить в весе до 45,6 центнера. Значит, оптимальный урожай может быть равен 2 400 центнерам, ведь картофель нагуливает урожай в течение двух месяцев.

Но где взять золу для тысячекилометровых пространств колхозных и совхозных полей?

— Зола есть,— рассказывает Александр Георгиевич.— В лесах сжигается огромное количество верхушек деревьев и сучьев. Каждый гектар лесозаготовок дает одну тонну золы. Несколько раз обращались мы в Госплан СССР, но там не знают, кому поручить сбор золы. Богатство пропадает втуне.

Неподдельная горечь слышится в словах ученого. А в самом деле, неужели так трудно найти охотников за сокровищами, пока не решена в стране проблема полной утилизации древесных отходов?

Все знают, как сажать картофель. Но ученый и здесь находит оптимальные варианты.

— Медвежья услуга — высадить картофель редко, чтобы пустынька была вокруг него,— говорит ученый.— В этом случае корни растения распластываются по поверхности. Им лень тянуться в глубь земли. Да и зачем? Все азотистые вещества находятся сверху. А ведь именно из азотистых кирпичиков складывает растение свое тело. Но вот наступает лето с его душным жаром. Почва подсыхает. Грунтовые воды опускаются в нижние горизонты. Вот бы зачерпнуть оттуда водички! Но корни коротки. Ботва жухнет. Происходят простои фотосинтеза. Наоборот, при загущенных посадках корневая система, испытывая конкуренцию со стороны соседей, вынуждена уходить в глубокие нижние горизонты. И когда наступает сушь, растения не страдают от недостатка влаги.

Очень важно, — продолжает рассказывать Александр Георгиевич,— не только то, что мы, ученые, делаем и как мы делаем, но и то, как нас понимают. Приходится, как говорится, работать для науки и писать для народа. Что греха таить — трудно бывает иному усвоить сухой паек знаний, понять все детали картофельного производства. Некоторые хотят, чтобы посадил — и само выросло. Им бы найти ружье, которое не только било птицу, но и жарило. Но так не бывает. Если хочешь победить природу, то беззаботностью этого не добьешься. Тут важно все: сорт, питание, уход. Знать все новое, что рождается в лабораториях ученых и в самой жизни.

...Мы сидим в кабинете ученого. Я смотрю на его узловатые, трудовые руки, выдающие возраст, и вспоминаю английское выражение: человек с зелеными пальцами. Так называют в Англии людей, обладающих талантом растениевода.

Ему исполнилось недавно 75. Но разве может он оторваться от любимого дела? Его сила, как у Антея,— земля. У него еще много мыслей, творческой энергии, затаенных задумок исследователя...

Лайош Деак-Эбнер. 1850—1934. БУРЛАКИ. Около 1900 года.

Шандор Лицен-Майер. 1839—1898. ФАУСТ И МАРГАРИТА. 1880-е годы.

Прощание

Семен КИРСАНОВ

Я помню Пер-Лашез.
Его стена
близка мне.
Там коммунара жест
запечатлен
на камне,
расстрелянных предтеч
в бессмертье
облик врезан.
Туда идет
кортеж,
несущий гроб Тореза.

Он поднят
высоко
рабочими плечами,
там
медленность шагов
под музыку молчанья.

А далеко,
в Москве,
на флаге траур плещет
и гроба
скорбный вес
несут и наши плечи.

Мы говорим:
— Торез! —
как Франция, горюя.
Он тот,
кто наотрез
отверг судьбу другую.

Судьбою
выбрал он,
как в Октябре Россия,
мир без нужды,
без войн,
без страха,
без насилья.

Он был любим
страной,
как Карманьола,
юной,
и он наследник твой,
Парижская
Коммуна!

Мы — одного родства
и общей веры
люди.
В словах
«Париж» — «Москва»
родство двух революций.

В одном родстве —
маки
с лесами Беларуси.
И наших две реки
вразброд
не разольются!

В жестоких лагерях,
в железных
общих узах,
в печах смешался прах
и русских
и французов.

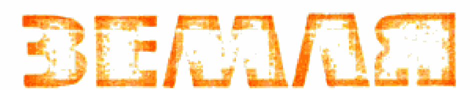
Пусть вечно помнит мир
дым крови,
лязг железа...
Мы — братья.
Вместе мы
на набережной Тореза.

Наконечник гарпуна и пластина из моржового клыка.

Д. А. Сергеев.

В Москве с 3 по 10 августа состоится VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. В его работе примет участие около двух тысяч ученых более чем из 80 стран мира. На двух пленарных заседаниях конгресса, на 224 заседаниях его 26 секций будет прочитано более тысячи докладов. Если вспомнить, что на VI конгрессе в Париже присутствовало 825 человек и было прочитано 327 докладов, то можно считать, что московский конгресс будет самым представительным.

О некоторых проблемах, которые будет обсуждать конгресс, мы рассказываем в этом репортаже.

СКОЛЬКО ВЕСИЛИ НАШИ ПРЕДКИ?

В сказках народов всего мира действуют герои — люди исполинского роста, наделенные огромной физической силой, а так как сказки живут с глубокой древности, то возникло предположение: а не населяли ли когда-то землю великаны, гиганты, титаны, воспоминания о которых остались в памяти народов в виде мифов, былин, легенд? Ученые сравнительно недавно научились высчитывать рост человека по его костям, и оказалось, что наши предки в среднем были такого же роста, как и мы. Но как же все-таки выглядели древние обитатели земли? Советский антрополог профессор Г. Ф. Дебец нашел способ «взвесить» наших предков. Иными словами, сумел определить по массивности костей скелета вес ископаемых людей. «Взвешивая» людей, населявших в древности территорию нашей страны, Г. Ф. Дебец пришел к интересному выводу: наши предки отнюдь не были гигантами. Правда, в некоторых районах — на Украине, в Поволжье, Южной Сибири — в эпоху нового каменного века жили люди, средний вес которых достигал 82—85 килограммов (для сравнения скажем: средний вес современных людей — 62—65 килограммов). Как видите, мы стали легче наших предков, наши кости стали менее массивными.

Ну а как будет дальше развиваться человек? Авторы научно-фантастических романов любят рисовать человека будущего этаким уродливым существом, с непомерно развитой головой и почти целиком, за ненадобностью, атрофированным телом. Неужели человечество ждет такое печальное будущее? На этот вопрос пытался ответить в своей работе кандидат исторических наук В. П. Алексеев.

На протяжении многих последних тысячелетий человек антропологически почти не меняется. И нет никаких оснований думать, что темп эволюции может возрасти. Скорее всего наши потомки мало чем будут отличаться от нас.

КЛАДБИЩА НА ЧУКОТКЕ

Сколько научных открытий обязано случайностям! Утверждая это, любят ссылаться на легенду о яблоке, упавшем на голову Ньютона. Но при этом забывают, что яблоки падали и до Ньютона, а когда великого физика спросили, как же всё-таки удалось ему открыть закон земного притяжения, он ответил: «Я думал об этом».

Одна из интереснейших археологических находок последнего времени была также обнаружена как будто бы случайно. Но случайность эта подготовлена, в ней есть своя закономерность.

Дориан Андреевич Сергеев вырос на Чукотке. Окончив в Ленинграде факультет народов Севера, он возвратился в родные места учительствовать. В поселке Урелик молодой учитель организовал школьный этнографический кружок. В поисках интересных материалов о народах Чукотки он вместе с кружковцами во время летних каникул отправлялся в далекие походы. Однажды, приехав в поселок Уэлен, чтобы изучить остатки древних эскимосских поселений, и зайдя в дом к одному из жителей поселка, Сергеев заметил у него какой-то необычный предмет из моржовой кости. «Откуда это у вас?» — поинтересовался он. «Рыли траншею, наткнулись на какие-то человеческие кости, там валялась и эта вещичка».

Сергеев вместе со школьниками произвел раскопки. На небольшой глубине было найдено два саркофага из китовых костей, а в них погребения — человеческие скелеты, обложенные орнаментированными гарпунами, наконечниками стрел, кинжалами, ножами. О своей находке Сергеев написал в Ленинград, и на Чукотку приехала экспедиция, возглавляемая профессором М. Г. Левиным.

Уэленское кладбище оказалось огромным. Возраст его — более двух тысяч лет. Найденные в могильнике вещи показали, что на Чукотке издавна жил народ, существовавший охотой на морского зверя, народ, не знавший железа, но создавший свою культуру. Прежде считалось, что эскимосская культура формировалась только в Америке. Теперь ясно, что развитие этой культуры протекало и на азиатском континенте. Это окончательно подтвердилось, когда произвели раскопку второго эскимосского кладбища, в Эквене, тоже найденного Д. А. Сергеевым.

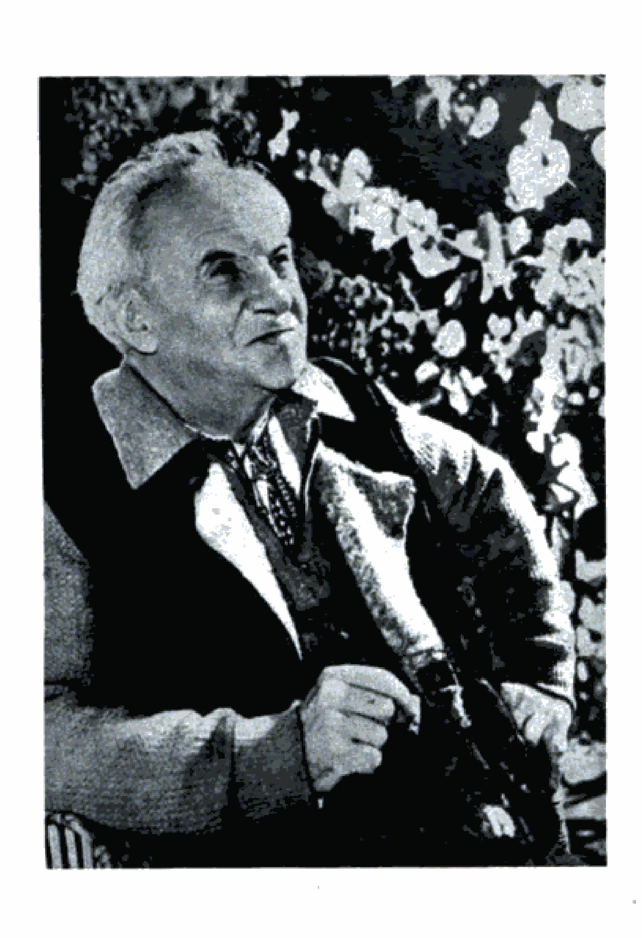
СЕДЬМОЯ МЕЖДУНАРОДНЫЯ

— Решение созвать VII Международный конгресс в Москве свидетельствует о признании мировой общественностью больших заслуг советских этнографов и антропологов,— сказал нам Генеральный секретарь конгресса профессор Георгий Францевич Дебец. — Конгрессы антропологов и этнографов всегда являлись ареной дискуссий носителей прогрессивных и реакционных взглядов в науке. Правда, после военного и политического разгрома гитлеризма среди ученых никто не осмеливается открыто проповедовать расизм. Кстати, я убежден, что для того, чтобы утверждать, будто негры или евреи — неполноценные люди, вовсе не надо быть ученым. Достаточно быть прохвостом и подлецом. На нашем конгрессе мы не ждем расистских выступлений, но и у нас в наших семнадцати симпозиумах разгорятся жестокие споры с учеными — представителями реакционных теорий, которые объективно могут сыграть на руку расистам и колонизаторам. Так, например, на одном из симпозиумов будет идти речь о периодизации первобытного общества. На первый взгляд какой далекий от современных проблем вопрос! Но это только на первый взгляд. Американский ученый Л. Г. Морган, чьи труды использованы Ф. Энгельсом в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», считал, что самой ранней формацией человеческого общества был первобытный коммунизм. Буржуазные ученые отрицают существование бесклассового общества. Движущим стимулом развития общества, по их мнению, был частнособственнический инстинкт, частная собственность существовала всегда. А если продлить логическую нить их рассуждений, то окажется, что они утверждают: частная собственность извечна, она существовала и будет существовать всегда. Вот как оборачиваются иногда абстрактные научные споры.

На конгрессе мы будем говорить об особенностях культуры и быта разных народов. А на земле живет 1 600 народов. Распространение антропологических и этнографических знаний помогает народам лучше узнать друг друга, способствует изживанию национальной отчужденности, недоверия и неприязни. И, значит, вносит немалый вклад в дело мира. В этом важнейшая цель конгресса.

Л. КАФАНОВА

ОГРОМНАЯ ПОТЕРЯ

Советский народ, наша культура понесли тяжелую потерю.

Ушел от нас один из самых активных строителей новой жизни, первоклассный украинский поэт, коммунист, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий, академик Максим Фаддеевич Рыльский.

Можно было бы не перечислять все чины и звания, которыми отметила Родина своего достойного сына, достаточно было бы сказать просто «поэт Максим Рыльский», чтобы в сердцах многомиллионных читателей возник образ блистательного художника и прекрасного человека, о котором сегодня скорбит несметное число людей.

Но в том-то и дело, что за каждой из перечисленных степеней стоит не просто сухая, официальная мета пройденного пути, а горит и светится разными яркими гранями достоинство мастера и жизнелюба.

Когда я говорю «поэт», я вижу Максима Рыльского во всеоружии редкого умения проникать в тайны человеческой души, видеть и различать тончайшие особенности внутреннего мира человека, любить и чувствовать вечную красоту природы, возвышать труд, радоваться его раскрепощению. И все это делать средствами звучного, отборного слова, образно, емко, масштабно.

Когда я говорю «коммунист», я вижу принципиального, прямого и честного солдата революции, убежденного ленинца, подлинного партийного интеллигента — Максима Рыльского, бойца за правду.

Когда я говорю «депутат», я вижу Максима Рыльского в жарких хлопотах, в состоянии неусыпного беспокойства, направленного к единственной цели — оправдать доверие избирателей, помочь, направить, утешить, сотворить добро — поддержать по праву и наказать по заслугам.

И, наконец, когда я говорю «академик», передо мной в полный рост встает фигура высокообразованного, просвещенного литератора-следопыта, разведчика и толкователя, словотворца Максима Рыльского, маститого ученого, ревниво влюбленного в свою родимую украинскую мову и очарованного не одним десятком других, отечественных и зарубежных языков.

Вот какими значительными, бесценными качествами отличался этот добрый, общительный, остроумный, полный привета человек!

Демократизм Максима Рыльского, его отзывчивость и доступность были известны и в Киеве, и в Москве, и в тихом кабинете, и на рыбалке у ночного костра, лукавый разум его вызывал доверие и симпатию и веселье. Недаром так сродни были ему два других выдающихся украинца — Александр Довженко и Остап Вишня! Простым, сердечным и правдивым был этот большой поэт и большой ученый. Впрочем, тут удивляться нечему: большие, истинно значительные люди другими быть и не могут.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Максим **РЫЛЬСКИЙ** и Юрий **СМОЛИЧ**

«Рідна м

Эту историю рассказал нам в поезде один рабочий-железнодорожник из Нежина. Произошла она в нежинской городской больнице несколько лет тому назад, и он был, можно сказать, живым свидетелем случившегося, так как лежал там в хирургическом отделении после операции. А история эта всколыхнула тогда весь персонал больницы, всех больных.

В родильное отделение поступили две женщины. Одна — жена приезжего майора, «домашняя хозяйка», как пишется в анкетах, другая — студентка, кажется, педагогического института. У студентки мужа не было, и отец будущего ребенка никому не был известен. То ли бросил девушку любимый, то ли разошлись они полюбовно — никто толком ничего не знал, и сама она никому не жаловалась и не рассказывала о себе. Словом, будущему гражданину сулилось быть одним из тех горемычных, которым в загсе в графе об отце ставится этот традиционный, распроклятый, до сих пор законом не упраздненный прочерк — холодная, равнодушная и обидная черточка!

Но держалась будущая мать храбро и мужественно, или, да позволено нам будет сказать именно так, женственно! Ребенка ждала с радостью, была бодрой, даже веселой, легко и просто смотрела в будущее, щебетала о том, как она будет любить своего первенца, и мечтательно гадала, кем будет ее дитя: летчиком или врачом, если девочка?..

Только по вечерам, когда все уже давно в палате спали, молодая женщина горько плакала, зарываясь лицом в подушку.

Вполне естественно, что все в палате — и персонал и будущие матери, а больше всего те счастливицы, которые только вчера или позавчера разродились,— к своей товарке, которой предстояло родить, по сути, сироту, относились особенно приветливо и ласково. Они сговорились между собой взять шефство над ее ребенком. И поскольку студентка была откуда-то из дальнего села, а ее родители об ожидаемом внуке понятия не имели, все молодые мамы и мамы будущие готовили обездоленному младенцу приданое: кто распашонки из приготовленных для своего ребенка откладывал, кто — смену пеленок, одни — куски полотна на первые свивальники, кто-то — чепчик, нашлось и одеяльце.

В этой секретной подготовке участвовала и жена майора — она отдала несколько хорошеньких вещичек из приобретенных ее мужем для будущего ребенка. Отдавала она с легким сердцем и совсем равнодушно не только потому, что всего было больше чем достаточно, так как ее муж был очень заботлив и любовно занимался обмундированием своего будущего первенца, но еще и потому, что относилась к предстоящему событию с каким-то непостижимым отвращением. Ребенка не хотела — уступила желанию мужа,— родов ждала как неизбежности и горько сетовала на свою судьбу. Боялась болей и мук при родах, боялась осложнений после рождения ребенка. А больше всего, если уж говорить правду, ее удручало сознание, что роды испортят ее фигуру, которая, кстати сказать, была у нее прелестная. Всем в палате она показывала свои фотографии и переживала, глядя на свой изуродованный беременностью стан. Она и впрямь была очень красива, а особенно выделялась по сравнению с девушкой-студенткой, невзрачной на первый взгляд, но озаренной какой-то внутренней красотой, к которой нужно было присмотреться. У нас в таких случаях говорят, что она обаятельна, а французы употребляют слово «шарм».

И вот час настал — начались роды почти одновременно у обеих женщин.

Жена майора разродилась благополучно, несмотря на свое природное изящество — тонкая и гибкая, с узкими бедрами. Схватки тянулись изнурительно долго, но все обошлось без каких-либо нарушений или осложнений.

Ее муж безвыходно сидел в вестибюле больницы, даже ночевать домой не уходил. И все спрашивал — врачей, сестер, санитарок, даже у швейцара допытывался: как там дела, как там жена, очень ли страдает, не угрожает ли ей опасность и какие виды на появление на свет его ребенка? Он порядочно надоел всему персоналу, в общем-то, привычному к нервам будущих отцов.

Но хуже всего пришлось майору в минуту наибольшей его радости — когда ребенок наконец появился на свет. С первым его криком пришло и первое горе для молодого отца: мать до того разнервничалась и раскапризничалась, что не пожелала даже и взглянуть на своего первенца... Велела унести девочку с глаз долой и груди ей не дала.

Майора до того ошеломила эта весть, что он схватился за сердце,— пришлось давать ему капли...

Врачи и сестры успокаивали майора как могли, уверяли, что

«О добром в людях» — под таким заголовком в № 5 журнала «Огонек» за 1963 год была опубликована статья Максима Рыльского. Автор писал тогда: «Как-то после совместной поездки по Украине мы с Ю. К. Смоличем целый вечер проговорили «о добром в людях» и пообещали друг другу побольше писать на эту тему. В меру сил мы это обещание выполняем. О добром в людях, а не о добрых людях — именно так мы сформулировали свою тему».

Получилась целая книга. Сегодня мы публикуем одну из ее глав. Всякий, кто прочтет этот рассказ, услышит живое биение доброго сердца Максима Рыльского.

...ТИ МОЯ»...

так бывает, что все это пройдет, что только в первые минуты может появиться такое отвращение у матери к ребенку, что инстинкт возьмет свое и мать скоро опомнится, потребует малышку и полюбит ее крепко и нежно. Незачем попусту волноваться и надрывать сердце...

Майор немного успокоился. К жене его, конечно, не пустили, ребенка показали через окно, и он побежал в город купить цветов для матери и другое приданое для ребенка: девочка родилась черноволосой вопреки пепельным волосам матери, в тон которых и покупалось приданое...

Тем временем родила студентка.

Роды были очень тяжелые: ребенок родился мертвым.

Ни с чем не сравнимо горе молодой матери, когда неживым приходит в мир ее первенец. Печальна эта история, хотя люди и оценивали ее по-разному. Роженицы утешали несчастливую мать: не печалься, мол, ты молодая и здоровая, у тебя еще все впереди... Но некоторые — между собой, конечно,— потихоньку судачили: она ведь мать-одиночка, что ждало ее ребенка? Ничего хорошего! Лучше уж пускай его совсем не будет!

Словом, все по-разному, не всегда уместно, обсуждали больные это событие, но вместе с тем сердечно и дружески старались развлечь безутешную мать. События следовали одно за другим, и вскоре родильная палата была встревожена поведением жены майора, которая категорически отказалась кормить ребенка, боясь, что это пойдет ей во вред.

Тут уж осуждение было единодушным. Буквально все — и больные и медицинский персонал — были искренне возмущены эгоизмом и черствостью молодой матери. А ее муж, майор, совсем растерялся — от горя, возмущения, стыда. Он только что вернулся в больницу с ворохом детского приданого для дочери и огромным букетом для жены. Принес, кроме того, кучу сластей и витаминизированных продуктов: апельсины, лимоны, яблоки, виноград, икру...

Но что было делать с девочкой, если мать отказывалась ее кормить? Неужели сразу начинать с искусственного питания?

Тем временем палатные сестры с разрешения врача — а вдруг одумается мать? — подложили нежелаемую девочку студентке. Дело вполне обычное для родильного отделения: у одной матери не хватает молока, у другой его в избытке, чего только не бывает!

Неудачливая роженица — молодая студентка — радостно приняла чужого ребенка и нежно прижала его к груди. Тяжело было смотреть на нее в эти минуты: как радовалась она малютке, и как одолевало ее безутешное горе. Она смеялась радостно, когда малютка жадно припадала к ее груди, и плакала одновременно, поглощенная мыслью, что ее родное дитя так и не увидело света...

Чтобы успокоить майора, ему сказали, что его ребенок в надежных руках: его кормит молодая мать,— и в конце концов он узнал историю студентки и несчастливый конец этой истории. Майор попросил все лакомства и фрукты, принесенные им жене, разделить пополам: жене, чтобы скорее поправлялась, а студентке — чтобы набиралась сил.

Майор снова ушел и вернулся еще с одним букетом цветов — для передачи студентке.

Так прошел первый день, прошел второй... Жена майора не принимала ребенка и по-прежнему не желала видеть его. А студентка кормила и лелеяла ее дочь.

Так миновал третий день.

Майор наведывался ежедневно, засыпая подарками обеих женщин. Наконец роженицы поправились и поднялись с постели. Пора было выписываться из больницы. Все это время майор аккуратно навещал обеих, обеим передавал всякие яства, а студентке каждый день приносил свежие цветы.

Выписались женщины тоже вместе. Их встретил в вестибюле майор — отец ребенка, муж своей жены, совсем чужой человек для студентки, бесконечно ей благодарный и признательный. Первой вышла студентка с ребенком — тут они и познакомились. Потом появилась жена.

Увидя ее, майор пришел в такую ярость, что не захотел было брать жену из больницы. Но пересилил охватившее его возмущение. Так они и ушли втроем...

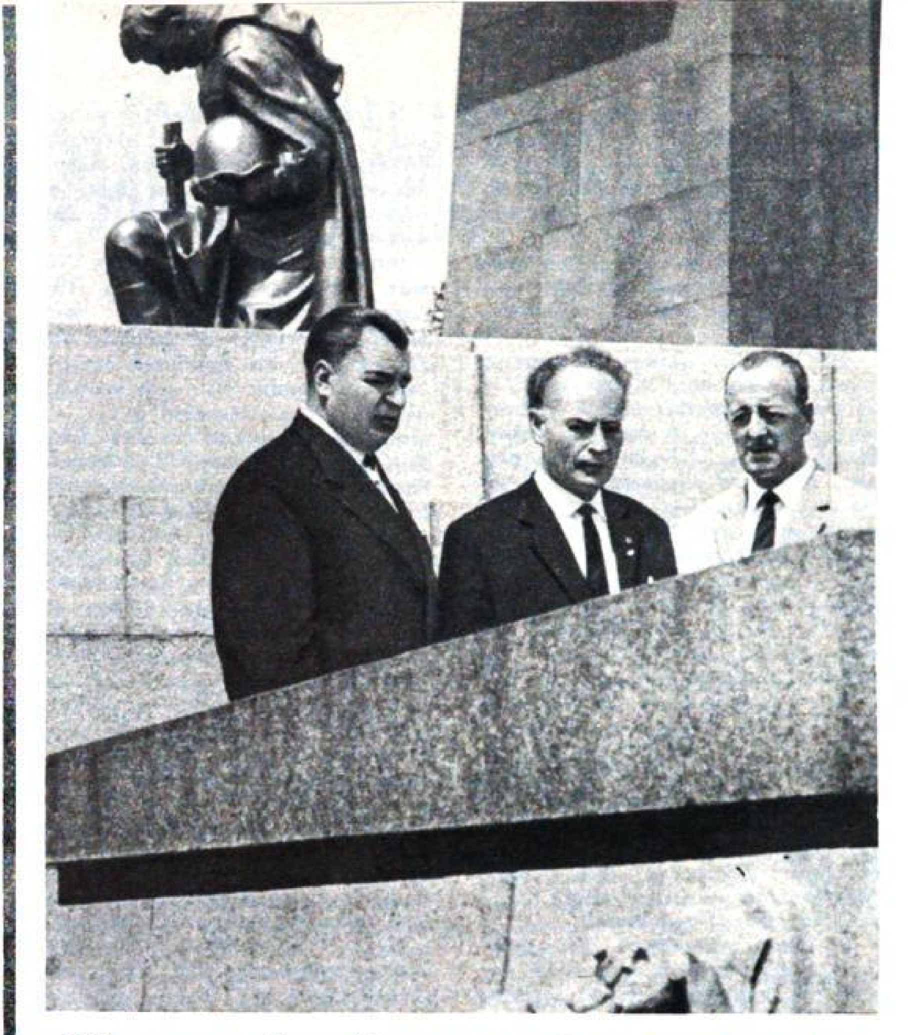
Вы спрашиваете, что же было дальше, чем закончилась эта история?

Вскоре майор разошелся со своей женой, матерью его ребенка. И женился на студентке, которая стала ему женой, а ребенку — родной матерью.

Началось с глубокой признательности, затем чувство росло и крепло, пока не вылилось в любовь, сочетавшуюся с уважением к тому хорошему, что в ней было, в этой неприметной студентке. И она тоже полюбила его.

Хорошая из них вышла пара. И ребенок был хороший.

Авторизованный перевод Т. СТАХ.

В Трептов-парке. Василий Букреев, Борис Липкович, Эрвин Гешоннек.
Фото автора.

ТРОЕ С „КАП АРКОНА"

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Мы подъезжали к Берлину. На контрольно-пропускном пункте парень в зеленой форме Национальной народной армии ГДР, вежливый и деловитый, заглянув в наши паспорта, козырнул как-то очень неофициально — весело и приветливо.

— Gute Fahrt![1]

Мои спутники не отрываются от окошек машины. Я уже привык к этому. Около полутора тысяч километров мы проехали по Германской Демократической Республике, и все время вот так, напряженно прильнув к стеклу, они вглядываются в лицо страны. В лицо Германии.

Проносились мимо поля с желтыми аккуратными пятнышками стогов, где-то на горизонте батареями труб прорисовывались силуэты заводов и электростанций. Летела дорога, рвалась из-под колес тугими лентами автострад, ныряла в узкие улочки средневековых саксонских городов, взбиралась на зеленые холмы Тюрингии. А они смотрели, смотрели...

Это было не первое их знакомство с Германией. Первое произошло гораздо раньше.

Майор-артиллерист Василий Букреев впервые увидел Германию из окошка тюремного вагона. Его везли в шталаг — лагерь для военнопленных. А до этого были бои под Москвой, бои в тылу гитлеровских войск в составе гвардейской группы Доватора. И последняя, отчаянная схватка возле деревни Бабоеды, когда тяжелораненого майора вытащили из разбитого блиндажа не свои, а чужие солдаты...

Трижды Василий Букреев бежал из лагерей. Ночью по звездам шел на Восток. Днем прятался в лесах, в стогах сена, таких же ровных, желтых, аккуратных, как те, что мелькают за окнами машины. Иногда слышал немецкую речь — тот же язык, что мы слышим сейчас, когда останавлива-

[1] Доброго пути!

емся, чтобы заправиться бензином или перекусить. В темноте переползал через автострады — автобаны, как их здесь называют. После третьего побега — лагерь смерти Нойенгамме.

— В концлагере нам всем прострочили машинкой дорожку от лба к затылку. Мы ее называли «автобан»...

Это говорит Борис Липкович. Голос у него мягкий, певучий. Он из Минска, профсоюзный работник. Это сейчас. А тогда, в войну, был летчиком. И Германия открылась для него впервые с воздуха. Не красотой своих ландшафтов, а военными объектами, которые нужно было уничтожить, шквалом зенитного огня, сквозь который нужно было пробиться. И он пробивался. Много раз. До того случая, когда снаряд ударил в корпус бомбардировщика и пришлось прыгать. В темноту, в ночь, в Германию.

Третьего человека в нашей машине, который сидит впереди, рядом с шофером, зовут Эрвин Гешоннек. Он сухощавый, подтянутый, элегантный. На улице, случайно встретившись с ним, люди толкают локтем друг друга:

— Смотри, Гешоннек!

Он очень популярен. Как может быть популярен выдающийся киноактер, трижды лауреат Национальной премии ГДР. Кто не помнит его в роли полковника Иохима Эберсхагена в фильме «Совесть пробуждается»? Миллионы телезрителей во многих странах смотрели эту потрясающую киноэпопею. Но лишь немногие знали, что роль офицера-аристократа исполнял потомственный пролетарий, коммунист-тельмановец, прошедший через тюрьмы и концлагеря «третьего рейха».

...Наша машина мчится мимо Восточного вокзала Берлина — отсюда уходят поезда на Варшаву, на Москву; мимо Красной ратуши — вон она там мелькнула в просвете улиц; мимо Александерплац, где заканчивается строительство высотного красавца Дома учителя. На Унтер ден Линден, возле памятника жертвам фашизма и милитаризма, застыли в карауле солдаты. В конце улицы, над Бранденбургскими воротами, черно-красно-золотой флаг с молотом и циркулем — государственный флаг ГДР.

— Вы знаете, какое сегодня число? — обернувшись к нам, спрашивает Гешоннек.

Да, мы знаем. Сегодня 22 июня. 22 июня 1964 года. Двадцать три года назад началась «операция Барбаросса». Здесь, в Берлине, по огромному кабинету имперской канцелярии бегал страшный человечек с мутными глазами и потным клоком волос, прилипшим ко лбу. Хлопая себя по бедрам, как подвыпивший бюргер, он кричал о блицкриге...

Только что мы проехали мимо развалин имперской канцелярии — это неподалеку от площади, которая теперь называется Тельманплац. А в берлинских утренних газетах за 22 июня на самом видном месте читали объявление о большом митинге: заместитель председателя Совета Министров ГДР д-р Эрих Апель и заместитель председателя Государственного совета Геральд Гёттинг расскажут берлинцам о визите в Советский Союз товарища Вальтера Ульбрихта и о значении подписанного в Москве договора дружбы.

У дружбы советских и немецких патриотов своя история, сплетенная из миллионов человеческих судеб. Василий Букреев, Борис Липкович, Эрвин Гешоннек — трое из миллионов.

Читатели «Огонька», быть может, помнят, что в начале 1963 года, когда на советских телеэкранах с огромным успехом шел фильм «Совесть пробуждается», в нашем журнале был опубликован очерк, рассказывавший о тех, кто создавал фильм. В очерке говорилось и об Эрвине Гешоннеке. Среди откликов, полученных редакцией, оказались письма людей, которые вместе с Эрвином Гешоннеком находились в концлагере Нойенгамме и на лайнере «Кап Аркона» — туда по приказу Гиммлера были отправлены заключенные из Нойенгамме. Корабль с живым грузом должен был выйти в море и исчезнуть.

3 мая 1945 года, когда передовые части войск союзников уже подходили к Любекской бухте, «Кап Аркона» была потоплена английскими бомбардировщиками. Погибли тысячи людей. Спаслись немногие. Точно их число не было установлено, но, вероятно, оно не превышало 250—300 человек.

В декабре 1963 года, встретившись с Эрвином Гешоннеком в Берлине, я передал ему письма от бывших заключенных Нойенгамме П. Лазоренко, Е. Матвеенко и Н. Жука. Во время той встречи Эрвин рассказал об интернациональной антифашистской организации концлагеря Нойенгамме, в которой плечом к плечу боролись коммунисты из Советского Союза, Германии, Бельгии, Чехословакии, Югославии и других стран. Он передал мне фотографию: группа руководителей лагерной организации Сопротивления в первые дни после освобождения, во время торжественной церемонии в память погибших.

— С этим человеком я дружил,— сказал, показывая фотографию, Эрвин Гешоннек.— Его звали Василий, он майор Советской Армии. Жив ли он сейчас? Где другие? Не знаю.

В «Огоньке» и в берлинском журнале «Вохенпост» был напечатан очерк «Человек с «Кап Аркона»[1]. Мы обратились с призывом: «Живые, отзовитесь!»

Пришло около четырехсот писем, в том числе больше ста — от бывших узников «Кап Аркона». Письма были со всех концов Советского Союза — от Ангарска до Харькова, от Латвии до Таджикистана. Находились люди, потерявшие друг друга много лет назад.

Работу, начатую «Огоньком» и «Вохенпост», продолжили десятки газет. О трагедии «Кап Аркона» писали «Труд» и «Советская Латвия», «Казахстанская правда» и «Советская Мордовия», «Рудный Алтай» и «Белгородская правда», норвежская «Фрихетен» и югославская «Нин»... Это был рассказ об антифашистском братстве людей разных национальностей, родившемся за колючей проволокой.

...В один из дней в Берлине, на квартире Эрвина Гешоннека, раздался телефонный звонок. В трубке — взволнованная речь. Ломаный немецкий язык... Это звонил из Минска Борис Липкович. Потом были еще и еще звонки... «Берлин, Эрвина Гешоннека» — такой заказ часто приходилось принимать телефонисткам с международной станции. Эрвин рассказал берлинским журналистам о письмах и звонках из Советского Союза.

— Как было бы хорошо встретиться с друзьями...

И радио ГДР решило организовать такую встречу.

В конце июня в округе Гера проходил большой праздник социалистической культуры — VI Рабочий фестиваль ГДР. На него радио ГДР совместно с Объединением свободных немецких профсоюзов и Обществом германо-советской дружбы пригласило Василия Александровича Букреева, Бориса Ильича Липковича и автора этих строк. Друзья из Берлина предупредили нас об одном условии: «Помните, Эрвин ничего не должен знать. Мы хотим, чтобы эта встреча была для него неожиданностью...»

Два дня мы жили в ГДР в обстановке строжайшей конспирации. Прямо с аэродрома Шенефельд, минуя Берлин, нас увезли в Дрезден.

Мы побывали в Веймаре — городе-философе, тихом и степенном, в шумном Лейпциге; смотрели старинные княжеские замки, в которых сейчас музеи или дворцы пионеров...

И ждали. Ждали встречи.

...Нас провели в зал Народного дома Йены незадолго до начала радиопередачи. Она называлась «Mit dem Herzen dabei» — это можно перевести по смыслу примерно как «От всего сердца». Передача, необычайно популярная в республике.

Это был интересный и умный разговор с залом, разговор, в котором, кроме тысячи двухсот зрителей, участвовали миллионы радиослушателей. Организатор и энтузиаст передачи Ганс Георг Понесски два с лишним часа держал зал в напряжении. Люди слушали голос Галины Улановой, пригласившей в Москву молодую работницу Маргит Парницке. Эта берлинская девушка с блеском сыграла роль Насти в спектакле по «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Галины Николаевой, поставленном в народном театре. Потом аплодировали пожарной команде Йены, лучшей в республике. Команду вызвали в зал по тревоге, и она примчалась в полной форме, со шлангами и огнетушителями. Веселое сменялось серьезным, зритель и слушатель радовался, негодовал, волновался вместе с людьми, которых вызывал к микрофону Понесски.

...Зал слушал. Ни шороха, ни вздоха.

— Вы будете сейчас свидетелями необыкновенной встречи. Встречи людей, которые не виделись девятнадцать лет,— говорил Ганс Георг Понесски.— Эти люди были вместе в концлагерях. Они были вместе на корабле смерти «Кап Аркона». Русский, немец, белорус. Они были братьями в борьбе против общего врага — фашизма. Они прошли через пули, через пытки, через ледяную воду Любекской бухты, которая должна была стать их могилой.

На сцену вышел Эрвин Гешоннек. Он... Впрочем, пусть он сам говорит. Я повторю его рассказ, записанный через час в гостинице «Интернациональ».

— Я не мог понять, зачем меня пригласили в Йену. Первый секретарь горкома Лотар Вебер меня встретил, привез сюда. Я чувствовал, что-то готовится. Но что? Когда меня вызвали на сцену, я не представлял себе, что произойдет. Я думал, попросят что-нибудь прочитать или, может быть, вручат какую-нибудь грамоту. И вдруг слышу: «Эрвин!» И два человека стоят рядом со мной. Василий, Борис. Я узнал их почти сразу. Ну, если не в первую секунду, то во вторую. У меня буквально ноги подкосились...

Они сидели вместе до рассвета. Эрвин немного говорит по-русски, Борис Липкович — по-немецки. «Помнишь?.. Помнишь?..»

На следующий день все центральные газеты Германской Демократической Республики рассказывали об удивительной встрече трех товарищей по борьбе.

* * *

Эрвин Гешоннек, Василий Букреев, Борис Липкович... Трое с «Кап Аркона». К ним подходили незнакомые люди, пожимали руки. «Рот фронт!» — поднял кулак седой высокий мужчина со шрамом на щеке — мы встретили его в Гере, на фестивальном концерте.

Та Германия, которую Василий Букреев и Борис Липкович узнали двадцать с лишним лет назад, уничтожила Минск и Роттердам, зажгла печи Дахау и Нойенгамме. Та Германия приговорила к смерти миллионы людей. В церквах немецких городов на каменных поминальных досках, украшенных железными крестами, имена. Длинная цепь имен. Немецкие парни. Они жили здесь. Катались на мотоциклах, любили девушек. Потом умерли. На Востоке. Бесславно, хотя о «героической смерти за фатерланд» — за отечество — вещают поминальные доски...

Эрвин гордится своей новой Германией. В эти дни неугомонно и торопливо он показывал ее нам. ГДР. Истинное отечество немецких патриотов.

Мы встречались и с прошлым. В Заксенхаузене сейчас музей. Эрвин знал этот концлагерь. Все те ужасы, о которых рассказывает экспозиция, ужасы, которые кажутся сегодня неправдоподобными, Эрвин Гешоннек пережил здесь сам.

— Мы должны каждый день, каждый час напоминать миру обо всем этом,— говорил Гешоннек.

В Заксенхаузене была встреча еще с двумя бывшими узниками «Кап Аркона». Один — Эрнст Гольденбаум. Невысокий, живой, с седым венчиком волос. Он председатель Крестьянской партии ГДР, член президиума Народной палаты. Один из видных государственных деятелей республики. Второй — Руди Гогуэль. Долговязый, худой, очень моложавый. В 1933-м он написал мелодию «Болотных солдат» — песни, которая сложена в концлагере Бёргермоор и которой подпевала вся Европа:

Wir sind die Moorsoldaten
Und ziehen mit den Spaten
Ins Moor. . .

В один из дней Гешоннек, Букреев и Липкович приехали в Трептов-парк. Светило солнце, и шумели березы. Весело гоняли по асфальту две белобрысые девчушки. Экскурсовод что-то втолковывал на английском языке группе туристов. А трое немолодых мужчин долго молча стояли возле камня, на котором пламенели красные гвоздики.

Берлин — Москва.

[1] См. «Огонек» № 2 за 1964 год.

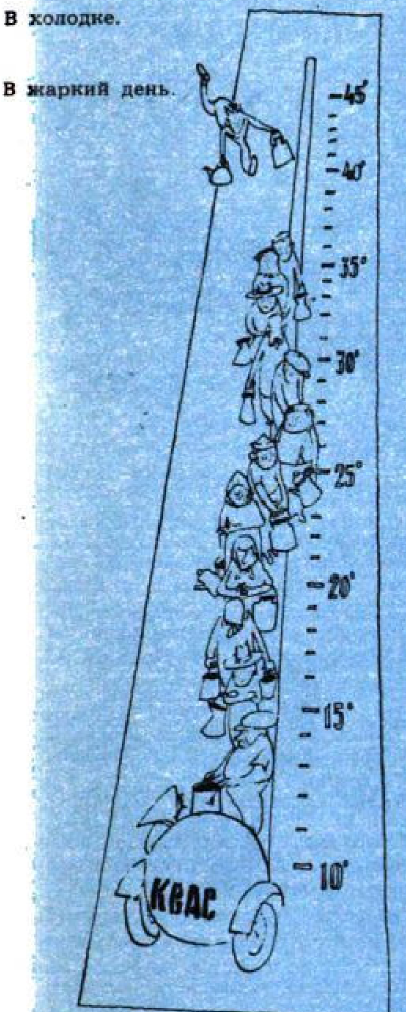
И. СОЧИВЕЦЬ

Оздоровительная Кампания

Юмореска

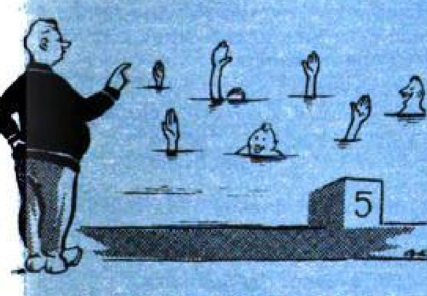

В холодке.

В жаркий день.

Рисунки Ю. Черепанова.

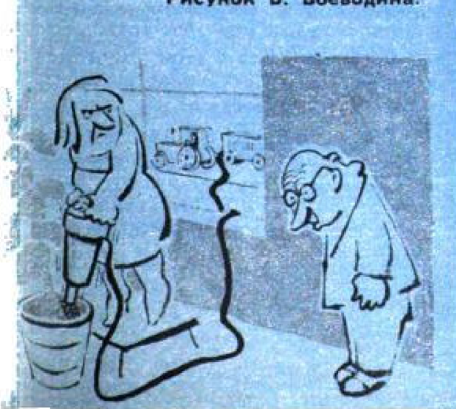

— Поднимите руку, кто не умеет плавать!

Рисунок В. Тамаева

— Говоришь, ты поливал фикус за время моего отпуска?

Рисунок В. Воеводина.

Меня утвердили начальником пионерского лагеря, не спрашивая даже моего согласия. Просто пригласили в завком, и Олег Максимович, председатель наш, сказал:

— Такое дело, Полозюк. Решили мы отправить тебя на целое лето в Дубровное. Как говорится, обществу послужишь и сам отдохнешь. Работы там не так много. Штат у тебя будет солидный. Главное — общее руководство. Наблюдение...

Говоря откровенно, назначению я обрадовался. На курорты мне никогда не везло, а тут сразу на три смены в лес, к реке! Я уже собирался уходить, как председателя завкома снова ко мне.

— Погоди-ка,— остановил он меня на пороге,— чуть не забыл об одной мелочи. Знаешь, друже, будешь ехать в лагерь, захвати с собой мою тещу. Понимаешь, мы с женой имеем путевки в Крым, а тещу хоть в ломбард закладывай. Так уж, пожалуйста. А чтобы никто там не придирался, назначь ее в штат кем-нибудь. В камеру хранения, что ли. Понял? Ну, вот и хорошо. Прощай! Счастливого отдыха!

Такой оборот дела несколько испортил мое приподнятое настроение, но это еще не было большим горем. «Черт с нею, с этой ломбардной тещей,— думал я,— как-нибудь обойдется! А штат, конечно, надо подобрать хороший...» Эти мои рассуждения прервал главный инженер Иван Терентьевич Смокалка.

— А, привет!— пожал он мою руку.— Радуешься? Это я тебя в лагерь рекомендовал.

— Спасибо,— ответил я, смущаясь.— Думаю, не подведу. Постараюсь.

— Э-э-э, одной благодарностью не отбояришься,— таинственно оглянулся Иван Терентьевич,— тут надо делом ответить. Словом, голубка, пристроишь моего старика в лагерь. Ему нужно побольше свежего воздуха, а в центре города, да еще летом, разве как в лесочке? Да он тебе не будет и лишним. Можешь его сторожем назначить. Не забудешь?

В тот же день у меня был любезный разговор с главбухом и кассиром. Каждый из них сердечно поздравил меня с ответственным поручением, пожелал успехов и предложил на должность библиотекаря по штатной единице.

— Моя жена хоть и без специального образования, но начитанная, страшно любит книжки и читает их даже за обедом, — взяв меня за пуговицы, прошептал главбух Костяшко.

— Вам Костяшко хочет подсунуть в библиотекари свою жену?— отвел меня в сторону кассир Бабура.— Не берите. Она, кроме любовных романов, ничего в жизни не читала и испортит вам воспитание детей. А моя Ксения Зотовна для вас находка. Благодарить будете.

Дома меня ожидал новый сюрприз. Не успел я вымыть руки, как раздался звонок. Входит Петро Вовнянка. И не как-нибудь входит, а сразу бутылку на стол.

— Давно,— говорит,— не беседовали с тобой, а очень нужно.

Никогда я с этим Петром дружбы не водил, мало знал его, но из квартиры, сами понимаете, не выгонишь.

— Слыхал я,— уже повеселев, продолжал свой разговор Вовнянка,— что тебя начальником лагеря назначили. Хорошо сделали. Я бы сам за тебя голосовал. Особенно ценно, что человек ты справедливый, отзывчивый. Выручи меня, век не забуду! У нас поселилась тетя. Сам знаешь, как это, когда почти чужой человек в доме...

Теперь я убедился, что штат мне подбирать не придется. Он уже у меня укомплектован. И довольно капитальный, от которого никуда не денешься. К тому же и в семье началось.

— Чужих берешь, устраиваешь,— насела на меня жена,— а про своих забыл. Как хочешь, а в лагерь еду я с двумя детьми, забираю маму, и еще просилась Кира, подруга моя. Помнишь ее? Ну вот так!

Перед самым отъездом вызвал меня директор.

— Хвалю за энтузиазм!— вполне серьезно сказал Антон Платонович.— Верю, что все будет благополучно. Самое главное, чтобы не было жалоб. Кстати, вам, кажется, библиотекарь нужен, имею подходящую кандидатуру. Это моя кузина...

Три дня курсировали машины из города в Дубровное. Легкие дощатые ворота лагеря, над которыми красовался транспарант «Добро пожаловать», почти не закрывались.

Первой прибыла теща председателя завкома. Она обошла территорию, осмотрела все строения и, не обращая внимания на мои возражения, заняла комнату с верандой.

В один и тот же час, но в разных машинах приехали жены главбуха и кассира. Поселиться в одной комнате наотрез отказались.

— Лучше как-нибудь перемучаюсь в изоляторе. Я ведь там и в прошлом году жила,— успокоила меня жена главбуха.

А жена кассира, показывая на жену главбуха, подчеркнуто сказала:

— Только вы, молодой человек, не подумайте бросить меня на растерзание этой тигрице с золотыми зубами. Она страшно храпит ночью.

Жена кассира согласилась жить на втором этаже служебного коттеджика.

Отца главного инженера удалось устроить в подсобку вещевого склада, директорскую кузину — в читальный зал библиотеки.

Тетка Вовнянки, моя семья и подруга жены, Кира, разместились в пионерской комнате. Больше других служебных помещений не было.

На четвертый день встречали детей. С горем пополам рассовали их по палатам.

На первом организационном совещании я с трепетом в душе объявил приказ о распределении обязанностей. Когда дошло до параграфа, из которого все узнали, что библиотекарем будет Мария Мануиловна, кузина директора, из многих глаз на меня полетели огненные стрелы, и я почувствовал недоброе.

Тут же мне, словно генералу капитулировавшей армии, продиктовали условия лагерной жизни и режима.

— Я не переношу горна и барабана,— сказала теща председателя завкома,— а потому прошу как-то обходиться без этих атрибутов!

— А я охрану лагеря буду нести только днем,— заявил старик главного инженера.— Ночь для того и дана, чтобы спать. Да и красть у нас нечего.

Жена кассира на весь сезон заказала себе диетический стол, на что жена главбуха бросила ехидную реплику:

— Дома все едите, а тут перебираете. Лично я выступаю лишь против вегетарианских дней. Они только организм выводят из ритма.

Мария Мануиловна пожелала одного: библиотечные книги раздать детям сразу на всю смену.

Когда мы остались в узком семейном кругу, моя жена тоже не смолчала:

— Ты смотри и о нас не забывай. Ты нас на отдых привез или на съедение?

Я окончательно утратил покой и надежду. Главное, я был бессилен выполнять все продиктованные мне требования. К моему несчастью, каждое утро кто-нибудь из детей играл на трубе, бил в барабан, а хор заводил бодрую песню.

И тогда посыпались жалобы. А через неделю в Дубровном состоялось выездное заседание завкома. Красный, как рак, сидел я и слушал колючие слова председателя, который еще не так давно поздравлял меня с назначением.

— Посылая вас начальником лагеря,— рубил ладонью воздух Олег Максимович,— мы надеялись, что вы, товарищ Полозюк, проведете оздоровительную кампанию на высоком уровне. Оказывается, мы ошиблись. Еще ни одного года не было столько жалоб из лагеря, как сейчас. И это ведь пишут не дети, а взрослые, опытные и уважаемые люди, которым мы верим! Даже ваша жена кое о чем сигнализирует. Придется сделать организационные выводы!..

Организационные выводы были сделаны. Меня освободили от обязанностей начальника лагеря.

Остальные же остались на своих местах. Они счастливо будут отдыхать в Дубровном все три смены.

Перевел с украинского Е. ВЕСЕНИН.

Как шериф в южном штате Барри М. Голдуотер был бы идеален. Но как президент?!.
Фото и подпись из журнала «Штерн».

НЕОБЫКНОВЕННАЯ БЕСЕДА с Барри Голдуотером

Генрих БОРОВИК,
обозреватель «Огонька»

Они пришли ко мне вечером, когда я сидел за столом, обложившись справочниками, стенограммами пресс-конференций, речей, цветастыми американскими еженедельниками.

— О чем пишем? — спросил Симоненко.

— О Голдуотере,— пояснил Богачев, взглянув на первую страничку в моей машинке.

— Задал он вам, журналистам, работку,— усмехнулся Симоненко.

— А интересно было бы сейчас с ним поговорить. Так сказать, небольшое интервью,— мечтательно произнес Богачев.

Симоненко засмеялся.

— Здрасте, мистер Голдуотер, хау ду ю ду. Я Сергей Богачев, учитель истории средней школы, в порядке общения с наглядными пособиями по империализму хотел бы с вами побеседовать на острые политические темы.

Богачев подхватил:

— И со мной еще мистер Симоненко — инженер маленького ремзавода, руководитель кружка текущей политики.

— Ладно, хватит.— Симоненко взялся за ручку двери.— Человеку писать надо, а мы мешаем. Поступило ценное предложение спать, с тем чтобы завтра с новыми силами продолжать осмотр столицы нашей Родины. Гуд бай, мистер Голдуотер.

— А жаль,— вздохнул Сергей,— хотел бы я узнать его взгляды из первых, так сказать, рук.

— Стоп,— сказал я.— Есть прекрасная возможность побеседовать с интересующим вас сенатором.

— Ну да, телепатия,— усмехнулся Симоненко,— она сейчас в моде.

— Никоим образом,— решительно отверг я.— Передо мной на столе все основные высказывания Барри Голдуотера по разным политическим вопросам за последние десять лет, стенографически приведенные в американских источниках. Итак, представьте себе, что перед вами Барри Голдуотер. Задавайте вопросы!

Моя идея была встречена с интересом. Тут же мне была поручена не очень приятная роль — читать вслух, не изменяя ни одного слова, высказывания Барри Голдуотера и точно указывать источник...

А два моих школьных друга, приехавшие погостить в Москву из моего родного городка на Ставропольщине, уселись напротив меня и приготовились вести беседу.

Я представляю вниманию читателей стенограмму нашей необычной пресс-конференции.

Богачев. Господин Голдуотер. Мы очень внимательно следили за всеми сообщениями, которые шли из Коровьего дворца в Сан-Франциско, где проходил съезд республиканской партии, членом которой вы являетесь. Многих встревожило то обстоятельство, что ваш съезд несколько напоминал фашистские сборища в Мюнхене. Делегаты вопили «Барри! Барри!» и приветствовали вас вытянутой вперед рукой со сжатым кулаком. Рассказывают, что когда в зале неожиданно появился пробравшийся туда негр с плакатом «Одна раса — раса человеческая», ваши политические сторонники набросились на него и избили до полусмерти. Скажу вам откровенно: многие не могут отделаться от неприятных ассоциаций. Например, губернатор Калифорнии Эдмунд Браун так сказал о вашей последней речи: «От нее разит фашизмом».

Голдуотер. *А тут разит Брауном, тут разит невежеством.*
(Пресс-конференция Голдуотера 17 июля с. г. перед отлетом из Сан-Франциско.)

Симоненко. Прекрасный, остроумный, аргументированный ответ, мистер Голдуотер!

Богачев. Но речь пока идет о чисто внешних совпадениях. А мне бы хотелось задать несколько вопросов по существу. Как вы относитесь, например, к личной диктатуре, неминуемой при фашизме?

Голдуотер. *Я не возражаю против диктатуры так решительно, как это делают некоторые, ибо я пришел к выводу, что не все народы в нашем мире готовы к демократическим процессам.*
(«Вопросы и ответы» ABC — TV. 7 апреля 1963 года.)

Симоненко. Значит, вы оправдываете диктатуру Гитлера?!

Голдуотер. *Здесь разит невежеством.*

Богачев. Вы повторяетесь, мистер. В американских газетах писали, кстати, что у вас весьма близкие дружеские связи с бывшими гитлеровскими генералами. Вы находитесь в личной переписке с лидером судетских немцев Гансом-Кристофом Зеебомом. Тем самым Зеебомом, который занимает пост министра транспорта в кабинете канцлера Эрхарда и который совсем недавно выступил с заявлением о том, что мюнхенское соглашение 1938 года еще имеет «законную силу», и потребовал «возвращения судетским немцам их земель». Правда ли это?

Голдуотер (ответа нет).

Богачев. Чем объяснить радость, которую проявили многие официальные круги в Западной Германии в связи с вашим выдвижением кандидатом в президенты?

Голдуотер. *Мир во всем мире зависит прежде всего от длительного союза между США и Германией.*
(Интервью журналу «Шпигель» от 8 июля с. г.)

Симоненко. Вы говорите о мире, господин кандидат в президенты, но недавно попалась мне газета, где сказано, что несколько недель тому назад вы предложили сбросить атомные бомбы в Южном Вьетнаме, чтобы «расчистить джунгли».

Голдуотер. *Полтора месяца назад в телевизионной передаче мне задали технический вопрос: как можно проникнуть на тайные тропы вьетнамских джунглей? Я служил в Бирме и поэтому знаю, что проникнуть в джунгли можно, только расчистив их. И я ответил, что с чисто технической точки зрения возможность заключалась бы в применении небольших атомных бомб. Но при этом я подчеркнул, что, конечно, об этом не может быть и речи.*
(Интервью журналу «Шпигель» от 8 июля 1964 года.)

Симоненко. Что-то мне не верится, мистер Голдуотер, что вы рассуждали чисто технически. Поройтесь-ка в памяти, не было ли у вас раньше таких заявлений? А?

Голдуотер. *Я бы сбросил небольшую атомную бомбу на дороги в Северном Вьетнаме или, может быть, поразил бы их с кораблей Седьмого флота.*
(Журнал «Ньюсуик», 20 мая 1963 года.)

Симоненко. Ага, память возвращается. А что, если еще немного поднатужиться?

Голдуотер. *Атомная бомба небольшой мощности могла бы быть использована в Лаосе.*
(«Лос-Анжелос таймс», 15 ноября 1961 года.)

Симоненко. Ну вот, теперь все на месте. Что же вы нам, сенатор, привирали? Нехорошо.

Богачев. Симоненко, без грубостей. Ты на пресс-конференции. Скажите, мистер Голдуотер, а как вы относитесь к идее мирного сосуществования?

Голдуотер. *Повторять коммунистический лозунг о «мирном сосуществовании» — это значит поддаваться коммунистической пропаганде.*
(«Лайф», 17 января 1964 года.)

Симоненко. Значит, лично вы за войну?

Голдуотер. *Я убежден, что через некоторое время либо будет война... настоящая атомная война... либо мы будем порабощены без войны. Я не вижу, как этого избежать, может быть, через пять — десять лет, начиная с сегодняшнего дня.*
(Интервью с Ирвин Росс, «Нью-Йорк пост», 8 мая 1961 года.)

Богачев. Для этой будущей войны вы и вооружаете сейчас Западную Германию?

Голдуотер. *Я считаю, что нет оснований бояться вооруженной Германии. Я считаю, что этот риск оправдан, потому что единственная страна на земном шаре, ко-*

Рисунок Бор. Ефимова.

торую Россия действительно боится,— это Германия, но вооруженная Германия.
(Интервью для радио 28 апреля 1963 года.)

Симоненко. Позвольте напомнить вам, господин Голдуотер, что Россия не единожды била германских милитаристов в войнах. А в последней войне вы, кажется, сами дрались против Германии.

Голдуотер. *При всем уважении к нашим военным я бы сказал, что если бы в обеих войнах Германией не руководили люди — или один человек,— которые ничего не понимали в деле ведения военных действий, она выиграла бы обе войны.*
(«Шпигель», 8 июля с. г.)

Богачев. Реваншизм. Слово в слово!

Симоненко. Может, вы оговорились, сенатор?

Голдуотер. *Мы должны на этот раз добиться, чтобы Германия осталась нашим союзником. Мы вели с ней две войны и чуть было обе не проиграли. Германия, если бы во время последней войны она имела более мудрых руководителей, победила бы Россию и, по всей вероятности, положила бы конец коммунизму, по крайней мере на данном этапе.*
(Интервью для радио 28 апреля 1963 года.)

Симоненко. Нет, не оговорился. Но ведь если бы не Россия, мистер Голдуотер, петь бы вам сейчас песенку «Германия, Германия — превыше всего!».

Богачев. Постой, Симоненко. Может быть, у него насчет войны пунктик. Это бывает. Нормальный человек, но в чем-то пунктик. Излечиваются. Попробуем о чем-нибудь другом. Что вы думаете о разоружении, мистер Голдуотер?

Голдуотер. *Опасный и полностью тщетный эксперимент.*
(Речь в Свингс Клабе, Нью-Йорк, 12 ноября 1962 года.)

Богачев. Об Организации Объединенных Наций?

Голдуотер. *В плане упрочения мира, по-моему, НАТО, атлантическое сообщество,— это гораздо более практическое орудие, чем Организация Объединенных Наций.*
(«Лайф», 17 января 1964 года.)

Богачев. О встрече в верхах?

Голдуотер. *Единственная встреча в верхах, которая может принести пользу,— это та, которая не состоится.*
(Из книги «Почему бы нам не победить?». Издание Макфэдден, 1963 год, стр. 45.)

Симоненко. Да понимаете ли вы, мистер Голдуотер, что за такие идеи вас будет презирать все человечество?

Голдуотер. *Я не дам ломаного гроша за то, что будет думать весь мир о Соединенных Штатах, если мы будем сильны в военном отношении.*
(Стенограмма заседаний конгресса. 23 сентября 1963 года.)

Симоненко. А говорят, Гитлер помер! Вот он перед нами. Работает Барри Голдуотером в Штатах.

Богачев. Несколько слов о внутренней политике. Как вы относитесь к вопросам расовой дискриминации в США, мистер Голдуотер?

Голдуотер. *Я решительно возражаю против сегрегации в какой бы то ни было форме.*
(«Вашингтон пост», 22 сентября 1963 года.)

Богачев. Приятно слышать.

Симоненко. Но трудно верить.

Голдуотер. *В магазинах, принадлежащих моей семье, у нас много негров. Один даже занимает у нас небольшой руководящий пост.*
(«Вашингтон пост», 22 сентября 1963 года.)

Симоненко. Негры вам премного благодарны, мистер Голдуотер, велели кланяться, особенно за этот «небольшой руководящий пост».

Богачев. Только одна странная деталь, господин Голдуотер. Ведь в сенате вы голосовали против закона о гражданских правах вообще голосовали против всех законов, направленных на ослабление расовой дискриминации. Как объяснить это противоречие?

Голдуотер. *Я голосовал против них по соображениям конституционного права.*
(«Шпигель», 8 июля 1964 года.)

Симоненко. За расовую дискриминацию по соображениям конституционного права? Разъясните.

Голдуотер. *Мы не имеем права указывать южным штатам, что они должны делать со школьной интеграцией или сегрегацией.*
(Отчеты радиокомпании CBS. 8 марта 1962 года.)

Симоненко. Ну да, негритянских ребят выгоняют из школ, их родителей убивают, а вы «охраняете конституционные права» тех, кто убивает...

Богачев. Говорят, сенатор, вы пользуетесь финансовой поддержкой расистской фашистской организации «Общества Джона Бэрча», которое существует у вас в стране.

Голдуотер. *Я мало что знаю о нем.*
(Выступление в колледже Пеппердайн в Лос-Анжелосе 29 марта 1961 года.)

Богачев. Мало? А шесть тысяч долларов на избирательную кампанию в сенат в 1958 году от кого получили?

Голдуотер. *Они [люди из общества Джона Бэрча] настроены антикоммунистически, и я не вижу никаких причин, почему мы должны быть против этого. Очень многих людей в моем родном городе [Феникс], как демократов, так и республиканцев, привлекает это общество, и такого рода люди производят на меня весьма благоприятное впечатление. Это именно такие люди, которые нам нужны в политике.*
(Выступление в Лос-Анжелосе 29 марта 1961 года.)

Симоненко. Ну тогда и покойник Маккарти — вам лучший друг, не иначе!

Голдуотер. *Нравится он или нет, но Маккарти является сейчас человеком, который решительней всех в Америке выступает против коммунизма. Лишать такого деятеля авторитета и влияния в Америке в данных обстоятельствах было бы серьезной победой для Москвы в сфере американского общественного мнения... пропагандистским триумфом для... тех у нас на родине, кто вторит речам о сосуществовании с Россией, что привело бы к последствиям, масштабы которых трудно предугадать.*
(Выступление в сенате 12 ноября 1954 года.)

Симоненко. С этим ясно, спросим о чем-нибудь повеселее. Как вы относитесь к культурному обмену между нашими странами? Музыка, искусство, танцы...

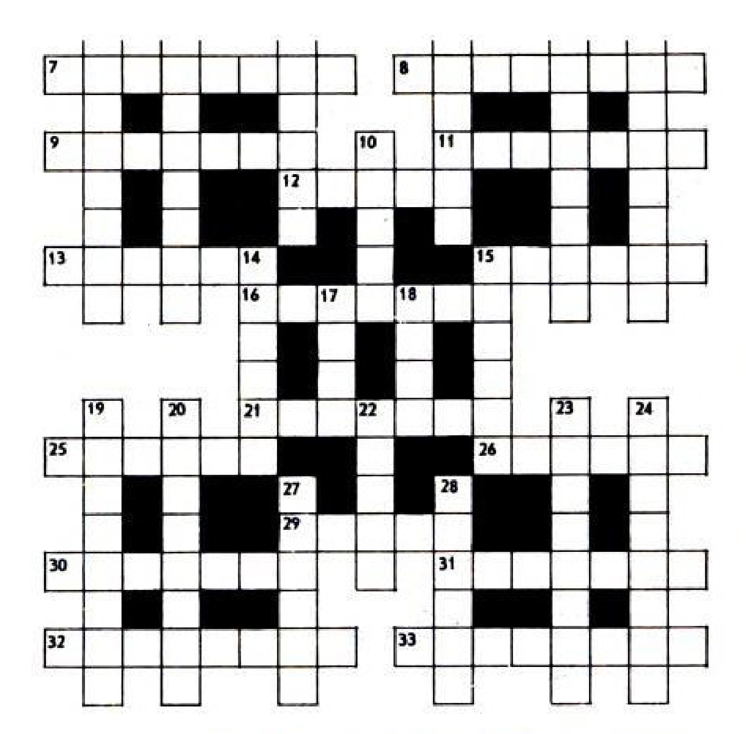
Голдуотер. *Программа обмена — это не что иное, как еще одна операция в ведущейся коммунистами политической войне. Люди, которых Кремль присылает сюда,— это все до одного подготовленные агенты, агитирующие за советскую политику. Некоторые из них — это шпионы, собирающие информацию; все они надежные проводники коммунистической пропаганды.*
(«Совесть консерватора», 1960 год.)

Симоненко. Ну да, агента Майю Плисецкую специально научили танцевать для маскировки. Сережа, он сумасшедший. Классический случай шизофрении на почве страха перед коммунизмом и маниакального подражания другому известному параноику, по имени Адольф Гитлер.

Богачев. Ты шутишь, а ведь это кандидат в президенты Соединенных Штатов Америки.

Симоненко. Я не шучу. Я просто хочу разобраться, что же это за страна, где убивают на улице президента, а через полгода выдвигают кандидатом на его место человека, которого по всем человеческим законам надо было бы прямо из Коровьего дворца отвезти в психиатрическую лечебницу.

Так закончилась эта необычная пресс-конференция...

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

7. Народный художник СССР. 8. Курорт в Азербайджане. 9. Оркестровый музыкальный инструмент. 11. Нарицательная стоимость. 12. Набросок чертежа, рисунка. 13. Ученое звание. 15. Озеро в Казахской ССР. 16. Аппарат для размножения рукописей, чертежей. 21. Часть слова. 25. Овощ. 26. Стихотворная строфа. 29. Река в Архангельской области. 30. Большая звезда. 31. Русский путешественник XV века. 32. Персонаж пьесы В. Маяковского «Баня». 33. Пустыня в Средней Азии.

По вертикали:

1. Спортивная игра. 2. Скульптурное изображение. 3. Государство на побережье Средиземного моря. 4. Латышский поэт, драматург. 5. Тонкая витая проволока для вышивания. 6. Графитная палочка для письма, рисования. 10. Марка автомобиля. 14. Путь. 15. Областной центр РСФСР. 17. Вид топлива. 18. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 19. Рыболовная снасть. 20. Одногорбый верблюд. 22. Грань отшлифованного камня. 23. Оловянная фольга. 24. Учебное заведение. 27. Название космических кораблей. 28. Растение с белыми душистыми цветками.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

3. Фабрика. 7. Консул. 8. Павиан. 9. Рембрандт. 13. Каштан. 14. «Манас». 16. Рангун. 17. Аэросани. 18. Гипотеза. 20. Куртка. 22. Сталь. 23. Оборот. 25. Скальпель. 28. «Челкаш». 29. «Одарка». 30. Карасук.

По вертикали:

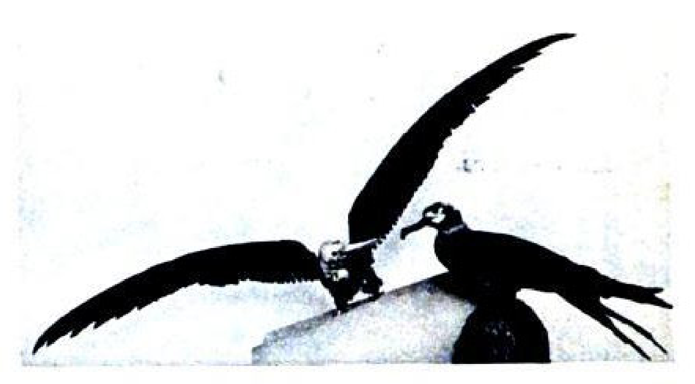
1. «Разлом». 2. Акопян. 4. Референт. 5. Моцарт. 6. Павлин. 9. Ренессанс. 10. Тернополь. 11. Дарасун. 12. Чумалов. 14. Минус. 15. Стиль. 19. Пальмира. 21. Танкер. 24. Облако. 26. Аншлаг. 27. Елогуй.

РЕДКИЕ ГОСТИ

Живет на тропических островах Индийского и Тихого океанов птица-фрегат. В нашу страну эта птица залетает редко. Первого фрегата удалось подстрелить недалеко от Хабаровска в 1926 году.

В августе 1962 года вблизи Комсомольска-на-Амуре обнаружили второй экземпляр этой редкой гостьи. Чучела обеих птиц экспонируются в Хабаровском краеведческом музее.

Размах крыльев фрегата около двух метров. В поисках пищи, преимущественно живой рыбы, птице приходится улетать далеко от берега. И лишь после полудня она возвращается передохнуть на прибрежных деревьях. На землю фрегаты обычно не садятся, так как из-за больших крыльев им трудно взлетать с ровной поверхности. Они вьют гнезда на деревьях или в расщелинах скал.

В. СЫСОЕВ, В. ГОТВАНСКИЙ
Фото А. Бичурова.

И ОНА УМЕЕТ КАПРИЗНИЧАТЬ

Зрители больших скаковых состязаний в Мельбурне (Австралия) были свидетелями забавного случая. Перед самым началом соревнований закапризничала одна из лучших лошадей. Она не желала сдвинуться с места. Усилиями нескольких конюхов ее удалось вывести на старт. На этот раз фаворитка не заняла призового места, чему в немалой степени способствовало, по мнению знатоков, ее дурное настроение.

НОЧНАЯ ХИЩНИЦА

На каменистых отмелях у южных берегов Японии водится хищная рыба умиэби, или морская змея. По виду она напоминает мурену. Ее длина достигает шестидесяти сантиметров.

Притаившись в расщелинах подводных скал, она ждет наступления ночи и только тогда выползает из своего укрытия на охоту. С молниеносной быстротой она нападает на дремлющих рыб, омаров и осьминогов. Острыми как бритва зубами умиэби разрывает свою жертву на куски и пожирает ее.

Эта морская хищница представляет большую опасность и для человека. Однако японские рыбаки ловят умиэби и готовят из нее вкусные блюда. Кожа морской змеи, которая очень ценится в Японии, идет на изготовление ремней, бумажников, дамских сумочек.

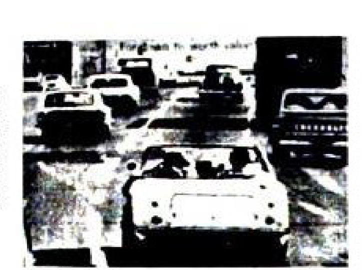

А. РЕВИН
Токио.

ЗА РУЛЕМ ШИМПАНЗЕ

На улицах города Атланты (штат Джорджия, США) вызвало сенсацию появление автомобиля с необычным водителем. Машиной управлял шимпанзе Каппи, правда, под наблюдением сидящего рядом дрессировщика.

В. ЛЕВЧЕНКО

Я читаю сама

Фото Г. Дружелюбова и М. Зорина.

Солнце. Дом. Труба. Ступени.
На земле синеют тени.
А какой он, этот свет,
Настоящий или нет?

Красный дом,
Но солнце ярче.
Интересно, что же дальше?

Дальше лужа и свинья...
Ай-я-я!!!
И не хочет вылезать.
Надо маме рассказать.

На первой странице обложки: Полевые ромашки.
Фото А. Гостева.

На последней странице обложки: Прометей. (См. в номере «Где живет Прометей».)
Фото Н. Козловского.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00724. Подписано к печати 29/VII 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 959 000. Изд. № 1154. Заказ № 2045.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПАПЫ ЖДУТ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Воскресенье. Ленинский проспект. Универсальный магазин «Москва». Много покупателей.

Из подслушанного разговора:

— Коля! Ты погуляй здесь с Мишей, а я мигом. Вернусь через пять минут.

Фотографии рассказывают, как это бывает в жизни...

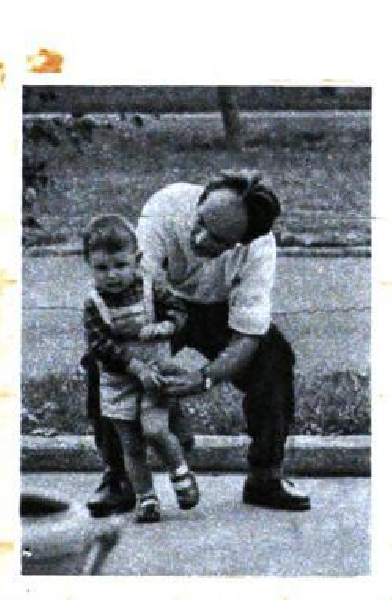

Прошло уже больше часа...

Где же мама?

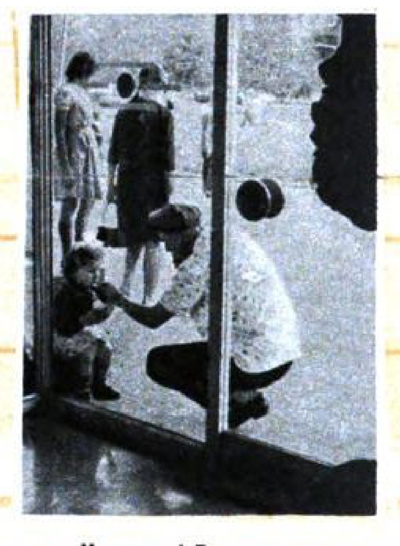
— Это уже непонятно! У нас сегодня футбол...

— Хочу к маме!

Сидят и ждут...

— Не плачь! Вот еще порция мороженого

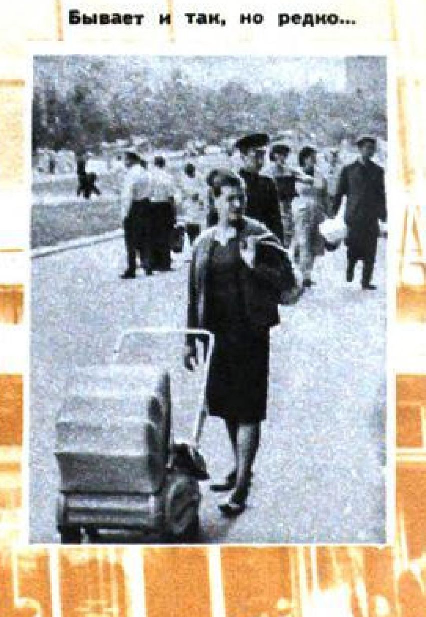
— Где же она? Пора кормить...

Терпение лопнуло. Пошли за мамами!

Бывает и так, но редко...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663